

М.Н. ВАЛЛ И.А. КАНАКИН
ОЧЕРК ФОНОЛОГИИ
И ГРАММАТИКИ
КЕТСКОГО ЯЗЫКА

„НАУКА”
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

М.Н. ВАЛЛ, И.А. КАНАКИН

ОЧЕРК ФОНОЛОГИИ
И ГРАММАТИКИ
КЕТСКОГО ЯЗЫКА

Ответственный редактор
доктор филологических наук Е.И. Убрятова

НОВОСИБИРСК
« НАУКА »
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

ББК 81
В15

Рецензенты
кандидаты филологических наук Н.М. Гришина, Н.Н. Коваленко

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Валл М.Н., Канакин И.А.

В15 Очерк фонологии и грамматики кетского языка. - Новосибирск:
Наука, Сиб. отд-ние, 1990. - 101 с.
ISBN 5-02-029375-X.

В монографии дается структурно-типологическое описание звукового и грамматического строя кетского языка - одного из наиболее самобытных языков Сибири. Основное внимание уделено выявлению самых общих отличий кетского от других языков Сибири. Это относительная простота звукового строя и принцип прямой маркировки актантных ролей, позволяющий проводить анализ высказываний непосредственно в семантических терминах.

Книга рассчитана на специалистов по сибирским языкам и общей типологии.

В 460.20.20.100-041 714-90 I полугодие
042(02)-90

ББК 81

ISBN 5-02-029375-X

© Издательство "Наука", 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происходящие в мире изменения языков и культур сложны и противоречивы. Они не сводятся только к прямолинейно понимаемому прогрессу, но неизбежно связаны и с потерями. В частности, не приходится отрицать медленное, но неуклонное сокращение языкового разнообразия человечества. Новые естественные языки больше не возникают, и едва ли можно ожидать их появления в будущем. Напротив, известно немало языков, которые вышли из употребления. В нашей стране тоже есть языки, которым едва ли суждено прожить дольше одного-двух поколений их слишком малочисленных носителей. Тем важнее сохранить знания о них.

Кетский – последний живой член некогда обширной семьи языков таежных охотников и рыбаков, редкие поселения которых были разбросаны на необъятных пространствах в бассейне р. Енисея. С первой половины XVII в. начинаются все более регулярные контакты аборигенов с русскими и формальная христианизация "енисейских остяков" – приверженцев шаманизма. Языку кетов – маленького народа, который целиком смог бы разместиться в современном стандартном жилом доме, – повезло больше других: уже давно он стал объектом пристального внимания нескольких десятков исследователей, отечественных и зарубежных. В прошлом веке финским ученым М.А. Кастреном были заложены основы енисейского языкознания [112]. Наибольший вклад в его развитие внесли советские сибиреведы Н.К. Каргер, А.П. Дульзон, Е.А. Крейнович, отдавшие изучению кетского языка лучшие годы своей творческой жизни.

Дело, начатое ими, успешно продолжают их последователи – наши современники и коллеги. Нет возможности назвать их всех поименно. Каждый имеет свою точку зрения на кетский язык и не собирается ее пересматривать. Мы обращаемся к лингвистам других профилей, желающим получить об этом языке самое общее представление. Многие из опубликованного оказываются для них труднодоступным из-за слишком частного характера рассматриваемых вопросов, а имеющиеся обобщающие работы нуждаются в уточнениях и поправках. Поскольку данный очерк адресован не узким специалистам, количество примеров в нем сведено к минимуму; наряду с этим в приложении дается несколько кратких текстов. В работе использованы главным образом материалы книг А.П. Дульзона "Кетский

язык" [39] и Е.А. Крейновича "Глагол кетского языка" [58] с привлечением других источников, в частности статей Э.И. Белимова [5; 6; 7], В.Г. Шабаева [107], Г.К. Вернера, Р.С. Гайер, Р.Ф. Деннинга.

В настоящее время кетов насчитывается около тысячи человек, проживающих в основном в поселках Суломай, Келлог, Сургутиха, Бакланиха, Серково, расположенных на Енисее и его притоках на территории Красноярского края.

Исследованиями последних полутора веков твердо установлено бесспорное отсутствие родства енисейских языков с соседними языками Сибири. Их генетические связи с другими языками Евразии или Америки остаются неясными, и поиски доказательств таких связей пока не дали убедительных результатов. Скудность фактических данных о более ранних этапах развития енисейских языков сильно сужает возможности компаративистики и снижает надежность глубинных исторических реконструкций.

Кроме того, ни для одного исследователя ни кетский, ни какой-либо другой енисейский язык никогда не был родным. Авторы данной работы, как и их коллеги, тоже не владеют кетским активно и находятся приблизительно в той же ситуации, с которой столкнулись, например, первые исследователи языков американских индейцев. Однако это обстоятельство вовсе не означает необходимости ограничиваться механическим заимствованием приемов и методов дескриптивизма.

Совершенно очевидно, что вынужденная позиция слушающего не дает возможности, да и морального права описывать языковую компетенцию носителей кетского языка, т.е. строить его синтезирующую модель. В этих условиях наиболее приемлемым представляется описание структурно-типологическое, ориентированное именно на позицию слушающего.

Структурная типология, объект анализа которой – языковые системы, а не дистрибуция каких-либо единиц и не правила их порождения и трансформации, строится на классической концепции Ф. де Соссюра и предполагает выделение языковых уровней, или ярусов, рассматриваемых в парадигматическом аспекте. Объектом данного описания является системная организация двух таких ярусов – фонологического и грамматического. Лексическая и словообразовательная системы исключаются из рассмотрения ввиду значительно более высокой степени их сложности и отсутствия способов их целостного представления.

Принципы описания

Фонологическая система, ее элементы и парадигматические отношения между ними имеют исключительно функциональную основу; никакие субстантные сущности сами по себе, в отрыве от функции, вообще не образуют каких бы то ни было языковых систем [49, с. 17; 51, с. 46–47; 86, с. 26; 87, с. 187; 93, с. 113; 117, с. 39].

Звуковая субстанция и ее языковая функция качественно различны и требуют принципиально разных методов анализа, которые преследуют различные цели и дают разные результаты. Неодинаковы и требования к точности описания субстанции, с одной стороны, и функции – с другой. Точность фонетического описания физической (акустической) либо физиологической (артикуляторной) субстанции достигается с помощью специальной аппаратуры, регистрирующей в идеале любые самые тонкие оттенки и различия. Точность фонологического, функционального описания целиком исчерпывается констатацией относительно немногочисленных простых и грубых коммуникативно значимых звуковых противопоставлений (прежде всего бинарных), доступных непосредственному восприятию; в этом смысле фонологическая точность всегда относительна [84, с. 297].

Особого внимания заслуживает вопрос о фонологических единицах. Необходимо различать языковые единицы фонологического яруса и единицы фонологического описания: первые – объективная реальность, вторые – априорно задаваемые конструкты, которые не могут быть обнаружены в языковом материале и получают неодинаковые трактовки и определения у разных авторов; их выбор произволен и зависит от целей исследования и некоторых других моментов [12, с. 226; 49, с. 7; 51, с. 19–25; 62, с. 203; 85, с. 94; 86, с. 18]. Так, например, особые единицы описания предлагаются для слоговых языков [32, с. 75–78; 47, с. 122–124; 49, с. 118–140]. При описании неслоговых языков, к которым принадлежит и кетский*, главная роль обычно отводится фонеме. При этом фонема

* Неслоговой характер кетского языка очевиден, поскольку ему не свойственно обязательное совпадение слоговых и морфемных границ (см.: [88, с. 267–268]). Экспоненты морфем в кетском могут быть как больше слога (т.е. состоять из двух слогов), так и меньше его (т.е. состоять из одного неслогообразующего согласного).

часто рассматривается как предельная единица анализа; однако столь же часто отстает и мысль о ее членимости. Следует подчеркнуть, что представление о членимости фонемы – вовсе не условность, не просто искусственный прием описания; оно несомненно отражает языковую реальность [9, с. 199, 203, 290; 62 с. 205] и считается необходимой предпосылкой фонемной парадигматики [86, с. 109].

Признание фонемы комплексным и разложимым объектом диктуется не только требованиями адекватности описания в целом ряде частных случаев (см., например: [12, с. 143–148, 230; 31, с. с. 79–87]), но прежде всего общими задачами структурной типологии, для решения которых необходимы специальные единые средства анализа сопоставляемых фонологических систем и их элементов, непосредственно друг с другом не сопоставимых [84, с. 301; 49, с. 92].

Допущение разложимости фонемы лежит в основе дихотомической модели Р. Якобсона, Г.М. Фанта и М. Халле [110], получившей широкую известность и сыгравшей чрезвычайно важную роль в развитии методов фонологического анализа. Вместе с тем она вызывает и серьезную критику, которую во многом следует признать справедливой. Самым уязвимым оказывается ее центральный тезис о фонеме как пучке различительных признаков, которые мыслятся как универсальные, а их общее конечное число задается перечислением. Должно быть очевидным, что никакой объект не состоит из своих признаков и на признаки не разлагается; сумма признаков не дает объекта, поскольку признаки, т.е. свойства или качества, производны от понятия объекта, до его выделения не выделяемы и без него не существуют; определение фонемы как "набора признаков фонемы" логически несостоятельно [27, с. 57–72; 28; 46, с. 53–54; 48, с. 42; 49, с. 87–99; 91, с. 196–199]. Тем не менее последующие модификации в рамках даже наиболее радикальных лингвистических школ и направлений касались главным образом пересмотра содержания различительных признаков – артикуляторных, акустических, перцептивных – и уточнения их универсального инвентаря (см.: [53, с. 20–31, 109–127]), но при этом не затрагивали самого понятия "признак".

Принципиально отлична концепция, выдвинутая В.Я. Плоткинским [75; 78; 79; 115], основные исходные положения которой сводятся к следующим. Будучи сложной фонологической единицей, фонема состоит не из признаков, а из фонологических единиц более низкого ранга. Как и всякие языковые единицы, они не могут существовать и мыслиться в виде неупорядоченного множества, а образуют особые системы. Такие системы должны быть индивидуальными для отдельных языков; универсальными могут быть лишь некоторые принципы их организации.

Принимая тезис о членимости фонемы, нужно согласиться с тем, что несомненно более адекватным отражением языковой реаль-

ности является представление не об универсальном перечне различительных признаков, а о специфических системах элементарных фонологических единиц.

Мельчайший компонент фонемы, для наименования которого используется термин И.А. Бодуэна де Куртенэ "кинакема", определяется как "минимальная коммуникативно значимая единица иннервации речевого аппарата" [78, с. 143].

Подобно любым другим языковым единицам, кинакемы имеют субстантные, функциональные, парадигматические и синтагматические характеристики.

Субстантными реализациями кинакем служат артикуляторные движения и их акустические корреляты, в то время как за фонемой сохраняется статус первичной единицы коммуникативно релевантного звучания [Там же; 79, с. 193-194].

В функциональном плане кинакемы прежде всего служат материалом для конструирования фонем; кроме того, они способны сами выступать в качестве носителей грамматических значений [78, с. 165; 81].

Парадигматика кинакем, т.е. сеть их внутрисистемных отношений, последовательно дихотомична. Необходимо отметить, что дихотомичность, бинарность – свойство не только метаязыка описания; она несомненно присуща природе языковых единиц низших ярусов [78, с. 160; 85, с. 63; 87, с. 186]. Бинарность определений кинакем (дающихся в артикуляторных терминах, как наиболее привычных) отражает относительную, фонологическую точность. Фундаментальным типом бинарной структуры является оппозиция. Этим термином обозначается не отношение между фонемами, а пара контрадикторных, разнознаковых кинакем – положительной и отрицательной, каждая из которых обязательно предполагает существование другой [78, с. 145, 147, 153]. К оппозиции в такой трактовке неприложимо понятие нейтрализации; нулем в матрице идентификации обозначается не снятие фонемного противопоставления, а невхождение ни одной из двух парных кинакем в состав фонемы.

Синтагматика кинакем отражает их взаимную сочетаемость – внутрифонемную и межфонемную [Там же, с. 160-161].

Типологическое своеобразие отдельных фонологических систем определяется прежде всего различиями в парадигматике кинакем. Такие различия весьма немногочисленны, а парадигматические изменения происходят чрезвычайно редко. Чаще наблюдаются различия в симультанной синтагматике кинакем, т.е. в их способности формировать стандартные и устойчивые блоки – фонемы. Наконец, наиболее широко распространены, но типологически наименее показательны различия в субстантной реализации кинакем, неизбежно допускающей известную естественную вариантность [Там же, с. 144, 155-156].

Как было показано на обширном фактическом материале, послужившем основой диахронических и типологических описаний [77; 78; 80; 81; 115; 116], парадигматика кинакем в неслоговых языках обнаруживает общее ядро, состоящее из двух подсистем –

вокалической и консонантной, которыми и ограничивается конструктивный потенциал фонологии в простейших случаях.

Минимальный вокализм строится на двух оппозициях – одной модальной (растворной) и одной локальной (тембровой). Первая часто реализуется в виде противопоставления положительной кинакемы широкого и отрицательной кинакемы неширокого раствора; вторую обычно образуют положительная кинакема заднего ряда (и/или лабиализации) и отрицательная незаднего ряда. Объединение тембровых кинакем с отрицательной модальной дает две неширокие фонемы, как правило / u / и / i /; их объединение с положительной растворной кинакемой – соответственно две широкие типа / ǣ / и / ä /. Но сочетаемость положительных кинакем в целом менее свободна, поэтому чаще кинакема широкого раствора оказывается вообще несочетимой ни с одной из тембровых, формируя фонему / a / – единственную широкую гласную в трехфонемном вокализме [80, с. 26] (ср.: [68, с. 7; 117, с. 96–98]).

Другие оппозиции развертываются прежде всего на основе двух названных первичных путем преобразования их отрицательных кинакем. Такое преобразование возможно потому, что немаркированный член контрадикторного противопоставления имеет более богатое содержание, чем маркированный, в частности охватывает более обширную зону субстантной реализации, допускающую дальнейшее деление по дополнительному основанию. Например, в субстантном поле отрицательной кинакемы неширокого раствора, в целом контрадикторном по отношению к антропофонической базе положительной кинакемы широкого раствора, содержится частный компонент, контрарный ей (узкий раствор), потенциально способный служить субстратом для положительной кинакемы в новой оппозиции, сопряженной с исходной:

широкий / неширокий раствор

узкий / неузкий раствор

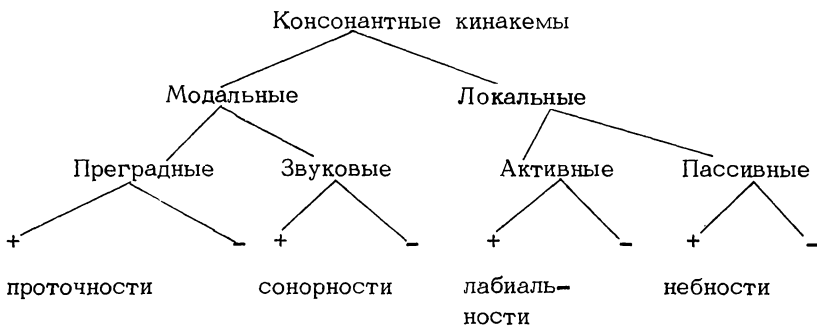
Две сопряженные оппозиции дают по меньшей мере три сочетания кинакем, входящие в состав гласных соответствующих растворных классов:

широкого и неузкого раствора	/ a /	
неширокого и неузкого раствора	/ e /	/ o /
неширокого и узкого раствора	/ i /	/ u /

Сходным образом осуществляется трансформация первичной тембровой оппозиции. В субстантной базе ее отрицательной кинакемы незаднего ряда (и неогубленности) выделяется и активизируется латентно представленный в ней более узкий по объему артикуляторно-перцептивный компонент, выступающий положительным членом в новой оппозиции переднего / непереднего ряда. Две оппозиции, положительные кинакемы которых взаимно контрарны, помимо гласных переднего и заднего ряда обеспечивают формирование как минимум еще одного локального класса – гласных среднего ряда, сочетающих две отрицательные кинакемы [81, с. 151].

Другая возможность заключена в комплексном характере субстанции положительной кинакемы первичной тембровой оппозиции, совмещающей артикуляцию заднего ряда с лабиализацией. Их функциональное разъединение приводит к образованию двух тембровых оппозиций иного типа – заднего / незаднего ряда и лабиализации / нелабиализации. Таково положение в некоторых германских и многих других языках, в которых представлены гласные с сочетаниями двух положительных кинакем (u, o), двух отрицательных (i, e) и двух разнознаковых – отрицательной незаднего ряда и положительной лабиализации (i, ö) [77, с. 146; 78, с. 154; 80, с. 61-62].

Ядро консонантной подсистемы сложнее и состоит из четырех пар кинакем – двух модальных и двух локальных [115, с. 84-86; 116, с. 277-278]:

Одна из модальных оппозиций отражает способ образования преграды и состоит из положительной кинакемы проточности и ее отрицательного противочлена – кинакемы непроточности; другая отражает соотношение тона и шума и состоит из положительной кинакемы сонорности и отрицательной несонорности. Сочетания кинакем этих двух пар формируют четыре модальных класса фонем: проточные сонорные, непроточные сонорные, проточные несонорные, непроточные несонорные.

Кинакемы локальных оппозиций обеспечивают различение согласных, компонентами которых они являются, по участию артикулирующих органов – активных и пассивных. К активным относятся губы и язык; положительная кинакема лабиальности содержится в составе губных, отрицательная нелабиальности – в составе язычных фонем. К пассивным относятся две зоны – дентально-альвеолярная и небная (заальвеолярная); пассивно-локальную оппозицию образуют кинакемы небности и ненебности, имеющиеся, естественно, лишь у язычных фонем. Обоснование выбора направленности маркировки в каждой из четырех оппозиций дано В.Я. Плоткиным [78, с. 146-148; 115, с. 85-86; 116, с. 279-282].

На такой основе строится простейший консонантизм некоторых полинезийских языков [60, с. 26; 115, с. 84-86] (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Кинакемы	p	t	k	m	n	ŋ	f	s	v	l
Модальные:	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
проточности										
сонорности	-	-	-	+	+	+	-	-	+	+
Локальные:										
активные	+	-	-	+	-	-	+	-	+	-
пассивные	0	-	+	0	-	+	0	0	0	0

Отдельного внимания заслуживают сонорные согласные. В консонантной подсистеме нет места для особых кинакем назальности, непрерывности или латеральности. Назальность — только субстантно обусловленное следствие объединения кинакем непроточности и сонорности, которое антропофонически просто не может быть реализовано иначе, точно так же как "непрерывность" или "латеральность" фонемы /l/ в данном случае всего лишь субстантное воплощение сочетания кинакем сонорности и проточности [78, с. 145–146; 116, с. 280–281]. Следует отметить также, что в наиболее бедных консонантных подсистемах типа приведенной полинезийской у проточных фонем не имеется никаких пассивно-локальных кинакем, а лишь по одной активно-локальной — положительная у лабиальных /t/, /v/; отрицательная у согласных /s/ и /l/. Таким образом, фонологически обе последние являются просто негубными, т.е. только язычными, и тем самым отличаются от язычных же /t/ и /n/, содержащих, сверх того, отрицательную пассивно-локальную кинакему не-небности. Любое фонетическое описание, ориентированное исключительно на субстантные моменты, относит /t/, /n/ и /s/, /l/ к одному и тому же локальному ряду и игнорирует указанное различие между ними; тем важнее подчеркнуть значимость этого различия, отражающего релятивность фонологических определений.

В других языках представлены более сложные парадигматические образования вследствие трансформации одной или нескольких первичных оппозиций описанным выше способом. В частности, на базе отрицательной кинакемы в оппозиции проточности / непроточности потенциально возможно развертывание сопряженной с ней оппозиции смычности / несмычности; сочетания кинакем двух преградных оппозиций дают три класса фонем: проточных несмычных, непроточных смычных и класса аффрикат, объединяющих в себе положительные кинакемы смычности и проточности. Сходным образом на основе отрицательной кинакемы в первичной звуковой оппозиции сонорности / несонорности развертывается сопряженная с ней оппозиция шумности / нешумности, что обеспечивает формирование не менее трех других классов фонем: сонорных нешумных, несонорных шумных (т.е. глухих) и промежуточного класса, объединяющего две однознаковые кинакемы; сочетание положительных кинакем сонорности и шумности свойственно звонким согласным [78, с. 149–150].

Аналогичному преобразованию подвергаются и локальные оппозиции, предпосылкой чего является наличие естественного центра артикуляционного аппарата, образуемого передней частью языка и зубами или альвеолами. Так, наряду с активно-локальной оппозицией предцентральной (лабиальности) / непередцентральной (язычности) развертывается сопряженная с ней оппозиция зацентральной / незацентральной, положительная кинакема которой реализуется в периферийной заднеязычной либо заязычной артикуляции. Две отрицательные активно-локальные кинакемы – непередцентральной и незацентральной – сочетаются в составе (передне) язычных фонем. Обычно именно эти последние включают в себя также и одну из пассивно-локальных кинакем – положительную зацентральной (небности, заальвеолярности) либо отрицательную незацентральной (т.е. дентальности или альвеолярности) [Там же].

К широко распространенным относится подсистема кинакем из шести оппозиций – трех модальных (одной преградной и двух звуковых) и трех локальных (двух активных и одной пассивной). На ней строится консонантизм целого ряда языков, например нидерландского [80, с. 72] (табл. 2).

Специфика согласных нидерландского, как и любого другого, языка проявляется главным образом в особенностях внутрифонемной комбинаторики и субстантной реализации кинакем; из них модальные в данном случае не нуждаются в пояснениях. Что касается локальных кинакем, то сочетание двух активных обязательно для каждой фонемы. Пассивно-локальные кинакемы в составе некоторых фонем отсутствуют: у губных в силу физиологической невозможности контакта активных и пассивных органов артикуляции; у согласных /k/, /ŋ/, /x-h/, /ʃ/, /R/ ввиду того, что они являются единственными активно-зацентральнойными в соответствующих модальных классах и более точное место их образования (заднеязычность, увулярность, фарингальность) фонологически нерелевантно. По той же причине фонемы /d/ и /n/ , единственные переднеязычные в своих модальных классах, не имеют пассивно-локальных кинакем как мельчайших функциональных компонентов. Таким образом, нидерландские заднеязычные, увулярные и фарингальные согласные получают одинаковую фонологическую трактовку, в то время как /d/ и /n/ интерпретируются иначе, чем прочие дентальные. Подобное решение вовсе не искажает языковые факты; оно безусловно отражает реальность, но реальность функциональную, а не субстантную, акустико-физиологическую. Еще раз подчеркнем, что фонологические определения относительно и переменны в отличие от фонетических характеристик, постоянно присущих данному звуку или звуко типу.

Рассмотренных основных положений достаточно для пояснения того подхода к кетской фонологической системе, который, во-первых, позволяет уточнить набор образующих ее элементов и парадигматические отношения между ними и, во-вторых, дает возможность типологического сопоставления ее с фонологическими системами других

Т а б л и ц а 2

Кинакемы	p	t	t'	k	b	d	m	n	ŋ	f	s	ʃ	x	v	z	ʒ	ʁ	w	l	j	R
----------	---	---	----	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

Модальные:

проточности	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
сонорности	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
шумности	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-

Локальные:

активной предцентральной	+	-	-	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
активной за- центральной	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	+
пассивной за- центральной	0	-	+	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	0	-	+	0	0	-	+	0

языков Сибири, описанных с тех же позиций; последнее, однако, выходит за рамки этой работы.

Имеющиеся описания кетской фонологии довольно сильно расходятся между собой, а в ряде моментов прямо противоречат друг другу. Достаточно сказать, например, что у разных авторов количество согласных фонем колеблется от 11 до 23, гласных – от 7 до 56; неодинаково трактуются просодические явления и т.д. Расхождения обусловлены, с одной стороны, несовпадением точек зрения отдельных исследователей и принципиально возможной неединственностью описания одного и того же языкового материала, с другой стороны – неоднородностью самих исходных данных разных кетских говоров, в некоторых отношениях заметно отличающихся друг от друга, несмотря на активные процессы их смещения. Кроме того, следует иметь в виду возможность сосуществования нескольких не полностью тождественных фонологических систем в пределах идиолекта носителя одного и того же говора [86, с. 19]. По этим причинам результатом фонологического анализа и действительности может быть лишь некоторая обобщенная модель. Ее рассмотрение удобно начать с консонантизма, относительно которого существует большее единство взглядов.

Консонантизм

За исключением нескольких фонологически недостаточно обоснованных утверждений [59, с. 8-11; 92, с. 175], подсистема кетских согласных большинством исследователей признается в общем весьма бедной, насчитывающей не более 13 фонем, и обычно пред-

ставляется следующим образом [89, с. 52] (см. также: [35; 36, с. 134; 39, с. 52; 100, с. 119]):

	t	k	q	?
b	d			
m	n	ŋ		
	s			h
l	l	j		

Статус некоторых ее элементов является спорным и нуждается в уточнении. Прежде всего это относится к гортанной смычке /ʔ/.

Фарингальная или ларингальная смычка (или соответствующее сужение) не имеет единой общей трактовки и в разных языках в зависимости от условий может выступать не только как отдельная согласная фонема, но и как особый компонент гласных фонем или целого слога [49, с. 163]. Кроме того, она, разумеется, может быть вообще лишена фонологической значимости.

Гортанная смычка в кетском рассматривается также по-разному и получает не только консонантную интерпретацию [101, с. 137]. Согласно другим определениям, она признается "следствием особенности реализации гласных" [100, с. 118; 101, с. 139] либо самостоятельным просодическим явлением, сопровождающим реализацию одного из слоговых акцентов [17, с. 92; 21, с. 143]. Проблемы вокализма и просодики будут рассмотрены ниже. Что касается правомерности включения гортанной смычки в консонантную подсистему, то решающим является отсутствие примеров дистинктивного противопоставления ее другим согласным фонемам. Помимо этого, она обнаруживает комбинаторные ограничения, не свойственные согласным: встречается только в части односложных слов, регулярно исчезает при их удлинении и поэтому невозможна, например, в интервокальном положении. Это не оставляет сомнений в том, что заротовая смычка (либо глоттальное сужение) не имеет самостоятельного парадигматического статуса и не должна включаться в подсистему согласных.

Напротив, нет оснований для исключения из консонантизма согласного /j/, как это иногда делается вследствие его отождествления с вариантом гласной фонемы /i/ [36, с. 132; 39, с. 52]. Его консонантный характер подтверждается его субстантивными и дистрибутивными свойствами [100, с. 111-112]; в частности, он используется в качестве вставки для устранения зияния, т.е. в функции, совершенно неестественной для гласных (du-j-aq 'он идет', data-j-adaq 'она падает').

Исключение из состава согласных увулярного /q/ аргументируется его совпадением с заднеязычным /k/ [Там же, с. 114]. Тенденция к парадигматическому слиянию обеих фонем несомненно существует [36, с. 132], и завершение этого процесса приводит к сокращению консонантной подсистемы, что должно быть отражено в последующем

описании. Однако во многих идиолектах различие между двумя согласными сохраняется, и для полноты общей картины за увулярным следует оставить его место в консонантизме.

Наконец, отметим фонологическую нерелевантность палатализации переднеязычных и в меньшей степени также других согласных, имеющей спонтанный характер и свойственной не всем говорам [35, с. 15; 36, с. 129-131; 45, с. 226; 89, с. 51; 100, с. 102-111].

Итак, кетскую консонантную подсистему образуют 12 фонем — все приведенные выше, за исключением гортанной смычки. Наряду с уточнением фонемного состава в его внешних границах не менее важно уточнить собственное содержание самих фонем, т.е. их внутренний кинакемный состав. Как будет показано, кетский консонантизм строится на тех же шести оппозициях, что и нидерландский (см. табл. 2). Однако он отличается от последнего субстантивной реализацией кинакема в силу заведомо иной артикуляционной базы, а также их сочетаемостью, определяющей количество фонем и их системные связи. Не менее существенно и еще одно отличие, затрагивающее взаимоотношения модальных и локальных кинакема в целом.

В изложенной концепции В.Я. Плоткина именно модальные кинакемы наделены более высоким иерархическим рангом. Иначе говоря, считается, что, например, в основе тех же нидерландских согласных лежат объединения кинакема преградной и двух звуковых оппозиций (проточности, сонорности и шумности), образующие фонемные ядра, к которым добавляются сочетания локальных кинакема. Но если рассматривать обе категории кинакема как логически равноправные, то правомерно считать, что в некоторых других языках отношения их могут быть прямо противоположными, и для адекватного описания их консонантизма необходимо признать более высокую значимость не модальных, а локальных кинакема. По-видимому, к языкам такого типа относится и кетский, в котором, как и в ряде других языков Сибири, согласные обнаруживают заметную вариантность по способу своего образования при относительной стабильности места артикуляции. Описание, игнорирующее это обстоятельство, дает малосодержательные результаты [14].

С учетом сказанного представляется целесообразным определить вначале состав локальных кинакема кетских согласных. При этом отправной точкой должен служить тот факт, что в кетском консонантизме несомненно используются две сопряженные активно-локальные оппозиции. Их положительные кинакемы реализуются в периферийных зонах артикуляции — предцентральной (предъязычной, т.е. губной) и зацентральной (заязычной, т.е. увулярно-фарингальной). Сопряженность обеих оппозиций означает, что в состав любой фонемы входят кинакемы каждой из них, выступающие в трех сочетаниях:

предцентральной и незацентральной (в составе губных /m/, /b/);
непредцентральной и зацентральной (у увулярной /q/ и фарингальной /h/);

непредцентральности и незацентральности (у всех остальных). Не используется лишь четвертая возможность – сочетание двух положительных активно-локальных кинакем: в кетском нет согласных типа лабиофарингальных, объединяющих обе периферийные артикуляции.

Единственная пассивно-локальная оппозиция состоит из положительной кинакемы зацентральности с обширной заальвеолярной областью реализации и отрицательной кинакемы незацентральности с более узкой дентально-альвеолярной субстантной базой.

Положительные активно-локальные кинакемы не сочетаются ни с какими пассивно-локальными, поскольку ни губная, ни заязычная артикуляция физиологически несовместима с артикуляцией альвеолярной либо палатовелярной. Пассивно-локальные кинакемы имеются только у язычных фонем: положительная у небных /j/, /ŋ/, /k/, отрицательная у дентально-альвеолярных /t/, /n/, /s/, /tʃ/, /dʃ/; последние вообще не имеют никаких положительных локальных кинакем и являются во всех отношениях центральными. При такой интерпретации количество локальных рядов кетских согласных равно четырем: предязычные /m/, /b/; заязычные /h/, /q/; язычные небные /j/, /ŋ/, /k/, язычные ненебные /t/, /n/, /s/, /tʃ/, /dʃ/.

К ядерным сочетаниям локальных кинакем добавляются кинакемы модальных оппозиций. Некоторые из них могут отсутствовать в составе отдельных фонем, частично в зависимости от говора. Во всех говорах их полный набор свойствен согласным четырех модальных классов. Положительная преградная кинакема формирует проточные /l/, /j/, /s/, /h/, отрицательная – смычные /m/, /n/, /ŋ/, /tʃ/. Каждая из этих фонем включает также две разнознаковые кинакемы звуковых оппозиций: сонорности и шумности (проточные /l/, /j/ и смычные /m/, /n/, /ŋ/ либо несонорности и шумности (проточные /s/, /h/ и смычная /tʃ/).

Иную структуру обнаруживают две фонемы, сохраняющие смычный характер лишь в идиолектах некоторых носителей северных говоров поселков Бакланиха и Сургутиха [36, с. 126; 39, с. 38; 40; 89, с. 51]. Одна из них – звонкая /d/ – является коррелятом глухой /t/ и включает сочетание положительных кинакем сонорности и шумности. Другая – фонема /b/ – помимо звонких аллофонов в начале слова и в соседстве с сонорными и звонкой (/d/(baŋ 'земля; dɛmbok 'игла для невода', qobde 'ладонь') имеет также глухие аллофоны в исходе слова и в соседстве с глухими согласными (hup 'сын', totpul 'лысый', qorty 'колчан'). Иначе говоря, в состав этой фонемы как парадигматической единицы не входит ни кинакема сонорности, ни кинакема несонорности.

В свою очередь, фонема /k/ помимо глухих аллофонов в начале и в конце слова и в соседстве с другими глухими (ket 'человек', bik 'чужой', aska 'когда') имеет звонкие аллофоны в соседстве со звонким /d/ и сонорными (ogde 'ухо', dumgit 'птичка'). Кроме того, наряду со смычными она реализуется

и в проточных звонких аллофонах в интервокальном положении и в соседстве с проточными сонорными (*təɣa* 'грудь', *kəjɣa* 'голова', *saɣla* 'жабры'). Таким образом, парные кинакемы проточности и непроточности, сонорности и несонорности обусловлены окружением и не являются компонентами парадигматического содержания фонемы /к-г-ɣ/. Из всех модальных ей присуща лишь положительная кинакема шумности.

Особое положение занимает увулярная фонема /q/, выступающая в самых разных вариантах – от непроточных шумных несонорных, т.е. глухих смычных, в начале и в конце слова и перед другими согласными (*qok* 'один', *kəq* 'сажа', *qaq* 'елец', *kəq-tu* 'шея') до проточных сонорных нешумных между гласными (*daRe* 'смех', *toRe* 'тонкий', *koRe* 'кулак') [36, с. 133; 39, с. 48; 45, с. 227; 89, с. 51]. Ни одна из модальных кинакем не является обязательной во всех позициях, и потому ни одна из них не входит в состав этой фонемы.

Итак, комбинаторика модальных кинакем в названных идиолектах имеет следующий вид:

Проточность	Сонорность	Шумность		
+	+	-	l	j
+	-	+	s	h
-	+	-	mŋ	n ŋ
-	-	+	t	
-	+	+	d	
-	0	+	b-p	
0	0	+	к-г-ɣ	
0	0	0	q-R	

Однако в речи большинства носителей других говоров отмечаются спирализация $b > v$ и ротацизм $d > r$ в интервокальном положении либо в соседстве с сонорными [36, с. 125–126; 39, с. 38, 40–41], затрагивающие структуру этих двух фонем.

Наличие позиционно обусловленных аллофонов $b-p-v$ означает утрату губной шумной фонемой преградных кинакем и ее объединение в одном модальном классе с фонемой /к-г-ɣ/. При этом нужно отметить, что спирализация $b > v$ и $g > ɣ$ носит факультативный характер и проводится с различной последовательностью [36, с. 125–126; 89, с. 51]. В результате этого свободно чередуются, например, формы *abatij* / *avatij* 'растет', *bolba* / *bolva* 'гриб', *təga* / *təɣa* 'грудь', *kəjga* / *kəjɣa* 'голова', *saɣla* / *saɣla* 'жабры', хотя наряду с этим преобладают формы *ulget* 'локоть', *halge* 'ерш' и т.д.

Фонема /d/ в интервокальном положении имеет также факультативные, но вполне регулярные сонорные вибранные, т.е. проточные, аллофоны (*qodes* / *qores* 'вчера', *tide* / *tire* 'корень', *qydaq* / *qyraq* 'стружки'). Другими словами, кинакемы

Т а б л и ц а 3

Кинакемы	m	b	n	l	t	s	d	ŋ	j	k	h	R/q
Локальные	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
активной предцентральной												
ности												
активной зацентральной												
ности	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
пассивной зацентральной												
ности	0	0	-	-	-	-	-	+	+	+	0	0
Модальные:												
проточности	-	0	-	+	-	+	0	-	+	0	+	0
сонорности	+	0	+	+	-	-	+	+	+	0	-	0
шумности	-	+	-	-	+	+	0	-	-	+	+	0

проточности и непроточности, шумности и нешумности не входят в ее парадигматический состав; ее единственная инвариантная модальная кинакема – положительная кинакема сонорности.

Внутрифонемная сочетаемость кинакем для кетского консонантизма с учетом этих особенностей дана в табл. 3.

Из изложенного следует, что общепринятая трактовка кетских /b/ и /d/ как звонких, а /t/, /k/, /q/ как глухих некорректна. В собственном смысле глухой из них является только фонема /t/; фонологически звонких же, объединяющих положительные звуковые кинакемы сонорности и шумности, в большинстве кетских говоров, очевидно, нет вообще. Разумеется, с точки зрения фонетики аллофоны [b], [v], [g], [ɣ] являются звонкими, а [p], [k], [q] глухими; однако в данном случае для нас важны только фонологические характеристики, относительные по своей природе.

Вместе с тем фонологическая относительность вовсе не равнозначна произвольности. Например, отказ от одной звуковой оппозиции и деление всех согласных только на сонорные и несонорные либо только на шумные и нешумные было бы чисто формальным и искусственным приемом. Минус и нуль в матрице – не одно и то же: минус обозначает особую фонологическую единицу, нуль – отсутствие таковой.

Парадигматическое слияние фонем /q-R/ и /k-g-ɣ/ в пользу второй из них сокращает общее число согласных фонем до 11, не затрагивая их кинакемного состава; из консонантной подсистемы лишь устраняется ее самый слабый и невыразительный элемент. Замещение увулярных аллофонов заднеязычными особенно регулярно в интервокальной позиции [89, с. 51]. В других положениях оно отмечается как факультативное, но широко распространенное явление, свойственное разным говорам [36, с. 132; 100, с. 114], что находит отражение в колебаниях при транскрипции примеров в полевых записях и в словарях [20, 113]: qote/kote 'вперед', qo/ko 'рот', qoq/qok/kok 'один', qam/kam 'стрела', qub/kub 'конец' и т.д.

Вокализм

Описания кетского вокализма в целом немногочисленны, не все они носят фонологический характер и потому не все могут быть использованы. Заслуживают внимания прежде всего три описания, принадлежащие Д.М. Сегалу [89, с. 41–49], Г.К. Вернеру [19] и Б.Б. Фееру [102]. Они сильно отличаются друг от друга, но в то же время в них выделяется общее ядро из семи фонем, которое при отвлечении от транскрипционных различий выглядит следующим образом:

i	y	u
e	ə	o
	a	

Однако это ядро трактуется отдельными авторами по-разному. Так, указанные семь гласных рассматриваются Д.М. Сегалом как минимальный вокализм, общий для всех носителей кетского языка. На его основе строятся другие, расширенные варианты, свойственные отдельным говорам и идиолектам. Предпосылкой такого расширения считается особый характер отношений между гласными среднего ряда $/y/$ и $/ə/$, понимаемый как оппозиция напряженности / ненапряженности; различие этих фонем по раствору рассматривается как вторичное и нерелевантное. В некоторых говорах данная оппозиция распространяется на другие гласные, а именно на гласные среднего раствора в переднем и заднем рядах, в результате чего вокализм расширяется до девятичленного:

i	y	u
ê		ô
e	ə	o
	a	

Признавая наличие контекстно необусловленной долготы в некоторых примерах с гласными $/a/$, $/i/$, $/u/$ и считая возможным отождествить долготу с напряженностью, автор предлагает максимально расширенную модель из 12 гласных – шести напряженных / долгих и шести ненапряженных:

ī	y	ū	i	u
ê		ô	e	ə
	ā			o
				a

В такой интерпретации кетский вокализм предстает как совокупность вариантов системы, находящейся в состоянии неустойчивого равновесия вследствие незавершенного процесса фонологизации различий по напряженности / ненапряженности.

Адекватность предложенной трактовки вызывает сомнения из-за отсутствия достаточно убедительных примеров как на напряжен-

ность, вообще оставленную автором без определения, так и на долготу, релевантность которой прямо отрицается другими исследователями [19, с. 17; 39, с. 35; 102, с. 14]. Кроме того, остается уязвимым исходное положение о том, что гласные среднего ряда /y/ и /ə/ изначально противопоставлены друг другу на ином основании, чем гласные переднего и заднего рядов, различающиеся по степени раствора.

Согласно точке зрения Г.К. Вернера, тот же самый минимальный семичленный вокализм представлен только в односложных словах, которые характеризуются также супraseгментными, просодическими единицами, – слоговыми тонами или акцентами; число последних достигает четырех. Утрата тональных различий в многосложных словах компенсируется расширением инвентаря гласных до 11-12 ([19, с. 15-16], с сохранением транскрипции автора):

и	ы	у
е	ь	ô
э	^	о
ä	а	(ã)

Такая интерпретация неприемлема по общетипологическим соображениям. Прежде всего, неправдоподобно сосуществование двух разных вокалических подсистем отдельно для односложных и многосложных слов, из которых вторая к тому же оказывается намного богаче первой. Типологически маловероятно и не подтверждается примерами различие гласных двух, а тем более трех локальных рядов в самом широком из четырех растворных классов. Но главное заключается в том, что в кетском, очевидно, вообще нет никаких слоговых просодем с дистинктивной функцией – называть ли их тонами, акцентами или как-либо еще. Фонологически значимые межслоговые контрасты предполагают в качестве обязательного условия моносиллабизм, т.е. существование слога как парадигматической базовой единицы. "Тон выступает просодическим признаком слогоморфемы<...> присущ моносиллабическим языкам" [49, с. 179-180], иначе говоря, языкам типа вьетнамского, в которых действует запрет на неслоговые морфемы и на перемещение слоговых границ [Там же, с. 121]. Нет необходимости доказывать, что кетский к таким языкам не относится. Слог в кетском – исключительно синтагматическое фонемное объединение и поэтому принципиально не может служить базой для реализации каких-либо дистинктивных силлабических просодем.

Фактически именно такой вывод можно сделать и из утверждений самого автора, который, с одной стороны, обнаруживает четыре тона при анализе односложных слов, "произнесенных изолированно, без экспрессии и эмфазы" [19, с. 8], а с другой – отмечает нейтрализацию тональных противопоставлений в многосложных словах и под влиянием фразового ударения и интонации [Там же, с. 20-21, 24-25]. Более того, он даже считает очевидным, что "в речи слоговые тоны могут опрощаться без ущерба для смысло-

различия прежде всего благодаря контексту, который делает тональные различия излишними" [Там же, с. 26]. Все это означает, что возможность расширения кетского вокализма под воздействием просодических явлений следует отвергнуть.

Противоречит данным общей типологии и точка зрения Б.Б. Феера. Отрицая наличие тонов, он рассматривает те же самые семь указанных гласных как базовые; за счет полной либо частичной фарингализации каждый из них модулируется по четырем типам интенсивности; кроме того, общее количество гласных удваивается за счет противопоставления по эйективности / инъективности. В результате возникает представление о невероятно богатом вокализме, насчитывающем 56 фонем [102, с. 14–16]. Подобная система, по-видимому, не имеет аналогий в известных языках и поэтому вызывает сомнения. Информационная избыточность – необходимое и важное свойство фонологических систем, но нет разумных оснований предполагать для кетского такой гигантский потенциал различительных средств, едва ли не превышающих человеческие возможности.

Из всего сказанного напрашивается лишь один вывод: минимальный вокализм из семи гласных в кетском является в действительности также и единственно реальным. Из названных авторов с этим, по существу, согласен и Д.М. Сегал, который отмечает, что "семичленная модель оказывается адекватной для статистического большинства случаев, зафиксированных в записях кетского языка" [89, с. 44].

Укоренившееся мнение о якобы необычайно богатых вокалических подсистемах енисейских языков, по-видимому, сильно преувеличено. Нужно помнить, что за фонетическим богатством часто кроется фонологическая бедность: небольшое число фонем вполне естественно сочетается с широкой варианностью их субстантной реализации. Это обстоятельство, с одной стороны, порождает столь характерную для кетского массовую омонимию, с другой – объясняет поразительную изменчивость фонетического облика многих слов в речи одного и того же говорящего в результате выпадения согласных и стяжения основ, синтагматического удлинения или, наоборот, редукции гласных, а также их фарингализации [Там же, с. 36, 38]. Что касается последней, варьирующей от сужения гортани до образования полной гортанной смычки, то, скорее всего, речь идет об одной из тех общих особенностей фонации, которые хотя и свойственны различным языкам, но, очевидно, не несут функциональной нагрузки и не представляют собой самостоятельного фонологического средства [49, с. 185], как это было отмечено для кетского уже Н.К. Каргером [45, с. 224–225]. Весьма показательны многочисленные случаи отражения в словарях и других материалах одних и тех же слов с гортанной смычкой либо без нее, обычно с заместительным удлинением гласного с плавным отступом [20; 39; 113]: do?n / don 'нож', bo?k / bok 'огонь', se?l / sel 'олень', de? / de'озеро', du? / du 'дым', и т.п.

Семичленный кетский вокализм с тремя растворными и тремя

Таблица 4

Кинакемы	i	y	u	e	ə	o	a
Модальные:							
широкого раствора	-	-	-	-	-	-	+
узкого раствора	+	+	+	-	-	-	-
Локальные:							
переднего ряда	+	-	-	+	-	-	0
заднего ряда	-	-	+	-	-	+	0

локальными классами формируется на основе четырех оппозиций — двух модальных (широкого и узкого раствора) и двух тембровых (переднего и заднего ряда) (табл. 4). Типологическое соответствие такой подсистеме вокалических кинакем обнаруживается, например, в румынском [81, с. 151]. Характер тембровых оппозиций свидетельствует о вторичности и нерелевантности лабиализации. Самая широкая фонема /a/, единственная в своем растворном классе, не имеет никаких локальных кинакем, что объясняет ее аллофоническое варьирование от переднего [ä] до заднего [â].

Синтагматика фонем

Фонотактические закономерности выявляются в тексте достаточно большой, хотя и не строго определенной, длины.

Кетской речи в общем не свойственно равномерное чередование гласных и согласных. Консонантные сочетания принципиально не запрещены; кроме того, их число значительно возрастает из-за довольно сильной редукции гласных, например: dqaqs' nqidit 'он меня торопит', bat balndaŋal s'uldbulaŋ evoks' dbilvet 'старик из черемухи копья и дугу сделал'. Но наряду с регулярным устранением стечения двух гласных вставкой разделительного согласного (du-ŋ-atet 'он его бьет', du-ŋ-ibak 'он ее находит') или их стяжением (doldaŋ < du+olbaŋ 'он жил') вокалические сочетания в речевой цепи все же допустимы: dea-qsasq 'слушает', daolaŋ 'она вышла', daaŋasla 'дров нарубила' и т.д.

Речь рассекается как слоговыми, так и морфемными границами. Те и другие всегда совпадают только в моносиллабических языках; в остальных их совпадение обязательно лишь для начала и конца слова и высказывания [31, с. 72-74; 49, с. 158-159; 88, с. 261-262]. Поэтому результаты слогового и морфемного членения в целом неодинаковы. В частности, утверждение о действующем в кетском языке запрете на сочетание двух согласных в начале слога в действительности относится не к слогу, а к морфеме; в начале слога же в силу редукции гласного консонантные сочетания вполне обычны, например в формах многих глаголов [39, с. 51].

Морфемы как функциональные единицы обладают более высокой языковой значимостью, чем слоги. Выделение типов слогов безотносительно к морфемным границам само по себе недостаточно и не представляет большой ценности. Гораздо важнее определение типов морфем (точнее, их экспонентов, т.е. морфемных оболочек) в их соотношении со слогом. При этом могут быть выделены прежде всего неслоговые и слоговые морфемы, а среди последних – односложные и двусложные; более длинные морфемные оболочки в кетском, по-видимому, отсутствуют.

В качестве экспонентов неслоговых морфем выступают все согласные за исключением /j/. Это преимущественно служебные морфемы – показатели множественного числа (/n/, /ŋ/), неодушевленности (/b/), предикативности (/s/), словообразовательные элементы (/b/, /d/, /n/, /t/, /k/, /q/, /s/, /h/) (36, с. 129–133; 58, с. 297).

При отвлечении от консонантных сочетаний все прочие морфемы могут быть сведены к четырем односложным и четырем двусложным структурным типам распределения гласных (Г) и согласных (С).

Односложные:

Г – i 'солнце', 'день, имя', u 'сила', a 'жара', e 'железо' и т.д. (отмечены все гласные);

СГ – bu 'он, она', du 'дым', di 'орел', si 'ночь', ki 'новый' и т.д.;

ГС – al 'суп', ob 'отец', es 'бор', is 'рыба, мясо', im 'орех' и т.п. (из согласных в конце морфемы не встречается только /h/);

СГС – hyb 'сын', hun 'дочь', don 'нож', sel 'олень', tul 'левый', ket 'человек' и т.д.

Двусложные:

ГСГ – ela 'дверь', ale 'наружу', ite 'зуб', ute 'мышь';

СГСГ – qyte 'волк', hyte 'вниз', tose 'вверх', qaze 'коршун', t a g a 'грудь';

ГСГС – olen 'нос', uled 'ребро', udem 'пескарь', alym 'паук';

СГСГС – qoled 'щека', kolet 'ворона', tulet 'кислица (ягода)', sujat 'платье', qobed 'спина'.

Количество двусложных морфем невелико и, по-видимому, не превышает нескольких десятков. В речи двусложные морфемы могут стягиваться до односложных в силу редукции гласных либо в результате выпадения интервокального согласного (k a qte / k a q t 'шея', ine / in 'ноготь, коготь', qyte / qyt 'волк', olen / ol n 'нос', iten / itn 'юкола', a qet / a t 'над, сверху', turen / tun 'гребень' и т.д.).

Из сочетаний согласных мы рассматриваем только такие, которые, во-первых, не пересекаются морфемной границей, во-вторых, ни при каких обстоятельствах не разбиваются гласными. Таким образом мы не учитываем ни примеров вроде кирка 'вперед', явно разложимых на две морфемы, ни групп согласных, возникающих в речи

вследствие редукции гласного, который легко восстанавливается, как в вышеприведенных примерах *oln*, *itn*.

Подлинные консонантные сочетания немногочисленны и состоят максимально из двух фонем. Как можно судить на основании словарей и записей текстов, обычно они занимают медиальное положение в двусложных морфемах. В начальной позиции они полностью исключены; в финальной возможны лишь в случаях усечения конечного гласного (преимущественно в южных говорах: *kəqt* 'шея', *oks* 'дерево', *qunt* 'муравей'). Что касается сочетаемости согласных в бифонемных группах, то она определяется, скорее, также составом их локальных, а не модальных кинакем (ср., [60, с. 34]). При этом максимальной свободой сочетаемости обладают фонемы с отрицательными кинакемами, т.е. переднеязычные; минимальной – согласные с положительной активно-зацентральной кинакемой, из которых фарингальная /h/ вообще ни с чем не сочетается.

Большинство бифонемных консонантных групп представляет собой объединение одного переднеязычного согласного с другим переднеязычным, заднеязычным либо губным согласным в любой последовательности. Сочетаемость локальных кинакем обоих согласных в основном сводится к пяти типам (табл. 5).

Количество морфем с этими сочетаниями невелико. Для них иллюстрации достаточно следующих примеров:

- 1) *qunte* 'муравей', *bystin* 'оса';
- 2) *qobde* 'ладонь', *qopte* 'кастрированный олень', *dopse* 'глист';
- 3) *bolba* / *bolva* 'гриб';
- 4) *ogde* 'ухо', *takte* 'чир', *qokse* 'ручей';
- 5) *halge* 'ерш'.

Помимо этого, имеются некоторые другие консонантные группы, занимающие обособленное положение. Одна из них – сочетание *qt*, например, *aqta* 'хороший'. Его первый элемент факультативно реализуется в виде глухого спиранта, допуская при этом не только увулярную, но и заднеязычную артикуляцию (*axta*); в таком случае эта группа относится к четвертому типу, подобно группе *kt*.

Не исключено и сочетание двух фонем с положительными локальными кинакемами – пассивно-зацентральной в группе небных *jg* / *ʃʒ* (*kəjga* / *kəjʒa* 'голова', *ajgan* / *ajʒan* 'песец') и активно-предцентральной в группе губных *mb*. Последняя представлена, в частности, в ряде заимствований: *lymba* 'топь, болото', *hamba* (наряду с *hamga*) 'эвенк', *sambal* 'самовар', *sambok* 'замок' и др.

Сочетание фонем с разными положительными кинакемами – активно-локальной и пассивно-локальной – встречается как редкое исключение также в заимствованиях и некоторых словах неясного происхождения: *hamga* 'эвенк', *kapkan* 'капкан', *kujbol* 'мыло'.

Группировка морфем с различными слоговыми структурами в более крупные блоки в речи осуществляется на основе словесного и фразового ударения, которое выполняет прежде всего именно эту

Т а б л и ц а 5

Кинакемы	1	2	3	4	5
Активной предцентральнойности	- -	+ -	- +	- -	- -
Активной зацентральнойности	- -	- -	- -	- -	- -
Пассивной зацентральнойности	- -	0 -	- 0	+ -	- +
	nt	bd	lb	gd	lg
	st	pt		kt	
		ps		ks	

консолидирующую, кульминативную функцию [49, с. 179–180; 117, с. 29; 180]. Ударение в кетском, как и интонация, изучено мало; в самых общих чертах оно характеризуется как силовое и разноместное. Сведения о его дистинктивных возможностях противоречивы [39, с. 55–56], а отдельные примеры в записи разных авторов недостаточны для окончательных выводов.

В своих наиболее существенных моментах кетская фонологическая система сравнительно проста. Прежде всего нужно подчеркнуть, что нет никаких оснований относить кетский к моносиллабическим языкам. Слог не является особой парадигматической единицей кетской фонологии, а представляет собой синтагматическое объединение фонем, подобно тому, как это имеет место в алтайских, уральских либо индоевропейских языках. Это означает, что в кетском нет базы для реализации слоговых просодем с дистинктивной функцией типа слоговых акцентов либо тонов. Самой крупной единицей фонологической парадигматики в кетском, как и в других языках Сибири, является фонема, которую мы признаем членимой и состоящей из кинакем – предельных фонологических элементов.

Подсистема гласных с тремя растворными классами и тремя тембровыми рядами насчитывает семь фонем. Она строится на двух парах модальных и двух парах локальных кинакем, характером которых определяются наличие гласных среднего ряда при нерелевантности лабиализации, отсутствие дифтонгов, нерелевантность долготы и фарингализации.

Весьма небогатая консонантная подсистема из 11–12 фонем формируется на основе трех пар модальных и трех пар локальных кинакем. Их характером обусловлены отсутствие монофонемных аффрикат и долгих согласных, а также нерелевантность палатализации.

Типологическая простота кетской фонологической системы заставляет с осторожностью относиться к попыткам сближения енисейских языков с сино-тибетскими и северокавказскими [89, с. 54–56; 92], так как сино-тибетские языки отличаются моносиллабизмом, северокавказские – богатством и чрезвычайной сложностью консонантных подсистем.

Из наиболее общих особенностей синтагматики и речевой реализации фонем в кетском следует назвать: для гласных – значительную редуцию и отсутствие сингармонизма; для согласных – оглушение перед паузой; озвончение и спирантизацию в интервокальном положении независимо от морфемных границ и границ слова; преобладающую регрессивную направленность ассимиляции. Среди устойчивых ассимилятивных явлений, которые следует учитывать при морфологическом описании, специального упоминания заслуживает замена гласного показателя неодоушенности /b/ на /m/ перед носовым (dusqi-b-it / dus'qi-m-na 'я грею / грел').

Наконец, необходимо еще раз отметить значительные индивидуальные колебания в произношении одних и тех же форм разными говорящими и широкую вариантность в речи даже одного и того же говорящего. При этом наименее стабильны у гласных степень раствора, у согласных – способ образования.

Принимая во внимание отсутствие какой-либо единой нормы, при последующем описании кетской грамматики мы считаем возможным отказаться от искусственных попыток полной унификации в транскрипции примеров, записанных разными авторами от разных информантов.

ГРАММАТИКА

Принципы описания ролевого языка

Задача грамматического описания – построение модели из знаковых единиц, которая объясняет переход от смысла к тексту (согласно иной точке зрения – переход от языковой системы к тексту) и наоборот [12, с. 52–54; 48, с. 28–30]. При этом первичным материалом и исходным пунктом является текст [49, с. 6, 11].

Единицы описания не тождественны языковым единицам (хотя и должны так или иначе соотноситься с ними). Их нет в языковом материале, т.е. в тексте, они выбираются произвольно (см.: [49, с. 7; 63, с. 184; 86, с. 18]). К таким единицам в грамматике относятся прежде всего слово и морфема.

С выбором единицы связан и выбор модели описания. Существующие грамматические модели в общем сводятся по меньшей мере к трем типам: традиционные, известные также под названием "единица и парадигма"; дистрибутивные, типа "единица и аранжировка"; трансформационно-порождающие, типа "единица и правило преобразования" [10, с. 103]. Таким образом, одна и та же грамматическая система может интерпретироваться по-разному. Однако принципиальная множественность истолкования одних и тех же фактов не означает полной равноправности любых единиц и моделей. Их выбор обусловлен рядом моментов, в частности целями и общей ориентацией исследования [12, с. 81–86].

Типологическое описание кетского языка с позиции слушающего побуждает принять традиционную модель "слово и парадигма" [15, с. 4-6]. Слово – самая фундаментальная единица языка, и потому оно должно быть признано также и основной единицей лингвистического описания; только признание слова позволяет выделить части речи, их парадигмы и категории как особые системы, принципы организации которых и составляют собственно предмет грамматики [76, с. 5].

Слово как единица описания – понятие в значительной степени конвенциональное, и его границы могут определяться различным образом. Для нас вполне приемлемы наиболее узкие его дефиниции, согласно которым под словом понимается "минимальная свободная форма" [8, с. 187] или "наименьшая функциональная единица языка, способная вступать в свободные сочетания" [61, с. 15] (ср.: [63, с. 214-219; 94, с. 61-64]).

Текст – исходный материал для построения грамматической модели – представляет собой некоторый корпус речевых высказываний. Высказывание – эмпирическая данность, "дотеоретический" факт, не требующий никакого специального определения [63, с. 68, 184].

Речевое высказывание описывает некоторую ситуацию, т.е. фрагмент реальной действительности – событие, действие, состояние, отношение и т.п. [2, с. 7; 42, с. 28-29; 63, с. 291, 437]. Содержание высказывания членимо, причем содержание одного и того же высказывания может члениться различными способами и на разные семантические компоненты (ср.: [64, с. 359-360]). Для наших целей достаточно сведения всех таких компонентов к четырем основным типам:

- 1) наименование процесса (действия, события, состояния);
- 2) обозначение партиципантов, т.е. участников процесса (иначе говоря, участников ситуации), и их ролей (таких, как агенс, пациент, адресат, инструмент и т.д.);
- 3) характеристики процесса;
- 4) характеристики его партиципантов.

Поскольку язык не является зеркальной копией действительности, одна и та же ситуация может быть описана разными высказываниями. Например, общий смысл сохраняется при изменении объема высказывания или при разной степени его детализации ("я открыл дверь" ~ "я с трудом открыл тяжелую дверь плечом"), а также при изменении его "перспективы", "ориентации", "эмпатии" [96, с. 64; 104, с. 517-521; 106, с. 313], когда одно и то же событие отражается с разных точек зрения ("он дал мне нож" ~ "я взял у него нож"). Подобного рода различная "упаковка" (выражение У. Чейфа) одного и того же или приблизительно того же самого содержания, разумеется, используется и в кетском. Однако этому языку чужды диатезные трансформации вроде "его воспитала бабушка" ~ "он был воспитан бабушкой"; "окончательное решение принимает руководитель" ~ "окончательное решение принимается руководителем"; "этот закон открыл Паркинсон" ~ "этот закон был открыт Паркинсоном" и т.п. Это обстоятельство имеет чрезвычайно большую типологическую

значимость. В индоевропейских языках существует и регулярно реализуется возможность не только разного оформления одной и той же семантической роли, но и (что не менее важно) одинакового оформления любой из двух главных ролей – агенса, т.е. деятеля, и пациенса, т.е. объекта воздействия; речь идет о синтаксическом понятии подлежащего. Наличие подлежащего предполагает соотношенные с ним синтаксические понятия других членов предложения, в частности прямого и косвенного дополнений, которые получают специальное обозначение с помощью форм и порядка слов. Маркировка членов предложения, т.е. синтаксических величин, а не семантических ролей, несомненно выполняет важные коммуникативные функции, позволяя выделять и менять прагматический пик высказывания [16, с. 389–391]. Такого положение не только в индоевропейских, но и во многих других языках мира. Однако оно не универсально. Известны языки принципиально иного строя [Там же, с. 398–400; 69, с. 359–362; 106, с. 302], к которым принадлежит и кетский, на что впервые указали Э.И. Белимов и В.Г. Шабаев.

В языках этого типа независимо от коммуникативно-прагматических намерений говорящего прямо и непосредственно маркируются семантические роли, отношения между которыми в каждом данном случае иконически точно соответствуют реальным отношениям участников ситуации и формально необратимы. Можно было бы утверждать, что в таких языках переходные глаголы имеют лишь одну диатезу, т.е. схему соответствия семантических и синтаксических элементов высказывания, или что в них никогда не различаются или всегда совпадают грамматическое и логическое подлежащее (а также грамматический и логический объект) и невозможны субъектно-объектные преобразования или залоговые противопоставления; что в них исключается детранзитивация переходных глаголов и т.д. Однако представляется более естественным применительно к таким языкам (но конечно, только к ним) вообще отказаться от деления глаголов на переходные и непереходные и от понятий "диатеза" и "члены предложения", как от избыточных, учитывая, что синтаксис сам по себе не составляет смысла существования никакого живого языка и его описание не может быть самоцелью (ср.: [16, с. 404; 64, с. 364; 65, с. 218; 69, с. 363; 109, с. 351]). Вместе с тем необходимыми синтаксическими понятиями, полностью сохраняющими свою силу, остаются словосочетание (синтагма) и отношения между его членами – согласование, управление, примыкание.

Свойственный кетскому принцип прямой маркировки ролей позволяет проводить анализ высказывания непосредственно в терминах семантических компонентов, перечисленных выше.

При любом грамматическом описании требуется отграничить грамматические значения от лексических, несмотря на условность и неопределенность границ между ними [63, с. 462]. В соответствии с наиболее распространенной точкой зрения значение признается грамматическим, если оно находит специальное формальное выражение и характеризуется обязательностью [61, с. 146]. Частные грамма-

тические значения могут быть выражены морфемой или словосочетанием, но только само слово является той стержневой единицей, вокруг которой строятся грамматические системы – части речи, их парадигмы и категории. Эти системы делятся на два типа: закрытые, с относительно небольшим и определенным числом элементов и жесткой структурой, и открытые, с неточно определенным составом элементов и свободными связями между ними. Категории и парадигмы обнаруживают жесткую структуру; свободная организация свойственна крупным частям речи, представляющим собой не четко очерченные классы однородных единиц, а полевые образования с размытыми краями. Характерные свойства данной части речи в полной мере присущи лишь ядру такого поля, но не его периферии [76, с. 6–7, 15–16].

Признание полевой природы большинства частей речи позволяет в соответствии с традицией выделить в кетском глагол, имя существительное, местоимение, а также прилагательное, наречие, числительное и служебные слова. Эти части речи разграничиваются прежде всего по семантическим критериям, и не все они способны к словоизменению.

В силу хорошо известного асимметричного дуализма языкового знака, т.е. неполного взаимного соответствия единиц плана содержания и плана выражения, в описании изменяемых частей речи целесообразно выделить морфемистику и парадигматику. Первая рассматривает состав словоформ – вычленимость морфем, их типы и варианты, их сочетаемость в слове; вторая исследует общую организацию парадигмы данной части речи – набор категорий, их объем и структуру, а также иерархические отношения между ними [67, с. 54]. Этими терминами, один из которых ориентирован на форму, а другой на содержание, удобно обозначать не только разделы грамматического описания, но и сами названные явления в их совокупности.

Взаимоотношения морфемистики и парадигматики далеко не просты. Первичная заданность текста требует, чтобы анализ с позиции слушающего начинался с формы, без учета которой неизбежны самые произвольные трактовки языковых фактов [8, с. 170; 26, с. 291; 44, с. 67]. Вместе с тем не подлежит сомнению, что не за всеми формальными различиями кроются различия содержательные [48, с. 53; 50, с. 75; 63, с. 148; 76, с. 18, 22–23]. Поэтому выделение категориальных форм предполагает обобщение каких-то формальных различий [71, с. 170–171]; однако следует признать, что такое обобщение не получает у нас строгого обоснования и остается интуитивным.

Ввиду совершенно особого, доминирующего положения глагола в кетском языке все высказывания можно разделить на глагольные и неглагольные, которые будут рассмотрены в такой последовательности. Многие высказывания состоят лишь из одной глагольной словоформы.

Простое глагольное высказывание

МОРФЕМИКА ГЛАГОЛА

В отличие от других частей речи никакие формы кетского глагола не могут состоять из одного только корня; иначе говоря, изолированное одноморфемное слово не может идентифицироваться как глагол и включаться в глагольную парадигму.

Морфемный состав глагольных словоформ максимально сложный, что обусловлено обилием типов морфем – словообразовательных, словоизменяемых и иных, имеющих трудноопределимые функции, а также их значительной вариантностью и омонимией, неодинаковой степенью их спаянности и многообразием альтернатив. Тем не менее в целом не вызывает затруднений вычленение основы глагольного слова и словоизменяемых категориальных аффиксов.

Глагольная основа называет процесс, описывающий ситуацию. В простейшем случае она равна корню, но обычно осложнена разного рода деривационными и строевыми элементами, соединительными и пустыми морфемами, подвергаясь к тому же деформации под воздействием различных фонетических явлений. Простых глаголов, имеющих одну корневую морфему, насчитывается не более ста. Основа подавляющего большинства глаголов включает в себя два корня; исконное лексическое значение одного из них часто ослаблено до служебного.

Словоизменяемые аффиксы являются маркерами грамматических категорий двух типов: одни из них характеризуют процесс, другие – его участников (ср.: [111, с. 99]). Последние удобно рассмотреть вначале.

Партиципантные /ролевые/ показатели

Обычно глагольная словоформа кроме основы обязательно имеет по меньшей мере один из партиципальных показателей, которые можно назвать также ролевыми: соотносясь с участниками ситуации, они прежде всего обозначают их роли, одновременно выражая и некоторые другие их характеристики. Категория роли несомненно обладает самым высоким рангом среди остальных.

В пределах глагольной словоформы может быть выражено в общей сложности (но не сразу) не более трех ролей:

- 1) агенс действия: d-inbis 'он пришел';
- 2) агенс состояния: da-sesta 'она сидит';
- 3) пациенс – "величина, затрагиваемая или создаваемая процессом" [3, с. 315; 114, с. 193]: d-sitiqin-gu-t 'я тебя разбудил'.

Необходимо отметить, что не любые участники ситуации способны выступать в каждой из названных ролей. Из факторов, определяющих

ших эту способность [16, с. 383], в кетском наибольшую важность имеет то, что обычно принято называть "социальной значимостью" партиципанта, его "активностью", "разумностью" либо просто одушевленностью [39, с. 63; 57, с. 183]. Формальное противопоставление класса живых, одушевленных существ и класса неодушевленных предметов, носящее обязательный и глобальный характер, — типологическая особенность кетского, чуждая соседним уральским и алтайским языкам, но, по-видимому, естественная для языков ролевых (ср.: [52, с. 83; 118, с. 19–20]). Разумеется, речь идет о чисто грамматическом делении, которое может не соответствовать формально-логическому либо какому-нибудь иному.

Только одушевленные существа способны быть агенсом действия, т.е. исполнителем процесса, подчиненного их воле и контролю [52, с. 252; 63, с. 361]; наряду с этим для них столь же естественны роли агенса состояния и пациенса. Что касается неодушевленных предметов, то из названных ролей для них обычны лишь две последние: они могут только пребывать в каком-либо состоянии или подвергаться какому-либо воздействию.

Заслуживает внимания общий принцип маркировки ролей, прежде всего роли агенса состояния. Она оформляется по-разному у одушевленных и неодушевленных партиципантах, что и служит единственным основанием для ее выделения. В классе одушевленных агенса состояния формально объединен с агенсом действия, но отличается от пациенса: *da-qahajadaq* 'она мимо идет', *da-taʒot* 'она лежит', но *d-i-tnivak* 'он ее нашел'. У неодушевленных партиципантах объединены агенс состояния и пациенс: *ta-b-oʒot* '(камень, нож, и т.п.) лежит', *du-b-ingak* 'он (камень, нож) нашел'. Таким образом, обозначение ролей асимметрично (табл. 6). Это обстоятельство не позволяет отнести кетский к языкам последовательно выдержанного активного строя, суть которого заключается в том, что агенс состояния трактуется всегда иначе, чем агенс действия, и роли основных участников ситуации сводятся к двум, понимаемым как "актор" и "претерпевающий" [16, с. 384–387; 18].

Значение неодушевленности несовместимо ни с какими другими значениями, кроме ролевых. Остальные категории свойственны только одушевленным партиципантам.

Категория лица не нуждается в комментариях. Несомненно общезыковым является кардинальное отличие третьего лица от первых двух, обозначающих не только участников ситуации, но одновременно и участников коммуникативного акта — автора высказывания и его адресата [8, с. 278; 66, с. 141–143; 76, с. 43].

Предельно проста структура двучленной категории числа, но план ее содержания требует уточнения. Грамматическая семантика множественности предполагает однородность денотатов, которую в строгом смысле можно признать лишь для третьего лица, но не для первого и второго, поскольку, например, "мы" нельзя интерпретировать как "я + я" [63, с. 293; 66, с. 182]. По отношению к

Т а б л и ц а 6

Роли	Партиципанты	
	одушевленные	неодушевленные
Агенса действия	х	—
Агенса состояния	х	х
Пациенс	х	х

первым двум лицам правильнее говорить не о множественности партиципантов, а об их объединенности с некоторыми другими [76, с. 47]. С этой оговоркой мы оставляем привычные наименования "единственное" и "множественное число". Свойственные соседним самодийским и обско-угорским языкам особые формы двойственного числа кетскому неизвестны, как не представлено в нем и типичное для многих ролевых языков противопоставление инклюзивных и эксклюзивных числовых форм (ср.: [52, с. 109–111; 118, с. 23–24]).

Наконец, еще одной грамматической характеристикой одушевленных партиципантов является их деление на мужской и женский род. Категория рода – такая же яркая типологическая черта енисейских языков, как и категория одушевленности. В основном она соответствует естественному биологическому полу, по меньшей мере в отношении крупных живых существ. Вместе с тем она лишь частично отражает экстралингвистическую реальность, так как по роду различаются только партиципаны 3-го лица в единственном числе.

Значения одушевленности, лица, числа и рода совмещены в ролевых показателях, количество которых до известной степени условно и не в последнюю очередь зависит от способа их группировки. Объединение показателей в семь или восемь рядов [18; 24; 58, с. 22–25] не является единственно возможным; вполне допустимо свести их в четыре ряда (табл. 7).

В ряду 1 показателей формант множественного числа – отдельная морфема *-n*, замыкающая глагольную словоформу; показатели *daŋ / kaŋ, doŋ / koŋ* в остальных рядах, по-видимому, также следует считать членимыми на формант лица и формант числа [39, с. 69; 57, с. 193], но они никогда не разрываются и выступают в едином блоке. В определенных условиях в 3-м лице происходит нейтрализация различий по числу и роду. В качестве единой общей формы 3-го лица в рядах 3 и 4 выступает показатель *-bu*; в ряду 2 в единственном числе – показатель мужского рода *-a*.

В целом партиципантные показатели не отличаются ни однозначностью, ни стандартностью. Вместе с тем они обнаруживают довольно широкую внутрипарадигматическую омонимию, которая, однако, вполне эффективно устраняется в морфемной синтагматике в самых важных случаях, а именно при обозначении ролей.

Принцип прямой маркировки ролей вовсе не исключает того, что

Т а б л и ц а 7

Значения	1	2	3	4
Неодушевленность	b	b	∅	u
Одушевленность				
Ед. число				
1-е лицо	di	di	ba	bo
2-е лицо	ku	ku	ku	ku
3-е лицо	{ м. род du ж. род da	a i	a i } bu	o u } bu
Мн. число				
1-е лицо	di-n	daŋ	daŋ	doŋ
2-е лицо	ku-n	kaŋ	kaŋ	koŋ
3-е лицо	du-n	aŋ	aŋ/bu	oŋ/bu

одна и та же роль может обозначаться разными показателями и один и тот же показатель может соотноситься с разными ролями. Этот принцип предполагает лишь однозначность и формальную необратимость отношения между агенсом и пациенсом, что в кетском обеспечивается уже самим порядком расположения их показателей в глагольной словоформе. Место ролевых показателей необходимо учитывать наряду с их формальными различиями и вариантностью, числом у отдельных глаголов и типами сочетаний показателей друг с другом, обязательностью или, напротив, возможностью их элиминации и замены. Напомним, что функцию обозначения ролей агенса и пациенса мы признаем только за показателями-аффиксами, но не за какими-либо корнями, которые могут дополнительно включаться в состав глагольной словоформы, т.е. ни в каких случаях не считаем возможным отождествлять связанные служебные и корневые морфемы, приписывая последним грамматические значения. Иначе говоря, для кетского мы не признаем инкорпорации как грамматического явления и относим включение дополнительного корня в глагольную словоформу к фактам глагольного словообразования.

Важнейшая характеристика кетских глаголов в плане содержания - их ролевая валентность. В соответствии с ней все глаголы делятся на одновалентные, семантика которых допускает только одну роль (агенса действия или агенса состояния), и двухвалентные, их значение предполагает роль агенса действия и роль пациенса. В плане выражения столь же важно число ролевых показателей в глагольной словоформе, которое не обязательно совпадает с числом ролей. Их соотношение позволяет разбить все глаголы на три основных класса:

- 1) одновалентные с одним показателем агенса;
- 2) одновалентные с двумя дублетными показателями агенса;
- 3) двухвалентные с показателем агенса и показателем пациенса.

Несмотря на более высокую степень сложности морфемного состава двухвалентных глаголов, начать рассмотрение удобно именно с них. Структура этих глаголов отличается наибольшей полнотой и регулярностью и может быть принята за исходную при описании двух других глагольных классов.

Двухвалентные глаголы с показателями агенса и пациенса

Для обозначения роли агенса действия, который может быть только одушевленным, используются лишь показатели ряда 1. Как было отмечено, суффикс множественного числа (с возможным соединительным гласным, предшествующим ему) занимает конечную позицию в словоформе; префикс лица агенса, напротив, располагается в самом ее начале.

Правилom является выпадение гласного в показателях всех лиц (кроме показателя женского рода *da* в 3-м лице) перед последующим гласным. Но в некоторых случаях усечения гласного не происходит, а зияние на стыке морфем устраняется разделительными согласными *j*, *ɟ*, реже *s* / 58, с. 24 /. Усечение гласного преобладает и перед консонантным началом основы, особенно у сложных глаголов. Редукция гласных, как фонетическое явление, не может выражать какие-либо грамматические значения. Полная ассимиляция усеченных показателей *d-* и *k-* и согласных начала основы (*dtelbaɣatet* 'он меня толкает', *kketbaɣisqut* 'ты меня обижаешь') тоже носит чисто фонетический характер и при описании морфемки также игнорируется.

Роль пациенса обозначается показателями рядов 2, 3 либо 4, выступающими альтернативно. В соответствии с этим все двухвалентные глаголы распределяются по трем подклассам. Обоснования каких-либо дополнительных семантических различий между ними нам кажутся неубедительными; мы рассматриваем эти подклассы как чисто формальные группировки.

Показатели ряда 2 наиболее частотны, особенно у простых глаголов. Усечение гласных в 1-м и 2-м лице единственного числа происходит так же, как у показателей агенса. Огласовка во множественном числе – результат выравнивания по форме мужского рода. Попадая в интервокальное положение, нена начальное *d-* может подвергаться ротацизму, *k-* – озвончению и спирализации.

В простейшем случае словоформа двухвалентного глагола состоит из корня и двух ролевых показателей, которые здесь и далее мы выделяем прописными буквами. В нижеследующих примерах переменны показатели пациенса при одном и том же показателе агенса (3-е лицо мужского рода в единственном числе). Формы с прочими показателями агенса образуются регулярно, не представляют трудностей и опускаются в целях экономии места.

DU-DI-s [duris'] он меня одевает

DU-KU-s [durus'] он тебя "

D-A-js	он его	одевает
D-I-js	он ее	"
DU-DAʃ-s	он нас	"
DU-KAʃ-s [durans']	он вас	"
D-Aʃ-s	он их	"

Другим примером, демонстрирующим наличие разделительного согласного на морфемном стыке в формах 3-го лица, служит глагол "воспитывать":

DU-DI-tos	он меня	воспитывает
DU-KU-tos	он тебя	"
DU-ʔ-A-tos	он его	"
DU-ʔ-I-tos	он ее	"
DU-DAʃ-tos	он нас	"
DU-KAʃ-tos	он вас	"
D-Aʃ-atos	он их	"

Основа многих глаголов включает в себя так называемый детерминатив - подвижный строевой элемент с неопределенными функциями, находящийся в препозиции к корню. В качестве детерминативов выступают согласные, часто в сопровождении соединительных гласных [58, с. 29]. Относительная подвижность детерминатива лишена значимости, но подчиняется определенным правилам, в частности показатели ряда 2 всегда располагаются за детерминативом:

D-ka-DI-taŋ	он меня	вверх	тащит
D-ka-KU-taŋ	он тебя	"	"
D-k-A-jtaŋ	он его	"	"
D-k-I-jtaŋ	он ее	"	"
D-ka-DAʃ-taŋ	он нас	"	"
D-ka-KAʃ-taŋ	он вас	"	"
D-k-Aʃ-ataŋ	он их	"	"

Как было сказано выше, сложные глаголы имеют две корневые морфемы, одна из которых, как правило, семантически выветрена. Показатель агенса может находиться только перед первым корнем, показатель пациенса - между корнями, а при наличии детерминатива за ним, например:

D-us-qi-DI-t	он меня	греет
D-us-qi-KU-t	он тебя	"
D-us-q-A-jit	он его	"
D-us-q-I-jit	он ее	"
D-us-qi-DAʃ-it	он нас	"
D-us-qi-KAʃ-it	он вас	"
D-us-q-Aʃ-it	он их	"

Показатель неодушевленного пациенса, обозначаемый общим символом В, в зависимости от окружения может реализоваться в

других губных согласных. Его место в словоформе – также за показателем агенса и детерминативом перед корнем, в сложных глаголах – перед вторым:

DU-B-daŋ	он мнет (шкуру)
DU-B-taŋ [duptaŋ]	он тащит (нарту)
DU-B -a [duva]	он вьет (веревку)
DU-ta-B-do	он обтесывает (доску)
D-et-ta-B-sin	он точит (нож)
D-us-qi-B-it	он греет (руки)
D-in-qa-B-da	он зажигает (щепки)

Показатели пациенса ряда 3 формально во многом совпадают с только что рассмотренными, но отличаются от них позиционно, располагаясь перед детерминативом, который у глаголов этого и следующего подклассов обязательен. В качестве детерминативов выступают t, k, (g, ʒ), si и их сочетания. Таким образом, у простых глаголов оба ролевых показателя всегда находятся в непосредственном соседстве друг с другом:

D-BA-t-uŋ	он меня видит
D-KU-t-uŋ	он тебя "
D-A-t-uŋ	он его "
D-I-t-uŋ	он ее "
D-DAʒ-t-uŋ	он нас "
D-KAʒ-t-uŋ	он вас "
D-Aʒ-t-uŋ	он их "

В составе сложных глаголов, в которых показатели этого ряда встречаются гораздо чаще, они размещаются перед вторым корнем и его детерминативом:

D-aniŋ-BA-tsi-bet	он обо мне думает
D-aniŋ-KU-tsi-bet	он о тебе "
D-aniŋ-A-tsi-bet	он о нем "
D-aniŋ-I-tsi-bet	он о ней "
D-aniŋ-DAʒ-si-bet	он о нас "
D-aniŋ-KAʒ-si-bet	он о вас "
D-aniŋ-Aʒ-si-bet	он о них "

Отметим, что гласные этих показателей в единственном числе не подвержены усечению, поскольку за ними всегда следует детерминатив.

Особенностью ряда 3 является наличие в нем нулевой морфемы: опущение показателей этого ряда значимо и соотносится с неодушевленным пациенсом, получающим наименование за пределами глагольной словоформы при расширении ядерного высказывания:

(qus) DU-t-uŋ	он (чум) видит
(is) D-to-ʒet	он (рыбу) солит
tib (ad) D-si-taʒet	собака (кость) зарывает и т.п.

Показатели ряда 4, отличающиеся от предыдущих задней огласовкой, в глагольных формах также предшествуют детерминативу, в качестве которого особенно часто выступает **-ks**:

D-BO-ks-aq	он меня уводит
D-KU-ks-aq	он тебя "
D-O-ks-aq	он его "
D-U-ks-aq	он ее "
D-DOḥ-ks-aq	он нас "
D-KOḥ-ks-aq	он вас "
D-Oḥ-ks-aq	он их "

То же в сложных глаголах:

D-et-BO-ks-uḡo	он меня лечит (камланием)
D-et-KU-ks-uḡo	он тебя "
D-et-O-ks-uḡo	он его "
D-et-U-ks-uḡo	он ее "
D-et-DOḥ-ks-uḡo	он нас "
D-et-KOḥ-ks-uḡo	он вас "
D-et-Oḥ-ks-uḡo	он их "

Эти показатели также не подвержены усечению; как и в других рядах, нейтрализация родовых различий во множественном числе происходит на основе выравнивания по гласному в форме мужского рода.

Показатель неодушевленного пациенса в этом ряду внешне полностью совпадает с показателем женского рода:

D-sul-U-ks-ibet	он мнет (траву)
D-sis-U-ks-to	он в кучу складывает (шкурки),

однако в отличие от последнего он не чередуется с показателем множественного числа и потому занимает особое место в парадигме.

В формах некоторых глаголов помимо показателя агенса и показателя пациенса из рядов 3 или 4 присутствует морфема **-b-**, иногда отождествляемая с третьим ролевым показателем [39, с. 425; 108, с. 115]. Однако, хотя она в некоторых отношениях действительно ведет себя как показатель В из ряда 2, для их отождествления нет достаточных оснований. Прежде всего, в большинстве случаев эта морфема не может быть без натяжек соотнесена с чем-либо за пределами глагольной словоформы при расширении ядерного высказывания. Так, например, в высказывании *dyl da ob karandašas* D-A-ti-b-es 'мальчик своего отца карандашом рисует' морфема **-b-** в глаголе вовсе не соотносится со словом *karandašas* ('карандашом'), т.е. не является показателем "инструмента", как и в прочих примерах такого рода. Кроме того, нужно помнить, что ролевой показатель - величина переменная, и решающим аргументом в пользу признания ролевого характера некоторой морфемы следует считать возможность ее замены другими ролевыми показателями. Та-

кая возможность имеется только в ряду 2, в котором аффикс В свободно заменяется любым другим показателем пациенса, если это допускается семантикой глагола:

DU-B-taŋ	он тащит (нарту, бревно и т.п.)
DU-KU-taŋ	он тебя тащит
DU-DA ʃ-taŋ	он нас тащит и т.д.

Но подобная замена принципиально невозможна, если в глагольной словоформе представлен один из показателей ряда 3 или 4, в которые показатель В не входит. В таком случае, очевидно, речь идет не о ролевом показателе, а о некоем другом, омонимичном ему строевому элементу, постоянному компоненту данной глагольной основы, сходном с детерминативом (см.: [58, с. 37-38]). Заметим, что он встречается и в некоторых одновалентных глаголах, как будет показано ниже.

Итак, мы оставляем в силе следующие положения: показатель неодоушевленного пациенса В принадлежит только ряду 2; показатели рядов 2, 3, 4 взаимно исключают друг друга; в пределах одной словоформы кетского глагола число выраженных ролей не превышает двух. Поэтому хотя в некоторых глаголах действительно имеется третий ролевой показатель, он не обозначает третьей роли. Напротив, у отдельных двухвалентных глаголов отмечено обратное: устранение указания на один из двух главных участников, а именно на агенса действия. Опущение первого ролевого показателя, не сопровождаемое никакой иной модификацией глагола, порождает формы, не имеющие прямых аналогий в референциальных языках и находящие лишь приблизительные соответствия при переводе: D-A-ʃs 'он его одевает' / A-ʃs ≈ 'он одет'; (don) D-a-B-i '(нож) он точит' / (don) a-B-i ≈ '(нож) наточен'; (taŋ) D-a-B-do '(волосы) он стрижет' / (taŋ) a-B-do ≈ '(волосы) пострижены'; (unaŋ) D-a-B-un '(сеть) он ставит' / (unaŋ) a-B-un ≈ '(сеть) поставлена' и т.п. Ролевой характер кетского языка не позволяет отождествлять такие формы ни с пассивным залогом, ни с особой категорией результата в индоевропейских языках, как это иногда делается (см., например: [55, с. 193-196; 82, с. 35-36]). Несмотря на общую немногочисленность подобных примеров, они подтверждают принципиальную возможность элиминации ролевого показателя, столь же важную, как и свобода его замены.

Значения лица и роли участников не зависят друг от друга и могут сочетаться различным образом. Их сочетаемость у двухвалентных глаголов определяется только лексической семантикой глагола и намерениями говорящего. Совершенно естественно, в частности, и объединение тавтоперсональных показателей агенса и пациенса, относящихся к одному участнику, выступающему одновременно в обеих ролях. Подобное совмещение ролей одного и того же участника обычно квалифицируется как рефлексивность, или возвратность. Таким образом, возвратность не представляет собой ни особого залога, ни какой-либо другой особой категории; она лишь

частный случай двухвалентности глагола [37, с. 88; 55, с. 186]. Во многих языках она не требует никаких специальных средств выражения для 1-го и 2-го лица, идентификация которых в любом коммуникативном акте совершенно однозначна. Например, в датском, шведском или в немецком пациенс первых двух лиц всегда оформляется одинаково независимо от лица агенса: *er kämmt mich/ich kämme mich, er kämmt dich / du kämmst dich*. В общем сходная картина наблюдается и в кетском: *D-tuŋn-BA-ta.ŋet* 'он меня причесывает' и 'я причесываюсь'; *D-tuŋn-KU-ta.ŋet* 'он тебя причесывает'; *K-tuŋn-KU-ta.ŋet* 'ты причесываешься'.

Иначе обстоит дело в 3-м лице, в сферу которого входят любые одушевленные существа, кроме участников коммуникативного акта. Соотнесенность обеих ролей – агенса и пациенса – с одним и тем же партиципантом нуждается здесь в специальном выражении. У глаголов с сочетанием показателей рядов 1 и 2 для этого используется целый комплекс средств. Важное значение имеет особый консонантный элемент – *j, ʄ* либо *s* : в рефлексивных формах он располагается перед показателем пациенса, в нереплексивных – за ним (в единственном числе) либо отсутствует (во множественном). Кроме того, в рефлексивных формах единственного числа обобщается показатель пациенса мужского рода А (отметим еще раз, что по форме мужского рода происходит выравнивание и в других случаях). В рефлексивных формах значения рода и числа партиципанта выражены раздельно: род – только показателем агенса; число, наоборот, только показателем пациенса. Таким образом различаются, например:

<i>DU-j-A-tan</i>	он себя	<i>D-A-jtan</i>	он его опоясывает
<i>DA-j-A-tan</i>	она себя	<i>DA-I-jtan</i>	она ее "
<i>DU-j-Aʃ-tan</i>	они себя	<i>D-Aʃ-atan-IN</i>	они их опоясывают

Аналогично этому:

<i>D-di-s-A-t</i>	он себя	<i>D-diŋ-A-jit</i>	он его прячет
<i>DA-di-s-A-t</i>	она себя	<i>DA-diŋ-I-jit</i>	она ее "
<i>D-di-s-Aʃ-it</i>	они себя	<i>D-diŋ-Aʃ-it-N</i>	они их прячут

В этих и других глаголах данного подкласса проявляется весьма редкая типологическая особенность – грамматическая значимость взаиморасположения морфем в словоформе.

У глаголов двух других подклассов рефлексивность маркируется показателем *BU*, общим для 3-го лица независимо от числа и рода партиципанта (см. табл. 7). Выражение значений числа и рода совмещено в показателе агенса ряда 1, включающем суффикс множественности. Замена показателя пациенса ряда 3 на показатель рефлексивности происходит, например, в глаголе "отталкивать / отталкиваться":

<i>D-BU-tisuk</i>	он себя	<i>D-A-tisuk</i>	он его
<i>DA-BU-tisuk</i>	она себя	<i>DA-I-tisuk</i>	она ее
<i>D-BU-tisuŋ-IN</i>	они себя	<i>D-Aʃ-tisuŋ-IN</i>	они их

Примером замены показателя пациенса ряда 4 могут служить формы глагола "скатить / скатиться":

D-ataj-BU-ksa	он себя	D-ataj-O-ksa	он его
D-ataj-BU-ksa	она себя	DA-ataj-U-ksa	она ее
D-ataj-BU-ksa-N	они себя	D-ataj-On-ksa-N	они их

Одновалентные глаголы с двумя показателями агенса

Выделение этого небольшого класса глаголов обусловлено некоторыми специфическими особенностями их морфемки. С одной стороны, в их составе показатель ряда 1 также объединяется с одним из показателей рядов 2, 3 или 4, а их морфемная структура полностью идентична описанной структуре рефлексивных форм. С другой стороны, эти глаголы никак не отождествимы с возвратными, поскольку они несомненно одновалентны: оба показателя в них всегда соотносятся с одним партиципантом (притом только с одушевленным) в одной и той же роли, обозначая агенс действия либо состояния.

Об одновалентности глаголов этого класса свидетельствует не только и не столько их семантика, не предполагающая наличия какого-либо второго партиципанта (например, "падать", "вставать", "расти", "дышать", "кричать", "мигать" и т.п.), но и их формы. Оба показателя, принадлежащие к разным рядам, обязательны: ни один из них не может быть опущен. Оба имеют одно и то же значение лица: ни один из них в отдельности не может быть произвольно заменен показателем другого лица.

Невозможность замены одного из показателей не позволяет отнести эти глаголы к возвратным; невозможность элиминации ни одного из показателей не позволяет приписать им какое-либо иное категориальное значение. Другими словами, обязательность и тавтоперсональность обоих ролевых показателей лишают эти глаголы соотносенных оппозитивных форм и потому не имеют грамматической значимости. Таким образом, дублирование показателя из ряда 1 жестко связанным с ним показателем ряда 2, 3 или 4 следует считать явлением морфологически избыточным. Напомним, что избыточность – естественное свойство языковых систем, не требующее особого объяснения в каждом отдельном случае.

Чаще других в качестве дублетных встречаются показатели ряда 2, особенно у простых глаголов; при этом именно они выражают числовое значение агенса:

D-ha-DI-tes	я встаю
K-ha-KU-tes	ты встаешь
D-ha-j-A-tes	он встает
DA-ha-j-A-tes	она встает
D-ha-DA ʃ-tes	мы встаем
K-ha-KA ʃ-tes	вы встаете
D-ha-A ʃ-tes	они встают

То же в сложных глаголах:

D-eliŋi-DI-bet	я дышу
K-eliŋi-KU-bet	ты дышишь
D-eliŋi-s-A-bet	он дышит
DA-eliŋi-s-ŋ-bet	она дышит
D-eliŋi-DAŋ-bet	мы дышим
K-eliŋi-KAŋ-bet	вы дышите
D-eliŋi-s-Aŋ-bet	они дышат

При использовании дублетных показателей из рядов 3 или 4 формантом множественности служит суффикс -N, связанный с рядом 1:

D-BA-ŋsoŋo	я смотрю
K-KU-ŋsoŋo	ты смотришь
D-BU-ŋsoŋo	он смотрит
DA-BU-ŋsoŋo	она смотрит
D-DAŋ-soŋo-N	мы смотрим
K-KAŋ-soŋo-N	вы смотрите
D-BU-ŋsoŋo-N	они смотрят

D-laktej-BO-ksa	я моргаю
K-laktej-KU-ksa	ты моргаешь
D-laktej-BU-ksa	он моргает
DA-laktej-BU-ksa	она моргает
D-laktej-DOŋ-ksa-N	мы моргаем
K-laktej-KOŋ-ksa-N	вы моргаете
D-laktej-BU-ksa-N	они моргают

Семантика этих глаголов не обнаруживает какой-либо общности; их выделение в особый класс проводится на основе формального несоответствия числа ролей и числа ролевых показателей.

Возвращаясь к двухвалентным глаголам, нельзя обойти вниманием хотя и редкое, но возможное сочетание в одной форме трех ролевых показателей. Два из них маркируют уже описанным способом агенс действия, третий соотносится с пациенсом. Примером служит глагол "уводить, уносить" с показателями рядов 1, 2 и 4:

D-BO-ŋI-ŋus	я ее увожу
D-BU-g-DI-ŋus	он меня уводит
K-KU-ŋ-A-ŋus	ты его уводишь
DA-BU-g-DAŋ-ŋus	она нас уводит
DA-BU-g-B-iŋus	она (это) уносит и т.д.

В единичных случаях показатель пациенса занимает необычное место, вклиниваясь между дублетными показателями агенса:

D-O-g-DAŋ-qa	мы его (оленя) продаем
D-U-g-DAŋ-qa	мы ее (олениху) продаем
D-Oŋ-g-DAŋ-qa	мы их (оленей) продаем

Одновалентные глаголы с одним показателем агенса

В свете изложенного не вызывает затруднений интерпретация глаголов, имеющих не более одного ролевого показателя, который в таких случаях всегда обозначает только агенс, независимо от того, как он используется в глаголах иных типов [52, с. 58]. При этом агенс может быть носителем как действия, так и состояния; в последнем случае – как одушевленным, так и неодушевленным. Ролевой показатель не может быть опущен произвольно, его отсутствие обусловлено особыми причинами, которые будут оговорены ниже. Усечение гласного и ассимиляция с консонантным началом основы (например, *di-dad-dun* > *ddaddun* > *daddun*, *ku-kiɣu-tiŋ* > *kkiɣutiŋ* > *kiɣutiŋ*) представляют собой лишь фонетические явления и в морфемной записи нами не учитываются.

Подавляющее большинство глаголов этого класса оформляется показателями ряда 1. Из простых это, например, глагол "пойти, сходить, сбегать, куда-либо", обозначающий действие и потому допускающий только одушевленный агенс:

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	DI-jaq	DI-jaɣ-AN
2-е лицо	KU-jaq	KU-jaɣ-AN
3-е лицо	DU-jaq	DU-jaɣ-AN
	DA-jaq	

Часто встречаются объединения глагольных корней *-bet*, *-tet*, *-kit*, *-an* с именными. Примером служит сложный глагол *nansi-bet* 'хлеб печь', который одновалентен, подобно русским "шишковать", "белковать", "рыбачить":

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	D-nansibet	D-nansiɣet-N
2-е лицо	K-nansibet	K-nansiɣet-N
3-е лицо	D-nansibet	D-nansiɣet-N
	Da-nansibet	

Неодушевленный агенс возможен только у глаголов состояния. Его показатель полностью совпадает с показателем неодушевленного пациенса двухвалентных глаголов и занимает то же место в словоформе; как было отмечено, неодушевленный партиципant получает

одинаковое оформление независимо от своей роли: *ki-B-atin* '(камень) скатывается', *ta-B-adaq* '(шишка) падает', *a-B-oj* '(шкура) линяет', *salena-B-da* '(нож) тупится', *esa-B-ut* '(заря) занимается' и т.п.

Кроме показателей ряда 1, агенс одновалентных глаголов может обозначаться показателями остальных трех рядов. Глаголов с таким оформлением относительно немного, но некоторые из них весьма частотны. Место показателей в словоформе было описано выше.

Показатели ряда 2 обнаружены только в небольшой группе сложных глаголов на *-bet*, например "дневать, день провести":

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	<i>i-DI-bet</i>	<i>i-DA ʃ-bet</i>
2-е лицо	<i>i-KU-bet</i>	<i>i-KA ʃ-bet</i>
3-е лицо	м. род <i>i-ɣ-A-jbet</i>	<i>i-ɣ-A ʃ-bet</i>
	ж. род <i>i-ɣ-I-jbet</i>	

В некоторых случаях эти глаголы обозначают обладание:

<i>hun-DI-bet</i>	у меня	есть	дочь
<i>hum-KU-bet</i>	у тебя	"	"
<i>hun-A-jbet</i>	у него	"	"
<i>hun-I-jbet</i>	у нее	"	"
<i>hun-DA ʃ-bet</i>	у нас	"	"
<i>hun-KA ʃ-bet</i>	у вас	"	"
<i>hun-A ʃ-bet</i>	у них	"	"

(перевод не отражает одновалентности таких кетских глаголов).

Показатели ряда 3 у простых глаголов по понятным причинам занимают начальную позицию; у сложных – серединную. Простым является, например, глагол "ночевать, ночь проводить, на ночь остаться":

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	<i>BA-ɣissal</i>	<i>DA ʃ-kissal</i>
2-е лицо	<i>KU-ɣissal</i>	<i>KA ʃ-kissal</i>
3-е лицо	м. род <i>A-ɣissal</i>	<i>A ʃ-kissal</i>
	ж. род <i>I-ɣjssal</i>	

Поскольку в ряду 3 имеется нулевая морфема, соотносящаяся с неодушевленным партиципantom, эти глаголы дают примеры нетипичных для кетского форм, полностью лишенных ролевых показателей: (*nan*) *kissal* '(хлеб) на ночь лежать остается', (*in*) *iltaq* '(игла) ломается', (*kansa*) *qontaq* '(трубка) теряется' и т.п.

То же место занимают показатели ряда 4; например, в глаголе "выбегать":

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	BO-ʔabitn	DOʃ-gabitn
2-е лицо	KU-ʔabitn	KOʃ-gabitn
3-е лицо	м. род O- abitn	Oʃ-gabitn
	ж. род U-ʔabitn	

Как было отмечено, в этом ряду совпадают показатели женского рода и неодушевленности: (ul, saj, dik) U-ʔaʔan 'вода, чай, смола) кипит' и т.п.

В составе некоторых глаголов помимо показателя ряда 3 или 4 обнаруживается уже упоминавшийся элемент-b-(p, v, m). Он не отождествим с ролевым показателем неодушевленного партиципанта, о чем свидетельствует отрицательный результат пробы на его замену или опущение. Примерами являются глаголы "соглашаться" (ряд 3) и "поскользнуться" (ряд. 4):

BA-ta-b-aʔo	BO-g-b-un
KU-ta-b-aʔo	KU-g-b-un
A-ta-b-aʔo	O-g-b-un
I-ta-b-aʔo	U-g-b-un
DAʃ-ta-b-aʔo	DOʃ-b-un
KAʃ-ta-b-aʔo	KOʃ-b-un
Aʃ-ta-b-aʔo	Oʃ-b-un

Среди одновалентных глаголов особое положение занимают некоторые глаголы звучания. Для обозначения роли агенса в них используются морфемы, не включенные нами в сводную таблицу ролевых показателей ввиду их преимущественно приименного употребления: их главная функция - выражение притяжательности, т.е. отношений принадлежности и владения. Однако ничто не заставляет нас считать эту функцию единственной и относить все слова с такими морфемами к существительным, как это часто делается (см.: [39, с. 345; 43]); ничто не свидетельствует также и о какой-либо исключительности использования одних и тех же формантов как в именной, так и в глагольной морфологии - подобное явление известно и другим языкам Сибири, в частности самодийским [97, с. 150]. Несомненно глагольный характер рассматриваемых слов в кетском подтверждается их способностью принимать показатели процессуальных категорий вида и наклонения, которых не могут иметь существительные. Для примера приводим формы глагола "свистеть":

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	AB-kutolijbata	ǝTNA-kutolijbata
2-е "	UK-kutolijbata	ǝKNA-kutolijbata
3-е "	м. род BUDA-kutolijbata	BUǝNA-kutolijbata
	ж. род BUD-kutolijbata	

Морфемика партиципанных категорий в своей основе сводится к описанным правилам. При этом выясняются некоторые моменты, необъяснимые с позиции слушающего и вынужденно трактуемые нами как избыточные: сосуществование нескольких параллельных рядов синонимичных показателей для одних и тех же ролей; плеонастическое обозначение роли агенса у группы глаголов двумя дублетными показателями; наличие "пустого" показателя в составе отдельных одновалентных и двухвалентных глаголов.

Процессуальные показатели

Из категорий, отражающих характер процесса, следует назвать прежде всего категорию наклонения, выражающую общий модус высказывания, понимаемый как отношение говорящего к сообщаемому или как отношение содержания высказывания к действительности [3, с. 248; 33, с. 277; 111, с. 101; 114, с. 170].

Подобно другим, категория наклонения не является для глагола универсальной и обязательной [76, с. 92; 100]. Неодинаков и ее объем в разных языках. В кетском общая модальность высказывания находит выражение главным образом вне глагольного ядра при помощи частиц утверждения и отрицания, предположения, волеизъявления и т.д. В формах глагола может быть выражено только одно модальное значение - побудительное значение императива, т.е. в основном приказ или просьба, обращенные к адресату высказывания, который обычно мыслится и как исполнитель потенциального действия.

Принадлежность императива к категории наклонения зачастую подвергается сомнению и прямо отрицается некоторыми авторами в силу специфической природы побудительных высказываний, обладающих особой прагматической направленностью в коммуникативном акте. Действительно, подобные высказывания не являются описаниями ситуаций; они предназначены для реализации аппеллятивной, или призывной, функции и в качестве ответной реакции предполагают действие, а не речь, тем самым резко отличаясь от высказываний всех прочих типов [105, с. 60-70]. Однако это совсем не означает, что "императив и формы наклонений несоизмеримы друг с другом" [Там же, с. 70], и не может быть оправданием для исключения императива из глагольной морфологии вообще. Кетский

императив несомненно является глагольной формой, особым образом маркированной и имеющей своим противочленом другую форму, лишённую такой маркировки. Это противопоставление должно найти свое место в общей парадигме; за категорией, которую оно конституирует, вполне можно оставить ее традиционное наименование "наклонение".

В большинстве случаев формы императива отличаются, во-первых, отсутствием показателя агенса, во-вторых, наличием особой морфемы, выступающей в нескольких алломорфах, которую, однако, нельзя считать специальным показателем повелительного наклонения: она используется и в индикативе как единственное средство обозначения предшествования действия [29, с. 3; 39, с. 142; 58, с. 14-15].

В общелингвистическом плане предшествование действия некоторому моменту трактуется по-разному. Разграничивая предшествование "абсолютное" и "относительное", ряд исследователей тем не менее считает оба значения принадлежащими одной и той же категории времени (например, [48, с. 80]). Другие рассматривают их как принципиально различные [4, с. 106; 76, с. 75; 90, с. 126], для чего, несомненно, имеется больше оснований. При этом собственно темпоральным признается только абсолютное предшествование, для которого точкой отсчета служит момент речи [63; с. 322; 76, с. 84]. Значение относительного предшествования, не связанное обязательно только с этим моментом, приписывается другой категории, получающей разные наименования, самым удачным из которых представляется термин "вид" [63, с. 333; 72; 73; 74; с. 116; 76, с. 77]. Содержание этого термина не поддается однозначному определению. Сужение понятия вида до отдельных частных значений (завершенность / незавершенность; целостность/членимость действия и т.п.) и отнесение прочих значений к иным категориям без особой нужды увеличивают число последних. Чтобы избежать этого, можно принять максимально общее определение Р.О. Якобсона; в соответствии с ним вид отличается, с одной стороны, от ориентированной на момент речи категории времени, с другой – от категории таксиса, имеющей в качестве точки отсчета "другой сообщаемый факт" [111, с. 100-101]. Особенность значения предшествования у кетского глагола заключается как раз в том, что оно жестко не связано ни с моментом речи, ни с моментом другого действия или события: *es konden* 'стемнело'; *es konden, stn dtoldanen* 'когда стемнело, мы спать легли'; *es konden, stn dtadanen* 'когда стемнеет, мы спать ляжем'. Отсутствие ограничений на обозначение точки отсчета в таких примерах и отказ от введения излишних категорий побуждают отнести подобное значение к видовым.

Категория вида шире, чем категория времени, поскольку относительное предшествование шире, чем абсолютное, являющееся его частным случаем [73, с. 89-90]. Естественно ожидать, что при наличии лишь двух противопоставленных друг другу форм обе они по необходимости должны обладать максимально широким объемом значений, т.е. иметь видовой, а не временной характер. Разумеется, любое название условно. Отдавая предпочтение термину "вид", мы лишь хотим подчеркнуть, что кетский глагол имеет две формы, из

которых одна обозначает предшествование действия (события, состояния) любому произвольному моменту, другая не обозначает никакого предшествования. Это обстоятельство, отчасти признаваемое и другими авторами [54, с. 30; 58, с. 15-16], хорошо согласуется с общим положением о типичной для многих ролевых языков ориентации на передачу не темпоральных отношений, а главным образом значений вида или способа действия [52, с. 144-145]. Что касается последних, то они часто также не отграничиваются друг от друга, хотя это необходимо сделать для того, чтобы исключить из рассмотрения значения, не являющиеся собственно видовыми, а следовательно, также и грамматическими. Речь идет о значениях однократности / многократности действия, его длительности или мгновенности, начинательности и т.п. [56, с. 75-138]. В отличие от оппозиции предшествования / не предшествования, обязательной для всех глаголов, такие различия свойственны лишь некоторой их части, а употребление соответствующих форм в решающей мере зависит от конкретного лексического значения. По этой причине, а также в силу пестроты и нерегулярности средств выражения мы относим формы многократного и длительного, начинательного и им подобных способов действия к словообразованию и не включаем их в глагольную парадигму (ср.: [48, с. 78]). Тем самым число процессуальных категорий кетского глагола сводится к двум - наклонению и виду.

Положительные значения обеих категорий друг с другом несовместимы: в побудительном высказывании не может быть выражено предшествование действия; значение предшествования действия исключает выражение предписания о его выполнении. Это объясняет возможность использования одного и того же показателя для маркировки как формы императива, так и формы предшествования.

У подавляющего большинства глаголов общий показатель обеих процессуальных категорий выступает в вариантах /l/ и /n/ с возможным соединительным гласным /o/ или /i/ перед ними, т.е. в формах ol, on, il, in. Их распределение не обнаруживает видимой функциональной основы. Судя по всему, эти варианты лишены каких-либо дополнительных значений (иная точка зрения отстаивается Р.С. Гайер [30, с. 64]); все они встречаются в любых глагольных классах в сочетании с ролевыми показателями разных рядов и у глаголов различной семантики. Показатель может иметь разные соединительные гласные в различных формах одного и того же глагола. Неодинаково и его место в разных типах глагольных словоформ.

Общим правилом для форм предшествования двухвалентных глаголов с показателями одушевленного пациенса ряда 2 является разница в морфемике между 1-м и 2-м лицом, с одной стороны, и 3-м лицом - с другой, как в единственном, так и во множественном числе. В 1-м и 2-м лице показатель предшествования располагается всегда непосредственно перед показателем пациенса, в 3-м лице - за ним. Помимо этого, в 1-м и 2-м лице показатель предшествования может иметь гласный /o/ или /i/, в 3-м лице - только /o/. В силу уже упомянутой закономерности при столкновении двух и более гласных усечение происходит в пользу последнего

из них: D-k-A-ON-taŋ > D-k-ON-taŋ 'он его вташил'; другими словами, показатель пациенса мужского рода А выпадает перед показателем предшествования по фонетическим причинам. Для сохранения показателя женского рода I за ним регулярно появляется разделительный согласный d либо t: D-k-I-d-ON-taŋ 'он ее вташил'. Таким образом, женский род всегда ярко маркирован:

D-IL-DI-s	он меня одел
D-IL-KU-s	он тебя одел
D-IK-DAŋ-s	он нас "
D-IL-KAŋ-s	он вас "
D-A-OL-s D-OL-s	он его "
D-I-d-OL-s	он ее "
D-Aŋ-OL-s	он их "

В рефлексивных формах показатель предшествования располагается перед показателем пациенса, тем самым отличая их от нерефлексивных 3-го лица:

D-IL-A-s	он оделся	D-OL-s	он его одел
DA-IL-A-s	она оделась	DA-I-d-OL-s	она ее одела
D-Il-Aŋ-s-IN	они оделись	D-Aŋ-OL-s-IN	они их одели

Структуру форм императива в общем виде проще всего рассматривать как построенную по тем же правилам, за вычетом префиксально-го показателя агенса [29, с. 3; 58, с. 267]:

K-IL-DI-s	ты меня одел
K-IL-DAŋ-s	ты нас одел
IL-DI-s	одень меня
IL-DAŋ-s	одень нас

Показатели пациенса 3-го лица не подвергаются усечению и сохраняют свое место:

A-L-s	одень его
I-L-s	" ее
Aŋ-OL-s	" их

Рефлексивная форма императива имеет обычный показатель пациенса 2-го лица:

IL-KU-s	оденься
IL-KAŋ-s	оденьтесь

Конечный суффикс множественного числа в императивных формах соотносится не с агенсом действия (как было отмечено, такой роли нет места в ситуациях волеизъявления), а с адресатом побудительного высказывания, т.е. с особой ролью, которая специально не маркируется. В сущности, этот суффикс получает значение иной множественности, и можно полностью согласиться с Р.О. Якобсоном

в том, что "в императиве корреляция по числу является самостоятельной корреляцией" (см.: [105, с. 107]):

IL-DI-s	одень меня	IL-DI-s-IN	оденьте меня
IL-DA ʃ-s	" нас	IL-DA ʃ-s-IN	" нас
A-L-s	" его	A-L-s-IN	" его
I-L-s	" ее	I-L-s-IN	" ее
A ʃ-OL-s	" их	A ʃ-OL-s-IN	" их

Аналогичным образом строятся формы сложных глаголов:

D-us-q-IN-DI-t	он меня грел
D-us-q-IN-KU-t	он тебя "
D-us-q-IN-DA ʃ-it	он нас "
D-us-q-IN-KA ʃ-it	он вас "

D-us-q-A-ON-a > D-us-q-ON-a	он его грел
D-us-q-I-t-ON-a > D-us-q-I-t-N-a	он ее "
D-us-q-A ʃ-ON-a	он их "
us-q-IN-DI-t	согрей меня и т.д.

(мы отвлекаемся от чередования второго корня t/a).

Если показатель одушевленного пациенса принадлежит к ряду 3 или 4, то показатель предшествования имеет одну огласовку для всех лиц и во всех формах занимает одно и то же место – после показателя пациенса непосредственно перед корнем (в сложных глаголах – перед вторым):

D-tuʃn-BA-t-OL-git	оң меня причесал
D-tuʃn-KU-t-OL-git	он тебя причесал
D-tuʃn-A-t-OL-git	он его "
D-tuʃn-I-t-OL-git	он ее "
D-tuʃn-DA ʃ-t-OL-git	он нас "
D-tuʃn-KA ʃ-t-OL-git	он вас "
D-tuʃn-A ʃ-t-OL-git	он их "
D -tuʃn-BU-t-OL-git	он себя причесал
DA-tuʃn-BU-t-OL-git	она себя причесала
D -tuʃn-BU-t-OL-git-N	они себя причесали
tuʃn-BA-t-OL-git	причеши меня
tuʃn-KU-t-OL-git	причешись

Столь же регулярны формы с показателями ряда 4:

D-BO-L-aq	он меня увел
D-KU-L-aq	он тебя "
D-O-L-aq	он его "
D-U-L-aq	он ее "
D-DO ʃ-L-aq	он нас "

D-KOɥ-L-aq	он вас увел
D-Oɥ-L-aq	он их "
BO-L-aq	уведи меня

Такой же порядок расположения морфем имеют глаголы с показателями неодоушевленного пациенса В (ряд 2) и U (ряд 4):

DU-B-IL-daŋ	он мял (шкуру)
DU-B-IL-taŋ	он ташил (нарту)
DU-B-IN-a	он вил (веревку)
DU-B-IN-gak	он нашел (вещь)
D-sul-U-N-bet	он помял (траву)
D-ataj-U-L-a	он скатил (камень)
D-taŋaj-U-L-a	он тянул (веревку)
D-un-U-N-bet	он испачкал (рукав)

Однако показатель В по неясным причинам обязательно выпадает в формах императива:

IL-taŋ	тащи (нарту)
IN-gak	найди (вещь)
IN-dit	сосчитай (шкурки)

Это явление противоречит фактам большинства других языков (см.: /105, с. 76/); оно непонятно еще и потому, что соответствующий показатель в ряду 4 в императиве сохраняется:

ataj-U-L-a	скати (камень)
taŋaj-U-L-a	тяни (веревку)
sis-U-N-to	в кучу сложи (шкурки) и т.д.

Необходимо отметить, что элиминации подвержено и "пустое" /b/, о котором шла речь выше /58, с. 267/, однако, по нашему мнению, это не служит основанием для пересмотра трактовки его как некатегориального элемента. Примеры таких форм:

D-O-g/b/-IL-des	он его бранил
O-L-des	брани его
D-Oɥ-/b/-IN-taŋ	он их обвенчал
Oɥ-IN-taŋ	обвенчай их

У одновалентных глаголов процессуальный показатель занимает также неодинаковое, но определенное место. В формах глаголов с дублетными показателями агенса он располагается перед рядом 2, но после рядов 3 и 4. Примерами могут служить формы предшествования глаголов "дышать":

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	D-eliŋ-IL-DI-bet	D-eliŋ-IL-DAɥ-bet

		Единственное число	Множественное число
2-е лицо	}	K-eliŋ-IL-KU-bet	K-eliŋ-IL-KAŋ-bet
3-е лицо		D-eliŋ-IL-A-bet	D-eliŋ-IL-Aŋ-bet
	}	DA-eliŋ-IL-A-bet	

"смотреть":

1-е лицо		D-BA-ŋ-L-oŋo	D-DAŋ-L-oŋo-N
2-е лицо	}	K-KU-ŋ-L-oŋo	K-KAŋ-L-oŋo-N
3-е лицо		D-BU-ŋ-L-oŋo	D-BU-ŋ-L-oŋo-N
	}	DA-BU-ŋ-L-oŋo	

"моргать":

1-е лицо		D-laktej-BO-L-a	D-laktej-DOŋ-L-a-N
2-е лицо	}	K-laktej-KU-L-a	K-laktej-KOŋ-L-a-N
3-е лицо		D-laktej-BU-L-a	D-laktej-BU-L-a-N
	}	DA-laktej-BU-L-a	

У глаголов с показателями агенса ряда 1 процессуальный показатель расположен за ним или за детерминативом, в сложных глаголах - за первой основой:

D-OL-aq	я вышел	D-OL-aŋ-AN	мы вышли
K-OL-aq	ты "	K-OL-aŋ-AN	вы "
D-OL-aq	он "	D-OL-aŋ-AN	они "
DA-OL-aq	она вышла	OL-aq	выходи
		OL-aŋ-AN	выходите

Одновалентным сложным глаголом является nansibet 'хлеб печь':

		Единственное число	Множественное число
1-е лицо		D-nan-L-ibet	D-nan-L-iyet-N
2-е лицо	}	K-nan-L-ibet	K-nan-L-iyet-N
3-е лицо		D-nan-L-ibet	D-nan-L-iyet-N
	}	DA-nan-L-ibet	
		nan-L-iyet-(N)	'хлеб пеки (теу)

В формах с показателями агенса рядов 2, 3 и 4 процессуальный показатель занимает то же место, что и у двухвалентных глаголов; например, "день провести":

	Единственное число	Множественное число
1-е лицо	i-N-DI-bet	i-N-DAḥ-bet
2-е лицо	i-N-KU-bet	i-N-KAḥ-bet
3-е лицо	м. род i-γ-ON-bet	i-γ-Aḥ-ON-bet
	ж. род i-d-I-t-N-ibet	

"ночь провести":

1-е лицо	BA-γ-IN-sal	DAḥ-g-IN-sal
2-е лицо	KU-γ-IN-sal	KAḥ-g-IN-sal
3-е лицо	м. род A-γ-IN-sal	Aḥ-g-IN-sal
	ж. род I-γ-IN-sal	

"выбегать":

1-е лицо	BO-γab-IN-den	DOḥ-gab-IN-den
2-е лицо	KU-γab-IN-den	KOḥ-gab-IN-den
3-е лицо	м. род O-γab-IN-den	Oḥ-gab-IN-den
	ж. род U-γab-IN-den	

Изложенные правила иллюстрировались наиболее простыми формами, не дающими полного представления о морфемике кетского глагола, отличающейся в действительности намного большей сложностью, о чем свидетельствуют следующие примеры: dboksit 'разожгу огонь' / dboγna 'разжег огонь'; dunsī 'погашу огонь' / duni 'погасил огонь', bimbus '(снег) тает' / bilus 'растаял', ulavan '(лодка) тонет' / ulovan 'затонула', dejgutavit 'он тебя не тронет' / dejgutovija 'он тебя не тронул', dujγo 'он умирает' / duno 'он умер', dkasajus 'он его берет' / dka-sanem 'он его взял', atbatn 'я болею' / atboldin 'я болел', daqtoγon 'он выздоровел' / daqtoksith 'они выздоровели', diska γ ut 'он дремлет' / deskisdamin 'они дремлют', dolabdaq 'я (один пим) снимаю' / dolinqabij 'я (оба пима) снимаю' и т.д.

Образование подобных весьма многочисленных форм с позиции слушающего совершенно непредсказуемо. Тем не менее, несмотря на нерегулярность и нестандартность, всем глагольным формам свойственна общая внутренняя упорядоченность, которая должна быть вскрыта.

ПАРАДИГМАТИКА ГЛАГОЛА

Анализ принципов организации парадигмы не менее важен, чем анализ морфемного состава словоформ любой части речи. Напомним, что парадигма есть грамматическая система высшего порядка, обеспечивающая идентификацию принадлежности слова к данной части речи; ее субстантную базу образуют подчиненные ей системы – грамматические категории [76, с. 6–8, 18–20]. Следовательно, принципы организации парадигмы в общем виде включают в себя, во-первых, структуру категорий, во-вторых, отношения между ними (в данном случае – отношения между двумя процессуальными и пятью партиципальными категориями кетского глагола) и отношения тех и других между собой.

Тезис о системности языка предполагает, что лингвистический статус любой категории определяется наличием выбора по меньшей мере между двумя возможностями, т.е. что подлинной языковой реальностью являются бинарные оппозиции; изолированная форма с изолированным значением категории не образует [11, с. 176]. Грамматические оппозиции принципиально сходны с фонологическими, описанными выше.

В основе любой грамматической категории лежит по меньшей мере одна оппозиция простейшего и фундаментального типа А/не-А, т.е. контрадикторное противопоставление некоторой положительной величины ее отрицательному противочлену, общее содержание которого сводится к отсутствию сигнализации о выраженности положительного значения. Именно такие асимметричные оппозиции являются главным принципом построения грамматических систем. Все прочие случаи – противопоставление одной положительной единицы другой положительной величине или нескольким положительным единицам, т.е. контрадные отношения типа А/В или А/В/С, – могут быть преобразованы в цепочку контрадикторных. Возможность их преобразования заключена в неравнообъемности членов контрадикторного отношения: больший объем содержания его отрицательного члена допускает развертывание и функционирование другой, также контрадикторной оппозиции, сопряженной с первой (подробнее см.: [11, с. 221–223; 38, с. 90–93; 72; 73; 74, с. 109–113; 76, с. 22, 36–38, 65–82; 111, с. 102–103]).

Таким образом, бинарность противопоставлений вовсе не означает, что внутри одной грамматической категории не может быть больше двух членов одного порядка; однако эти члены всегда входят в противопоставления, по своему характеру необходимо являющиеся двучленными [38, с. 100]. Примером может служить категория лица, которая в разных языках, в том числе и в кетском, может быть описана в терминах двух сопряженных бинарных оппозиций:

первое / не-первое лицо
 ↓
 второе / не-второе лицо.

Третье лицо предстает при этом как член корреляции, участвующий в обеих оппозициях и дважды получающий отрицательное определение, т.е. объединяющий значения "не-первое" и "не-второе лицо". Разумеется, эта категория допускает и иные интерпретации. Отметим лишь, что это единственная трехчленная категория кетского глагола. Все остальные его категории имеют простейшую двучленную структуру.

Особого внимания заслуживают отношения между категориями. Совершенно естественно, что в глагольной словоформе вполне могут быть выражены сразу несколько различных грамматических значений, но их сочетаемость совсем не произвольна. Некоторые из них свободно совмещаются друг с другом (например, значение агенса действия и любое из значений числа), другие взаимно предполагают друг друга и обязательно совмещены (например, значения любого из трех лиц и одушевленности), третьи взаимно несовместимы и исключают друг друга (например, значения неодушевленности и рода). Отношения свободной совмещаемости, обязательной совмещенности и принципиальной несовместимости грамматических значений определяются правилами, специфическими для определенных языков. Эти отношения свидетельствуют о том, что общая значимость каждого элемента системы "выявляется посредством его противопоставлений не только попарно другим элементам, но и их множеству как целому", поскольку "не система суммируется из элементов (или их парных оппозиций), а элементы вычлениются из системы" [95, с. 222, 228]. Если при описании системы в данном случае мы вынуждены поступать иначе, то должны отдавать себе отчет в односторонности и ограниченности такого подхода.

Подобно тому, как грамматическая категория не есть механический набор значений, парадигма не является конгломератом категорий и лежащих в их основе оппозиций; последние образуют иерархию, характеризуясь неодинаковым "удельным весом" или рангом [41, с. 108; 85, с. 96-97; 95, с. 219; 111, с. 102-109].

Комбинаторика грамматических значений зависит не только от иерархического ранга отдельных оппозиций, но и от направленности маркировки их членов: известно, что маркированные, положительные значения одной категории труднее сочетаются со значениями других категорий [76, с. 47]. Однако направленность маркировки не всегда самоочевидна и в ряде случаев должна определяться путем выбора одного из возможных решений, что тем не менее вовсе не означает пустой и полностью произвольной "игры в символы". Имеются некоторые бесспорно объективные диагностические признаки, присущие, например, "слабым", немаркированным единицам. Помимо большего объема содержания и большей свободы сочетаемости, отрицательный член контрадикторной оппозиции обычно отличается большей частотностью в тексте, а также тем, что нейтрализация оппозиции происходит в его пользу [78, с. 147; 117, с. 73]. Сложность заключается в том, что отдельные признаки могут противоречить друг другу. Одна и та же единица может считаться

положительной по одним из них и отрицательной по другим; направленность маркировки может быть различной на разных ярусах языковой структуры или в плане содержания, с одной стороны, и в плане выражения – с другой. По этой причине предлагаемая трактовка категориальных оппозиций кетского глагола, как и установление их иерархии, представляет лишь одну из моделей, не исключающую иных интерпретаций.

Не вызывают сомнений характер и взаимоотношения обеих процессуальных категорий – наклонения и вида, каждая из которых строится на одной бинарной оппозиции, как было сказано выше. Совершенно очевидно, что в оппозиции наклонения маркирован императив, в видовой оппозиции – значение предшествования. Естественно считать также, что иерархически первая из них стоит выше второй, действующей только в пределах немаркированного “общего” наклонения:

императив / не-императив
 ↓
 предшествование / не-предшествование.

Об этом свидетельствует несовместимость положительного значения императива с ролевыми значениями агенса, а у многих глаголов и неодушевленного пациенса. Такая несовместимость, не свойственная ни одному из членов видového противопоставления, не позволяет принять иной порядок расположения оппозиций, при котором подобное ограничение было бы невозможно объяснить.

Из партиципанных категорий самый высокий ранг имеет категория роли. Маркированной может считаться любая из двух ролей – агенс либо пациенс; логически обе они равноправны. По-видимому, в языках последовательно выдержанного активного строя имеется больше оснований для того, чтобы признать положительным только строго ограниченное значение агенса действия в собственном смысле, т.е. значение “актора”; его отрицательным противочленом является более широкая по своему объему семантика “претерпевающего”. Она включает в себя значения как пациенса, т.е. объекта воздействия, так и агенса состояния, которые в таких языках имеют одну форму выражения:

агенс действия – агенс состояния – пациенс

(см.: [16, с. 384]). Напомним, что в кетском для одушевленных партиципантов картина обратная; агенс состояния оформляется так же, как агенс действия; общей семантике агентивности противостоит относительно узко очерченное значение пациенса, которое оказывается к тому же и более редким – ведь оно возможно не у всех, а только у двухвалентных глаголов:

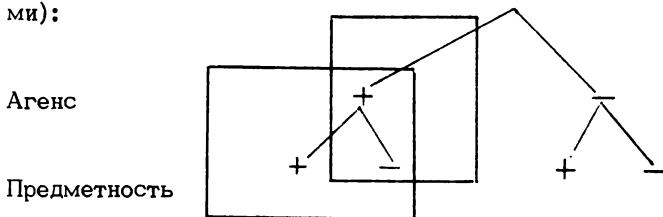
агенс действия – агенс состояния – пациенс.

Подобное разграничение, не свойственное, правда, неодушевленным партиципантам, не способным выступать в роли агенса действия и имеющим лишь одну общую форму, побуждает признать маркированным именно пациенс. Таким образом, выбор той или иной направ-

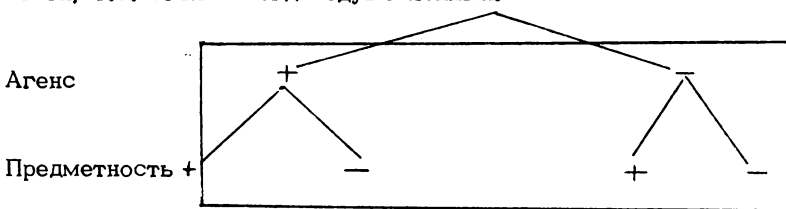
ленности маркировки – проблема совсем не терминологическая. Однако она не так уж важна принципиально, поскольку оба ролевых значения в кетском одинаково свободно сочетаются со значениями нижележащих категорий и любое из решений не отразится на конечных результатах описания. Привычнее и поэтому предпочтительнее кажется все же оппозиция “агенса / не-агенса (т.е. пациенс)”.

Напротив, выбор направленности маркировки в следующей по рангу оппозиции определяет способ представления комбинаторики остальных категориальных значений и отражает рассмотренное выше деление глаголов на три класса. Речь идет об одной из двух возможностей: признать конституирующим либо членение “одушевленность / неодушевленность (т.е. предметность)”, либо, наоборот, “предметность / непредметность (т.е. одушевленность)”. Большой объем, допускающий дальнейшее членение по категории рода, и свободная сочетаемость со всеми прочими категориальными значениями позволяют считать значение одушевленности немаркированным и отождествить его с отрицательным членом в оппозиции “предметность / непредметность”, более адекватно отражающей парадигматические отношения в глагольной системе [15, с. 20; 22, с. 7; 24, с. 35].

Свободная совмещаемость значений агенса / не-агенса (пациенса), с одной стороны, и значений предметности / непредметности (одушевленности) – с другой, свойственна лишь парадигме в целом, в то время как каждый из трех глагольных классов характеризуется своим особым набором сочетаний. Так, у одновалентных глаголов возможно только положительное значение агенса, совмещенное либо с любым членом оппозиции предметности (глаголы с одним ролевым показателем), либо только с отрицательным значением непредметности, т.е. со значением одушевленности (глаголы с дублетными показателями):

У двухвалентных глаголов из всех возможных принципиально запрещено только сочетание положительных значений агенса и предметности, т.е. агенса всегда одушевленный:

Совмещаемость отрицательного ролевого значения (пациенса) со

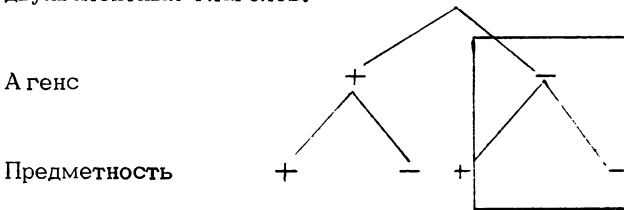
Т а б л и ц а 8

Категориальные значения		Глаголы		
Агенса	Предметность	одновалентные		двухвалентные
		с одним показателем	с двумя показателями	
+	+	X		
+	-	X	X	X
-	+			X
-	-			X

значениями предметности и не предметности зависит от лексической семантики глагола, но в любом случае в каждой глагольной словоформе допустимо лишь одно из таких сочетаний.

Итак, различия между тремя классами глаголов в морфемике отражаются в парадигматике (табл. 8).

Процессуальное значение относительного предшествования свободно совмещается со всеми партиципными значениями и в этой схеме ничего не меняет. Иначе обстоит дело с категорией наклона. Положительное значение императива без ограничений совместимо только с сочетанием отрицательных значений не-агенса и не-предметности, т.е. только со значением одушевленного пациенса у двухвалентных глаголов:

Однако обозначение неодушевленного пациенса невозможно в императивных формах глаголов с ролевыми показателями ряда 2. Несовместимость значения императива с положительным ролевым значением агенса, как уже отмечалось, совершенно естественна, но его несовместимость со значением предметного пациенса у столь большого числа двухвалентных глаголов остается парадигматически необъяснимой особенностью кетской грамматики, если только не признать чередования показателя В в индикативе с нулевым морфом в императиве, аналогичным нулевому показателю в ряду 3, что в данном случае было бы все же искусственным.

Необходимо подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, положительное значение предметности вообще не объединяется ни с какими другими партиципными значениями, кроме ролевых. Обычно по

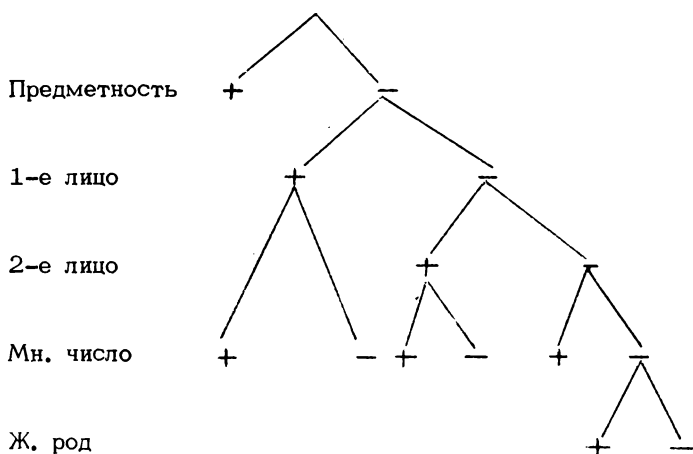
аналогии с индоевропейскими языками предметность (неодушевленность) принято относить к 3-му лицу, рассматривая ее как одно из частных значений последнего на правах "среднего" рода, приравниваемого по статусу к мужскому и женскому роду. По нашему убеждению, в парадигме кетского глагола оппозиции предметности следует приписать гораздо более высокий иерархический ранг, поместив ее над оппозициями лица, числа и рода, т.е. признать, что положительное значение предметности стоит вне этих категорий; все они свойственны только немаркированным, одушевленным партиципантам, выступающим в любой из двух ролей.

Приведенное выше описание трехчленной структуры категории лица на основе сопряженных оппозиций "первое / не-первое" и "второе / не-второе лицо" может быть принято без уточнения этих конститутивных значений, имеющих предположительно общеязыковый, хотя и довольно отвлеченный, характер. Иная возможная интерпретация этой категории основана на противопоставлении коммуникантов (т.е. участников речевого акта - 1-е и 2-е лицо) и не-коммуникантов (3-е лицо) с делением первых на активных и пассивных [76, с. 47-48]. Ни в том, ни в другом случае 3-е лицо не получает никакого положительного определения.

В оппозиции числа маркировано значение множественности, точнее объединенности одного партиципанта с другим или с другими [Там же]. Это значение легко сочетается с любыми значениями лица; категории лица и числа логически взаимно независимы и иерархически равноправны и могут рассматриваться в произвольной последовательности. Отметим еще раз, что множественность участников ситуации не следует смешивать с множественностью адресата побудительного, императивного высказывания; оба значения имеют одинаковые формы именно потому, что не встречаются в одинаковых условиях, т.е. по той же причине, по которой одни и те же средства выражения имеют положительные значения категорий склонения и вида.

Значения рода несовместимы с положительными значениями лица и множественности, т.е. свойственны только партиципантам 3-го лица в единственном числе. При решении вопроса об их маркировке нужно принять во внимание, что во всех рядах ролевых показателей нейтрализация родовых различий во множественном числе формально происходит в пользу мужского рода, который поэтому и следует признать слабым, отрицательным членом оппозиции "женский / не-женский род".

Таким образом, в парадигме глагола ролевым значениям как агенса, так и пациенса иерархически подчинен единый блок сочетаний категориальных значений предметности, лица, числа и рода, структуру которого можно изобразить в виде дерева зависимостей:

То же самое можно представить в виде матрицы, соотнеся сочетания парадигматических значений с ролевыми показателями четырех рядов (табл. 9).

В каждом из рядов ролевых показателей без учета нейтрализации в 3-м лице находят выражение все восемь сочетаний категориальных значений, хотя не каждый отдельный глагол имеет полную парадигму в силу особенностей своей семантики.

В целом можно утверждать, что в парадигме кетского глагола, включающей семь категорий, нет ничего необычного, кроме двух моментов, по-видимому связанных между собой: наличия категории роли и относительно высокого иерархического ранга категории предметности / непредметности.

Итак, кетский глагол обычно представляет собой целостное многоморфемное образование, которое может быть совершенно однозначно определено как слово. Совокупность его форм образует особую часть речи со своей собственной парадигмой. Обладая всеми свойствами единицы морфологического яруса, глагольное слово не

Т а б л и ц а 9

Предметность	1-е лицо	2-е лицо	Мн. число	Ж. род	1	2	3	4
+	0	0	0	0	B	B	∅	U
-	+	-	-	0	DI	DI	BA	BO
-	-	+	-	0	KU	KU	KU	KU
-	-	-	-		DU	A	A	O
-	-	-	-	+	DA	I	I	U
-	+	-	+	0	DI-N	DAʃ	DAʃ	DOʃ
-	-	+	+	0	KU-N	KAʃ	KAʃ	KOʃ
-	-	-	+	0	DU-N	Aʃ	Aʃ	Oʃ

может быть предметом синтаксического анализа. Вместе с тем в силу типологического своеобразия кетского языка глагол в нем выполняет коммуникативную функцию, образуя либо самостоятельное высказывание, либо ядро высказывания, описывающего некоторую ситуацию реального мира. При этом он несет в себе важнейшие семантические компоненты высказывания: наименование процесса, служащего основой описания ситуации; его характеристики, прежде всего грамматические (предшествование либо непредшествование некоторому моменту; желательность выполнения процесса); указание на наличие одного или двух главных участников ситуации; их грамматические характеристики (семантические роли агенса и пациенса, предметность либо одушевленность, у одушевленных – лицо, число и род).

С формальной точки зрения глаголом является любое слово, способное принимать процессуальный показатель.

Расширенное глагольное высказывание

Высказывание может быть развернуто за счет добавления других слов, обычно в препозиции к глагольному ядру. Расширенное высказывание состоит из словосочетаний различных типов (синтагм). Отвергая понятия членов предложения как синтаксических сущностей, необходимо признать, что расширенное высказывание включает в себя непосредственно обозначение дополнительных семантических величин, которыми являются: наименования главных участников процесса – агенса и пациенса, обозначенных ролевыми показателями в глаголе; наименования других партиципантов и их ролей; дополнительные характеристики тех и других участников ситуации; дополнительные характеристики процесса.

Слова, входящие в расширенное высказывание, распадаются на знаменательные и служебные. Отметим относительность такого деления: в силу полевой природы частей речи некоторые слова амбивалентны и способны функционировать и как знаменательные, и как служебные. Учитывая невозможность и отсутствие практической необходимости в разбиении всех слов на четко отграниченные друг от друга классы, для выделения частей речи можно признать вполне достаточными обычные, весьма приблизительные критерии.

Знаменательные слова формально соединяются со служебными и друг с другом двумя способами. Один из них – простое соположение, при котором часто бывает важна последовательность членов словосочетания. Другая возможность – соединение двух слов с помощью третьего: служебной частицы со значением общего отношения или общей связи, выступающей в формах *di / da / na*. Ввиду ее особой важной функции и способности выражать некоторые грамматические значения предшествующего ей именного или местоименного слова эта частица должна быть специально выделена. Более строгого разграничения остальных служебных слов не требуется.

Из знаменательных частей речи после глагола наиболее важное место занимает имя существительное, морфология которого в кетском оказывается намного проще глагольной.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ГЛАГОЛЬНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Первая функция существительного в расширенном высказывании — название агенса и пациенса. При этом существительные соотносятся с соответствующими глагольными показателями по значениям роли, предметности / одушевленности и рода, но не имеют собственных показателей этих значений в своем составе. Подобный тип связи между членами словосочетания, при котором главное слово выражает грамматические значения примыкающего к нему подчиненного слова, был выделен В.А. Аврориным в нанайском языке и назван им отражением [1, с. 3-4]. Отражение представлено в кетском, как и в ряде других языков Сибири, наряду с согласованием, управлением и примыканием.

Правила соотнесения существительного с ролевыми показателями в глаголе не являются в полной мере жесткими: отчасти они оставляют известную свободу выбора говорящему, отчасти определяются лексической семантикой конкретного глагола. Так, принципиально переменны значения обеих ролей. Каждый раз они зависят от данной ситуации, ее участников и реальных отношений между ними, точнее, от того, как эту ситуацию описывает говорящий: например: *tib D-ejtoloł* 'собака сбежала', *tamane tib D-O-ktolge* 'кто-то собаку увел'; *deŋ dyl D-I-tliget-IN* 'люди девочку искали'; *dyl deŋ DA-Aŋ-olget* 'девочка людей искала'. Обычно последовательность двух имен при двухвалентном глаголе соответствует порядку расположения ролевых показателей, но может легко нарушаться под воздействием эмпазы или в интересах актуального членения высказывания; поэтому вполне допустимо, например, как *ob hun D-I-tbili* 'отец дочь спросил', так и *hun ob D-I-tbili* 'дочь отец спросил'.

Наибольшее постоянство обнаруживается при соотнесении существительных с выраженными в глаголе значениями предметности и непередметности (одушевленности). Необходимо еще раз подчеркнуть, что эта категория имеет лишь собственно языковую природу и не служит свидетельством каких-либо пережиточных особенностей мировосприятия современных носителей кетского языка (ср.: [40, с. 118; 98, с. 61-62]). При описании с позиции слушающего достаточно констатации того факта, что в кетском к одушевленным относятся, в частности, такие названия объектов и явлений природы, растений, предметов материальной культуры и частей тела, как *i* 'солнце', *qib* 'луна', *baŋ* 'земля', *bejas* 'ветер', *eŋŋ* 'гром', *ules* 'дождь', *bok* 'огонь', *ses* 'река', *sas* 'лиственница', *haj* 'кедр', *eŋ* 'сосна', *din* 'ель', *yl* 'осина', *baln* 'черемуха', *imelt* 'кедровая шишка'; *bolva* 'гриб'; *hylim* 'веретено'; *suŋusaŋŋ*,

qotanarñ 'жерди чума', tap 'обруч чума (или бубна)', tat-peloks 'очажная палка'; alal, dañols 'деревянное изображение духа'; ulvej 'душа', qoni 'тень', hu 'сердце', toq 'палец', и др.

Граница между классом одушевленных и классом неодушевленных, предметных существительных хотя и четка, но не абсолютна. Некоторые названия предметов иногда могут отражаться в ролевых показателях как одушевленные под влиянием лексического значения глаголов, обычно предполагающих наличие одушевленного участника: kisañ ab tas desomdaq, hyta kan DA-oq-sut 'сюда я камень положу, вниз пусть давит', где в первом случае слово tas 'камень' соотносится с показателем неодушевленности -m (=B), во втором - с показателем женского рода DA; аналогично этому: samolot DA-doq 'самолет летит' и т.п.

Что касается категории рода у одушевленных имен, то для некоторых из них соотнесенность со значением мужского либо женского рода постоянна, для других - переменна. В частности, только к мужскому роду относятся tib 'собака', tot 'таймень', qud 'щука', sul 'нельма', lun 'хариус', di 'орел', qaq 'коршун', bit 'гагара', hyj 'филин', suj 'комар', byst 'оса', qomlej 'бабочка', qynt 'муравей', us 'береза', ej 'сосна', baln 'черемуха', и др.; всегда к женскому роду относятся saq 'белка', bes 'заяц', qən 'лиса', kob 'бурундук', sañlils 'соловей', qelet 'ворона', ba 'кулик', tuln 'ящерица', dansolajs 'кузнечик', elym 'паук', bolva 'гриб', qo 'саранка' и т.д. Таким образом, в глаголе отражается различие, например, между di D-A-tuñ 'он орла видит' и bes D-I-tuñ 'он зайца видит'.

Род других существительных меняется в соответствии с естественным полом. К ним относятся: biseb 'брат', 'сестра'; dyl 'мальчик', 'девочка'; qal 'внук', 'внучка'; qaj 'лось', 'лосиха'; sel 'олень', 'олениха'; qoj 'медведь', 'медведица' и им подобные. Поэтому только ролевыми показателями в глаголе различаются, например:

dyl biseb	D-ket-A-ñisqut	мальчик брата обижает
" "	D-ket-I-ñisqut	мальчик сестру "
" "	DA-ket-A-ñisqut	девочка брата "
" "	DA-ket-I-ñisqut	девочка сестру обижает

Помимо отражения, в словосочетаниях рассматриваемого типа представлено также согласование, т.е. двукратное формальное выражение одного и того же грамматического значения в имени и в глаголе. Согласование затрагивает только категорию числа: qim DA-jevunbis 'женщина заблудилась' / qim-EN D-evunbis-EN 'женщины заблудились'. Но оно не является полным по двум причинам. В глагольных ролевых показателях значение предметности, неодушевленности несовместимо ни с какими числовыми значениями; в именной парадигме такого ограничения нет, и неодушевленные существительные (хотя и не все) способны различать формы числа и потому

более информативны, чем соответствующие ролевые показатели: don/doneŋ salano-B-ŋan 'нож затупился' / 'ножи затупились'; sas/saseŋ D-i-B-daŋ 'я оленью шкуру' / 'шкуры мну' и т.п. С другой стороны, наоборот, числовых форм не имеют некоторые семантически считаемые одушевленные существительные и в сочетаниях с ними более выразительными оказываются формы глагола: bən D-I-ŋimdaŋ / D-Aŋ-gimdaŋ 'он утку / уток подстрелил'; tot O-ŋalŋan / Oŋ-alŋan 'таймень сварился' / 'таймени сварились'.

Так или иначе, необходимо отметить наличие в кетском значительной группы существительных, стоящих вне категории числа по особенностям своей семантики либо по чисто формальным основаниям.

Никаких показателей числа не имеют обозначения веществ: ul 'вода', dik 'смола', ta 'соль', qyt 'жир', kit 'мясо', sul 'кровь', ku 'пепел', и др.; названия многих абстрактных понятий: u 'сила', bat 'правда', dok 'жизнь', satij 'стыд', и т.п.; собирательные: dan 'трава', qudaŋ 'стружки', oŋneŋ 'икра'; уникалии (главным образом топонимические названия и антропонимы); quk 'Енисей', qol 'Подкаменная Тунгуска', Sulomaj (поселок); Nikolaj, Ivan, Uljana, Olga и др.; мифологические Qajgus, Toŋun, Balna, Diltaŋ, Kasket и т.п.; названия времен года и атмосферных явлений: kəte 'зима', sile 'лето', qogde 'осень'; ulej 'туман', ulas 'дождь', bejas 'ветер' и т.п. По неясным причинам не имеют числовых форм следующие названия живых существ: bən 'утка', is 'рыба', tot 'таймень', lun 'хариус', qaŋ 'елец' [56, с. 79].

Что касается считаемых имен, то кетскому совершенно чужды особые формы двойственного числа, столь богато представленные в соседних уральских языках. Единственной связанной грамматической морфемой в составе кетского существительного является показатель множественности, реализующийся преимущественно в алломорфах -n и -ŋ. Их частотность приблизительно одинакова, а выбор подчиняется некоторым не вполне понятным правилам, допускающим многочисленные колебания [39, с. 68-69; 56, с. 80-82; 83, с. 6-12]; за исключением этого, формы множественного числа подавляющего большинства кетских существительных могут считаться регулярными: hiŋ-en 'мужчины', qim-n 'женщины', ob-aŋ 'отцы', am-aŋ 'матери', hyb-aŋ 'сыновья', hun-aŋ 'дочери', qalet-n 'вороны', bolva-n 'грибы', ogde-n 'уши', aŋ-en 'веревки' и т.д. Более сложные случаи включают в себя изменение корневых гласных или согласных либо то и другое вместе, усечение основы, супплетивные образования: tib - мн. ч. tab 'собаки', his - мн. ч. has 'хвосты', sel - мн. ч. sen 'олени', qus - мн. ч. quŋ 'чумы', haj - мн. ч. hiŋ 'кедры', in мн. ч. eniŋ 'иглы', dit мн. ч. deŋŋ 'глухари', dyl - мн. ч. dylgit 'дети', oks - мн. ч. aŋ 'деревья', ket - мн. ч. deŋ 'люди' и др.

Существительные, называющие агенс и пациенс, связаны с глаголом без помощи каких-либо служебных слов. Во всех прочих

сочетаниях с глаголом имя обычно сопровождается одним или двумя и более послелогоми, выбор которых в большей мере обусловлен семантикой глагола. Таким образом, во всех сочетаниях, кроме уже рассмотренных, глагол и зависимое от него имя обычно связаны отношением управления, сходным с предложным управлением в других языках.

Частные функции приглагольного имени с послелогом в расширенном высказывании весьма разнообразны и не всегда поддаются однозначной интерпретации, но в целом могут быть сведены к двум: а) выражение характеристик процесса, описывающего ситуацию; б) обозначение его дополнительных участников, выступающих во второстепенных ролях.

Однако разграничение даже этих базисных функций возможно лишь с оговорками из-за того, что интуитивными остаются сами принципы выделения ролей (или "реальных", или "семантических актантов", "глубинных падежей", "тематических отношений"). Состав ролей, задаваемый простым перечислением, неодинаков у разных авторов и колеблется в широких пределах – от трех до нескольких десятков [16, с. 387; 90, с. 152–155; 103, с. 405–406; 104, с. 516–517]. Такое положение следует признать совершенно нормальным, учитывая многообразие способов членения неязыковой реальности языковыми средствами и тезис о том, что "значения обусловливаются ситуациями" [104, с. 497]. Но именно поэтому становится иллюзорной надежда получить когда-либо полный универсальный список семантических ролей и строгие критерии их отграничения от обстоятельственных характеристик процесса; считать ли особыми ролями, например, "инструмент", "цель", "источник", "локатив" [16, с. 387] и т.п., по-видимому, останется вопросом договоренности (ср.: [90, с. 157]). Вместе с тем проблема исчисления общего количества ролей в действительности вовсе не столь остра и в зависимости от обстоятельств допускает различные, в равной мере приемлемые решения, если не считать самоцелью достижение точности любой ценой и не пытаться априорно проводить резких границ там, где это трудноосуществимо и практически неоправданно. В семантике любые границы всегда условны.

Кетские послелоги в своей совокупности могут рассматриваться только как относительно свободное объединение довольно разнородных служебных элементов, значения которых не обнаруживают взаимной оппозитивности и зачастую перекрещиваются и накладываются друг на друга, а правила употребления не являются абсолютно строгими и оставляют простор для их разнообразных сочетаний при одном и том же существительном. Не образуя закрытой системы с жесткой структурой, послелоги не служат субстанцией выражения каких-либо грамматических категорий (см.: [76, с. 7]). Значения дополнительных партиципанных ролей и значения характеристик процесса не морфологизованы и не включаются нами в именную парадигму, хотя в общем описании должны найти место приемы их наиболее типичных реализаций.

Общее количество простых послелогов, по-видимому, не превы-

шает 20. По формальным признакам они распадаются на две неравные группы: одни из них присоединяются к предшествующему существительному непосредственно, другие связаны с ним с помощью уже упоминавшейся частицы *di/da/na*. Первые весьма немногочисленны; к ним относятся *esaŋ, as, bes, ka*.

В сочетании с глаголом имя с послелогом *esaŋ* получает значение цели действия [13]. Это значение принято относить к ролевым [16, с. 387; 90, с. 155], но с одинаковым успехом его можно считать и характеристикой процесса; как было сказано, это различие для нас не принципиально. Примерами могут служить: *ad qyjesaŋ daɣalaq* 'я за берестой сходил', *igdedaq nan-esaŋ* 'за хлебом сходи', *Kola Nunika dkastitnem qim-esaŋ* 'Коля Анну в жены взял'.

Функции послелога *-as* заметно различаются в зависимости от одушевленности либо неодушевленности соотносящегося с ним существительного. Основное значение одушевленных имен в сочетании с ним – комитативность, совместность участия в ситуации; его естественно рассматривать как ролевое: *ad boɣatn biseb-as sanoket* 'я пойду с братом белковать', *osteyen dydeŋ-as kujbaŋ dolin* 'кеты с селькупами вместе жили', *ket tib-as tolaɣanin qoj* 'человек с собакой гоняли медведя'. Значение совместности не чуждо и неодушевленным существительным, но у них его не всегда можно считать ролевым; ср.: *bu duve kit nan as* 'он ест мясо с хлебом', но: *assanoket bogdom-as dun* 'охотник с ружьем стоит'. Чаше неодушевленное имя с этим послелогом обозначает инструмент (орудие, средство), при помощи которого производится действие: *asliŋ-as dimbes* 'на лыжах пришел', *sul-as dilaq* 'на нарте уехал', *al hin-as ustindaq* 'уху поварешкой черпай'. Обычно инструментальность причисляется к ролевым значениям [16, с. 387; 103, с. 405]. Но во многих случаях вторичные значения отходят довольно далеко от исходного ролевого и должны трактоваться уже явно как фоновые обстоятельственные характеристики процесса, например: *bu dubdet qa-ɣ-as* 'он читает вслух (словами)', *ad boɣonen bindeb aniŋ-as armijadiŋa* 'я пошел добровольно (своим умом) в армию', *qobed-as oɣatn* 'он задом (вперед) идет' и т.п. [39, с. 84].

У существительных с двумя другими послелогоми первичны пространственные значения, не являющиеся ролевыми и свойственные главным образом неодушевленным денотатам. Так, узкое значение движения через (сквозь) что-то, по чему-то, вдоль чего-то имеют сочетания глагола и имени с послелогом *-bes*: *oɣon kod-bes (qat-bes, hissej-bes)* 'он пошел по дороге (по берегу, по лесу)', *sen dtelaŋetin ses-bes* 'олений погоним через реку', *bu bən kaɣa-bes dtayaɣula* 'он в голову утки выстрелил', *ella-bes dbuɣulu* 'он в дверь заглянул' и т.п. Разнообразные вторичные значения таких сочетаний также сводятся к характеристикам процесса: *bu d i-bes desoɣolej* 'он его по имени назвал', *askalget qysna-bes* 'говори по-русски', *tə ad tolgit kit-bes dkajnem* 'соль я по дешевой цене взял' и др.

Исключительно в функции характеристик процесса – пространственных, временных и прочих – выступают существительные с послелогом *-ka* и его фонетическими вариантами *-ga, -ra, -ge, -re*, как правило, неодушевленные: *bat ytaq-ka oʻratn* 'старик по деревне идет', *obilda kolet-ka* 'он в городе был', *ella- ra desomdaq* 'у двери бросил', *lam-ga dabarjudin* 'на бок упал', *sel es-ka ad dimbes* 'в плохую погоду я приехал', *koniem-ga etn uska dimbesin* 'мы в темноте вернулись', *toq-tatka sura oʻron* 'бегом домой бежал' и т.п.

Остальные послелогии соединяются с именем посредством частицы, выступающей в формах *da, na, di* (последняя часто с редукцией гласного, т.е. *d, t*). Их использование зависит от числа, одушевленности и рода существительного, а именно: в единственном числе форма *da* соотносится со словами мужского рода, *d (i)* – со всеми остальными, во множественном числе форма *na* соотносится с одушевленными существительными, *d(i)* – с неодушевленными: *sel-da-oʻrot* 'на оленя' / *sel-d-oʻrot* 'на оленяху', *sul-d-oʻrot* 'на нарты'; *sen-na-oʻrot* 'на оленей' / *suleŋ-d-oʻrot* 'на нарты' (сели). Некоторые из этих послелогов сохраняют живую этимологическую связь со знаменательными словами, а существительные в сочетании с ними служат как характеристиками действия или состояния, так и обозначениями второстепенных ролей дополнительных участников ситуации. В частности, таковы послелогии, происходящие соответственно от слов *oʻrot* 'спина, поверхность', *tane* 'цель, направление', *ugde* 'длинный, длина' [39, с. 565-566]; например: *ad i-d-oʻrot dbilevet* 'я это за одну ночь сделал', *bu hun-d-oʻrot daskansiʻa* 'он о дочери рассказывает', *ad boʻrat ufeŋ-nan-tan* 'к соседям пойду', *bu dkoneŋen si-d-ugde* 'он сидел всю ночь'.

Другие послелогии не этимологизируются с уверенностью, а наиболее употребительные и многозначные из них образуют неразложимые сращения со связующей частицей, выступая в единых блоках *dina/dana/nana, diŋten/danŋten / nanŋten* (с вариантами *dinŋe / danŋe / nanŋe, diŋt / danŋt / nanŋt*), *dinaŋ/danaŋ/nanaŋ* (с вариантами *dil/dal/nal*). В широком спектре значений, выражаемых существительными с этими послелогиями, обнаруживаются, в частности, ролевые значения адресата, бенефактива и аблатива (источника), свойственные одушевленным именам:

а) *bu di hun-dina daqaiŋna* 'она дочери ответила', *tu bogdom bu biset-dana dkotbet* 'это ружье он брату отдал', *tuda is duqsaq utestaŋ-nana* 'эту рыбу соседям отнесу';

б) *dyl-diŋten dasliŋilbet* 'он для девочки лыжи сделал', *bu d bat-danŋten is dadaqimna* 'она старику рыбу изжарила', *bu da obaŋ-nanŋten daŋasinebet* 'он для родителей дрова рубит'.

в) *ob-danaŋ dkajnem holaq, am-dinaŋ dkajnem toŋs* 'от отца я взял порох, от матери деньги', *deŋ-nanaŋ bu iŋabilda* 'от людей она слыхала' и т.д.

В остальном сочетании с указанными послелогиями выражают

самые различные характеристики процесса – пространственные, временные, целевые, причинные и другие:

bok-diŋa aq dobilda 'он дрова в огонь подложил', bu dsaŋol-tet qitn-naŋa 'он на крапиву наступил', bulaŋ-diŋa doqtoloq 'он на ноги вскочил', qa bej-diŋa aq qhasaŋtiŋin 'при сильном ветре деревья ломаются', yt-diŋa bylda qo bilus 'к весне весь лед растаял';

bu duŋodaq baŋus-diŋten 'он живет в землянке', saq dase-sta oks-daŋt 'белка на дереве сидит', bat-daŋt aŋinsal 'у старика переночевали', hyl i-diŋten tabaŋ-diŋa oŋonden 'в ясный день в лес пошли', tud qib-daŋten bən donne-di 'в этом месяце он не приходит', don-diŋt ad donulilbet 'для ножа я черенок сделал';

ad qus-diŋal ole boŋot 'я из чума выхожу', ulob-diŋal ul datibindaq 'она из колодца воду черпала', bogdom ab dab-diŋal tobladaq 'ружье у меня с плеча упало', isqo deŋ al dənqimnan keskit-diŋal 'рыбаки уху из налимов сварили', qon na iŋoltŋ-diŋal buŋ tamaks dubbetin 'из шкуры медведей они что-то делают', ul taŋem ovŋon qol-diŋal 'вода белая стала от пены', ules-daŋal sabat ulemna 'от дождя одежда промокла', bu dutoŋot qodes-diŋal 'он спит со вчерашнего дня' и т.п.

Некоторые глаголы постоянно связаны с определенными послелогами, например: bu da am-diŋa dtibij 'он у матери спрашивает', buŋ hamgam-diŋa deaklaŋin 'они тунгуску послушались', ad dtetnam Qajgus-daŋa 'я вышла замуж за Кайгуса', am hyb-daŋt daniŋilevet 'мать о сыне думала', ad haj-daŋt dsaŋolbetn 'я кедр искал', ad qostet qoŋ-daŋal 'я боюсь медведя', ad satijboŋat binda beb-daŋal 'я стесняюсь моего тестя' и др.

Многие послелогов легко сочетаются друг с другом, детализируя как конкретные, так и отвлеченные характеристики процесса. В данной работе нет необходимости в сколько-нибудь полном списке таких сочетаний, который к тому же, очевидно, является открытым; ограничимся поэтому лишь некоторыми примерами: qus-d-il-ga 'около чума', qus-d-hy-diŋa 'в чум', qus-d-ynbal-diŋal 'из чума', aq-na-ynbal-ga 'среди деревьев', hissej-di-qoŋti-ga 'среди леса, в лесу', ules-da-kup-ka 'перед дождем', ul-di-tos-di-ga 'над водой', buŋ-naŋa-da-oŋa 'по направлению к ним', ytaq qate-di-kup-ka 'в верхнем конце стойбища', taŋig-d-ət-bes 'сверху по насту', qim-di-oŋot-ka 'из-за женщины (поссорились)', ob-da-sej-bes 'вместо отца (пришел)', yd-as-daŋal 'от весеннего тепла (снег растаял)', tude-d-kup-diŋt 'для этого (он у нас поселился)'.

Необходимо подчеркнуть, что употребление послелогов не отличается строгой обязательностью и имя практически в любой функции может быть связано с глаголом простым примыканием. Факультативность послелогов подтверждается многочисленными примерами

параллельного употребления форм *ad sabat sul* (наряду с *sul-diŋa*) *desomdaq* 'я одежду на нарту положил', *ad tabaŋ* (наряду с *tabaŋ-diŋten*) *ditabaŋ* 'я ее в лесу оставил', *bu qobde* (наряду с *qobd-as*) *qə disqomna* 'он ладонью на ту сторону показал', *biseb qan iŋoltqat* (наряду с *qates*) *dət-buqimna* 'брат лисьей шубой укрыт', *bu biseb* (наряду с *biseb-daŋa* или *biseb-diŋa*) *daobijaq bon* 'она брату (или сестре) рукавицы отдала' и т.д.

Являясь подчиненным элементом глагольного высказывания, существительное в любой функции может быть главным членом именной словосочетания – атрибутивной синтагмы в терминах традиционной грамматики. Зависимым, определяющим членом может быть, в частности, другой глагол в любой форме [39, с. 93]; при этом он обязательно располагается перед существительным; *tud oŋon kəjket uska dimbes* 'ушедший охотник назад вернулся' (*tud kəjket oŋon* 'охотник ушел'), *ad ab dutoŋot biseb dsitiqajit* 'я моего спящего брата бужу' (*ab biseb dutoŋot* 'мой брат спит'), *buŋ uŋalŋan is duban* 'они сваренную рыбу едят' (*is uŋalŋan* 'рыба сварилась'). В свою очередь, этот глагол может иметь при себе зависимые члены: *ad dkasanem aŋen bən itelem qopt* 'я поймал необученного (буквально: не знающего веревок) быка'.

Однако чаще в качестве определения выступает другое существительное. Простейший случай такого словосочетания – примыкание, соположение двух имен, из которых подчиненное всегда располагается перед главным, как и во многих других языках. Область выражаемых таким образом значений включает в себя некоторую общую семантическую связь, смысловую соотнесенность двух объектов друг с другом, детерминацию в самом широком смысле слова: *sal* 'ночевка' + *baŋ* 'земля, место' = *sal-baŋ* 'место ночевки'; *baŋ* 'земля' + *qus* 'чум, жилище' = *baŋ-(q)us* 'землянка'; *tys* 'камень' + *qus* 'жилище' = *tys-qus* 'каменный дом'; *bok* 'огонь' + *tys* 'камень' = *bok-tys* 'кремень'; *bok* 'огонь' + *ul* 'вода' = *bok-ul*, *boŋul* 'водка'; *tə* 'соль' + *ul* 'вода' = *tə-ŋ-ul* 'рассол'; *bes* 'заяц' + *am* 'шуба' = *bes-am* 'заячья шуба'; *qogde* 'осень' + *bej* 'ветер' = *qogde-bej* 'осенний ветер'; *qyt* 'жир, сало' + *lamte* 'кусочек' = *qyt-lamte* 'кусочек сала'.

Другое средство соединения членов именной словосочетания – частица *di/da/na*. С ее помощью обычно передаются более узкие значения, например отношение обладателя и предмета владения (охотник – нож) или отношение целого и части (лось – рога); отчуждаемая и неотчуждаемая принадлежность в кетском формально не различаются. Зависимое существительное также располагается перед главным. Связующая частица отражает число, предметность либо одушевленность и род подчиненного препозитивного имени: *biseb* 'брат, сестра', *hun* 'дочь': *biseb-da-hun* либо *biseb-di-hun* 'племянница' (соответственно 'дочь брата' либо 'дочь сестры'); аналогично этому *ket-da-hu* 'сердце человека', *həŋnen-d-hu* 'пульс' (буквально 'сердце руки'), *tib-da-ogden*

'уши собаки', tab-na-is > tam-na-is 'собачья еда', is-na-kajren 'рыбьи головы', us-da-ıjolte 'кора березы', qam-d-kup 'острие стрелы', qam-d-as 'оперение стрелы', qus-d-ella 'дверь чума', talon-d-kit 'цена муки', dub-d-aŋ 'леска' (dub 'крючок', aŋ 'веревка, шнур'), qib-da-nas 'луна' (полная; буквально 'бубен луны'), tagen-na-tulit 'голубика' ('ягода журавлей') и т.д.

Во многих случаях (но не всегда) одинаково возможны оба типа словосочетаний: saq 'белка' + qot 'след' = saq-(di)-qot; ses 'река' + qat 'берер' = ses-(d)-qat, osteŋen 'остяки, кеты' + qan 'слова, язык' = osteŋen-(na)-qan; с некоторой разницей по степени обобщения: ta-hut и ta-d-hut 'хвост окуня', qu-de-kit и qu-de-da-kit 'мясо щуки' и т.п. В отличие от простого примыкания в примерах вроде oks-diltij 'деревянная лодка' и diltij-oks 'дерево для лодки', неодинаково оформление сочетаний слов des 'глаз' и ul 'вода': des-d-ul 'слезы', но ul-des 'капля' ('глазок воды'); омонимичное ul 'рукоятка, черенок' обычно также сопровождается приименной частицей (tak-d-ul 'топорище'), в то время как в других сходных сочетаниях частица отсутствует (tak-sud 'обух топора').

Кроме того, два существительных могут быть связаны также некоторыми послелогоми, хотя это встречается реже: ıjolte-di-ŋal-dy 'шапка из шкуры', lamaŋ-diŋal-qus 'чум из досок', is-diŋten-tan (наряду с is-tan) 'мясной котел', aslen-diŋten-oks 'палка для лыж, лыжная палка', san-naŋ-te-destiŋen 'беличьи глаза', sel-d-koŋ-diŋal-tuŋen 'гребень из оленьего рога'. Как показывает последний пример, именное словосочетание может включать в себя более двух членов; ср. также: tam-na ıjolte-bon 'рукавицы из собачьей шкуры', da-qim-di-sul 'спинка нарты его жены' [39, с. 75] и др.

По традиции, восходящей к А. Кастрену, некоторые из рассмотренных послелогов принято считать падежными показателями. При этом само наличие категории падежа в кетском никогда никак не аргументировалось; состав "падежей" просто задавался произвольным списком, приблизительно соответствующим набору падежных форм и значений в других языках. Обычно этот список включает в себя [39, с. 71]:

Падеж	Показатель
Притяжательный	di/da
Дательный	diʃa/daʃa
Местно-личный	diʃt(en)/daʃt(en)
Исходный	diʃal/daʃal
Назначительный	dit/dat
Звательный	ə/o
Местно-временной	qa, qe
Орудно-совместный	as', es'

Лишительный
Продольный

an, en
bas', bes'

Наличие этой категории в описаниях кетского языка объясняется, по-видимому, только влиянием родных языков исследователей, которыми были финский, немецкий и русский – языки, безусловно, падежные.

Между тем для признания категории падежа у кетского имени нет достаточных оснований, как следует из вышеизложенного. Прежде всего, перечисленные “падежные” форманты и их значения, как и прочие, из числа которых они произвольно выделены, не обнаруживают парадигматических отношений взаимоисключающей дизъюнкции (оппозитивности, альтернативности, несовместимости) и потому способны сочетаться друг с другом и употребляться одновременно при одном и том же существительном, что совершенно не свойственно элементам жестко организованной грамматической системы, каковой, несомненно, является категория падежа [11, с. 179–180; 26, с. 276; 44; 76, с. 7].

Другое следствие свободы употребления “падежных” формантов – их фактическая факультативность. При факультативности каких-либо показателей становится бессодержательным понятие нулевого морфа и противопоставляться друг другу могут только маркированные формы [70, с. 68]. Это обстоятельство не позволяет приписать никакой парадигматической значимости немаркированной форме кетского существительного и заставляет вообще исключить ее из предполагаемой “падежной” парадигмы [15, с. 29]. Но, согласно традиционной точке зрения, особый статус имеет именно эта форма, а отсутствие всякого показателя – главный признак “основного” (именительно-винительного) падежа [39, с. 69]. Исключение же этого падежа ставит под сомнение категорию как таковую [50, с. 46]. Принимая во внимание другие моменты – относительную позиционную подвижность, просодическую самостоятельность и т.д. [39, с. 71–72], отождествление названных послелогов с падежными показателями следует признать неоправданным. Надо полагать, что принцип прямой маркировки семантических ролей вообще несовместим с категорией падежа.

В свою очередь, грамматическая категория роли кетскому существительному также не свойственна: роли двух главных участников обозначаются показателями в глаголе, прочие ролевые значения не морфологизованы. Таким образом, в именную парадигму входят только три категории: предметности / одушевленности, рода (с общим маркером – формами приименной частицы *di/da/na*) и числа (с суффиксальным показателем множественности).

Парадигматика имени

Структура и взаимоотношения названных категорий в именной парадигме совсем не обязательно должны быть полностью идентичны соответствующим глагольным; для нормального функционирования языковой системы достаточно, чтобы те и другие были взаимно соотносимы.

Самый высокий ранг в парадигме существительного имеет категория числа, хотя бы потому, что числовой показатель – связанная морфема в отличие от свободной частицы *di/da/na*, т.е. характеризуется более тесными отношениями с именной основой. Кроме того, интерпретация структуры двух других категорий имени с позиции слушающего невозможна без учета значения числа.

Формально двучленная категория числа весьма обычна и часто трактуется как контрарное противопоставление "единственное / множественное число", т.е. описывается с помощью эквиополентной оппозиции, оба члена которой равнообъемны и положительны: немножественность понимается как единичность и наоборот. Такое представление соответствует действительности, по-видимому, лишь в тех немногих языках, в которых все существительные обозначают только отдельные целостные предметы, реально поддающиеся счету (см.: [99, с. 261–263]). Однако план содержания этой категории в кетском, так же как, например, и в русском, организован сложнее и включает в себя другие элементы.

Помимо единичности и дистрибутивной (разделительной) множественности, связанных с представлениями о целостности, внешней отграниченности и внутренней неделимости некоторого предмета (например, ед. ч. "чашка" – мн. ч. "чашки"), существительное может обозначать собирательность, которая объединяет оба значения: внутреннюю расчлененность, т.е. множественность денотата, и его внешнюю целостность, т.е. его единство: "зверье", "воронье", "тряпье" и т.п. Напротив, ряд существительных не обозначает ни единичности, ни множественности; это названия недискретных, аморфных денотатов, не имеющих внутренних и внешних границ, формы и размеров и потому не подлежащих исчислению: "молоко", "соль", "железо", "усталость", "злость", "доброта" и др.

Таким образом, адекватное описание семантики счетности и количества требует преобразования указанной эквиополентной оппозиции и две привативные (единичность / неединичность и множественность / немножественность), положительные и отрицательные члены которых и дают четыре соответствующих сочетания [76, с. 37]:

Ед. ч.	Мн. ч.	
+	-	единичность
-	+	дистрибутивная множественность
+	+	собирательность
-	-	недискретность (несчитаемость).

Разумеется, необходимо отдавать себе отчет в условности границ между выделенными значениями. Объективные свойства окружающей действительности и особенности человеческого восприятия исключают квантование этой действительности одним единственным способом. Именно поэтому "решение вопроса о том, что считать одним объектом, а что более чем одним объектом, группой объектов или нерасчлененной массой вещества, в значительной степени определяется лексическими особенностями конкретных языков" [63, с. 298]. Так, в кетском парные предметы или органы и части тела (глаза, уши, ноги, руки и т.п.) трактуются как целостные единства и, например, "один глаз" понимается как "половина глаза" (*qoleb des'*) [39, с. 125]. Не существует логических критериев для отнесения, скажем, слов *jel* 'ягода' или *bolban* 'грибы' к вещественным, а не собирательным и наоборот и т.д.

Внося подобную неопределенность в одних случаях, лексическое значение вместе с тем ограничивает способность отдельного слова получать переменные числовые характеристики. По-видимому, в кетском нет существительных, которые могли бы иметь все четыре значения числа; последние в своей совокупности присущи только части речи в целом (см.: [76, с. 37-38]). При этом не все они находят грамматическое выражение: особые показатели имеются лишь для множественного числа, причем одни и те же для множественности дистрибутивной и собирательной, которые часто вообще трудно отличимы друг от друга (*asbuleŋ* 'облака', *aseŋ* 'перья' и т.д.). Специальных морфологических показателей собирательности в кетском нет, как отсутствуют в нем и специальные морфологические средства выражения единичности; суффиксы сингулятивов вроде *-des* и *-lamt* (например, *oŋdes* 'икринка', *okslamt* 'кусочек дерева' и т.п.), несомненно, словообразовательные [25, с. 14]. Грамматически никак не выраженным остается и значение несчитаемости.

Форма множественного числа принципиально несовместима со значением единичности. Она не может использоваться также для выражения недискретности, поскольку предпосылкой всякой считаемости является расчлененность денотата. Некоторые недискретные существительные соотносятся с денотатами, потенциально допускающими реальное или мысленное расчленение и потому способными выступать как считаемые, но обычно это связано с заметным изменением семантики таких слов: например, *du* 'дым' - мн. ч. *duneŋ* 'столбы дыма'. Напротив, для формы без числового показателя действует только одно ограничение: она несовместима со значением дистрибутивной множественности у считаемых существительных. Иначе говоря, для кетских считаемых существительных выражение множественного числа обязательно во всех случаях, в частности и при употреблении с количественным числительным [39, с. 124]: *yn ajaŋ* 'два мешка', *doŋ hunarŋ* 'три дочери', *sik bularŋ* 'четыре ноги', в отличие от нормы во многих уральских и алтайских языках. В силу своей двойственной природы значение собирательной множественности может быть выражено любой из двух форм, но, как правило, не у

одних и тех же слов: a:seŋ 'перья' (мн. число), ales 'куча' (не-мн. число).

Соотношение числовых форм и значений сводится к следующему:

Значения	Формы	
	мн. ч.	не-мн. ч.
Единичность		х
Множественность	х	
Собирательность	х	х
Несчитаемость		х

Из сказанного следует, что структура категории числа кетского существительного строится на бинарной оппозиции с неравнообъемными членами, образуемой формой с показателем множественности (дистрибутивной или собирательной) и формой без такого показателя, более широкое содержание которой может быть определено лишь отрицательно – как немножественность. С асимметричностью этой оппозиции связано и наличие разнообразных групп имен, в ней вообще не участвующих, т.е. формально несчитаемых. Все это дает основание утверждать, что категория числа, подобно другим грамматическим категориям, не является зеркальным отражением отношений между объектами реальной действительности.

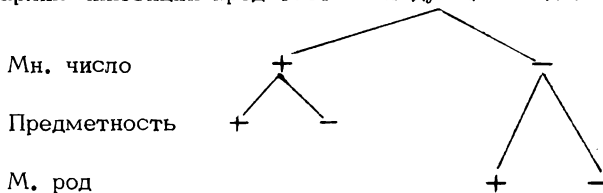
Что касается двух других категорий, то значения одушевленности / неодушевленности и рода любого существительного для говорящего заданы изначально; с позиции слушающего их показатели – формы частицы *di/da/na* – могут получить адекватную интерпретацию только при учете категории числа.

В комбинации с выраженной множественностью формы *di* и *na* реализуют соответственно противопоставление предметности (*tənaŋ-di*) и не предметности, т.е. одушевленности (*obaŋ-na*, *amaŋ-na*); в немножественном числе форма *da* обозначает мужской род (*ob-da*), в то время как общее содержание формы *di* должно определяться лишь отрицательно – как не-мужской род (*tən-di*, *am-di*) [22, с. 7].

Т а б л и ц а 10

Мн. число	Предметность	М. род		
-	0	+	hyb	'сын'
-	0	-	hin	'поварешка'
+	+	0	hinaŋ	hun 'дочь'
+	-	0	hybaŋ	hunaŋ

Иерархия оппозиций предстает в следующем виде:

Таким образом, именные категории отличаются от соответствующих глагольных иным иерархическим рангом; категория рода, кроме того, прямо противоположной направленностью маркировки.

Сочетания категориальных значений позволяют разбить существительные на четыре класса (табл. 10).

Сказанным исчерпывается парадигматика имени существительного, функции которого в расширенном глагольном высказывании сводятся к названию агенса и пациенса, других партиципантов, их ролей и характеристик, а также характеристик процесса. Большинство этих значений не морфологизовано.

МЕСТОИМЕНИЕ

Отдельную часть речи образуют небольшие замкнутые группы местоимений, свободно замещающих существительные в их типичных употреблениях, а также соотносящихся с участниками коммуникативного акта – говорящим и слушающим. Подобно существительным, они могут сопровождаться послелогоми, и потому их морфология связана с именной, но имеет некоторые особенности.

Наибольшее разнообразие форм обнаруживают личные местоимения. Как и во многих других языках, они могут относиться только к одушевленному существу. В основе их парадигматики лежат категории лица и числа:

Ед. число		Мн. число
1-е лицо	ad	ətn
2-е "	uk	əkŋ
3-е "	bu	buŋ

Эти формы употребляются прежде всего при глаголе, дублируя ролевые показатели агенса и пациенса и способствуя устранению их частичной омонимии, например: ad bu dajs 'я его одеваю', bu ad dudis 'он меня одевает', ad diskayut 'я дремлю', bu diskayut 'он дремлет', ətn dolayan 'мы вышли', buŋ dolayan 'они вышли'. Кроме того, они употребляются также с послелогоми -as и -bes: adas 'со мной', ukas 'с тобой', bu-γ-as 'с ним (ней)', adbes 'через меня, по мне', ukbes 'через тебя' и т.д.

В остальных случаях (т.е. с другими послелогами и при существительных) в единственном числе форма 2-го лица остается без изменений, для 1-го лица используется супплетивная форма *ab*, к местоимению 3-го лица добавляются частицы *da*, *di*, различающие соответственно мужской и женский род; во множественном числе для всех трех лиц общей является частица *na*. Редукция гласных и усечение целых морфем порождают полные и краткие варианты таких "связанных" местоименных форм:

Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>ab, b</i>	<i>ətna, na</i>
2-е "	<i>uk, k</i>	<i>əkŋna, na</i>
3-е "	{ м. род <i>buda, da</i> ж. род <i>budi; d(i)</i>	<i>buŋna, na</i>

С ними сочетается большинство послелогов, семантически совместимых со значением одушевленности. Ассимилятивные явления на морфемных швах и стяжения дают нечленимые образования следующего типа:

<i>ab+əŋa</i>	=	<i>abəŋa</i>	мне, ко мне
<i>uk+əŋa</i>	=	<i>ukəŋa</i>	тебе, к тебе
<i>bu+da+əŋa</i>	=	<i>budaŋa, daŋa</i>	ему, к нему
<i>bu+di+əŋa</i>	=	<i>budiŋa, diŋa</i>	ей, к ней
<i>ətn+na+əŋa</i>	=	<i>ətnaŋa</i>	нам, к нам
<i>əkŋ+na+əŋa</i>	=	<i>əknaŋa</i>	вам, к вам
<i>buŋ+na+əŋa</i>	=	<i>buŋnaŋa</i>	им, к ним

Аналогично этому:

<i>abəŋal, abəl</i>	от меня
<i>ukəŋal, ukəl</i>	от тебя
<i>budaŋal, budal, daŋal</i>	от него
<i>budiŋal, budil, diŋal</i>	от нее
<i>ətnaŋal</i>	от нас
<i>əknaŋal</i>	от вас
<i>buŋnaŋal, buŋnal, naŋal</i>	от них
<i>abəŋte(n)</i>	у меня, для меня
<i>ukəŋte(n)</i>	у тебя, для тебя
<i>budaŋte(n), daŋte(n)</i>	у него, для него
<i>budiŋte(n), diŋte(n)</i>	у нее, для нее
<i>ətnaŋte(n)</i>	у нас, для нас
<i>əknaŋte(n)</i>	у вас, для вас
<i>buŋnaŋte(n); naŋte(n)</i>	у них, для них

Примеры с другими послелогами:

ətna-balga	между нами	ətna-kupka	перед нами
əkna-balga	между вами	əkna-kupka	перед вами
buŋna-balga	между ними	buŋna-kupka	перед ними
ab-kone	до меня	buda-kone	до него
uk-kone	до тебя	bud-kone	до нее и т.д.

При существительном эти же формы местоимений обозначают его отнесенность к данному лицу, т.е. выражают личную принадлежность; никаких иных специальных притяжательных местоимений в кетском нет [58, с. 130]:

(a)b ob	мой отец
(u)k am	твоя мать
(bu)da don	его нож
(bu)d sujat	ее платье
ətna baŋ	наша земля
əkna is	ваша рыба
(buŋ)na sul	их нарта

К собственно личным примыкают сходные с ними по значению лично-определятельные местоимения. Они имеют те же категории, но иную морфемную структуру, в которую входят показатели, уже описанные в глагольной морфемике (см. табл. 7). Для указания на агенс и пациенс используются следующие формы:

bin-di	я сам, меня самого	bin-daŋ	мы сами, нас самих
bin-ku	ты сам, тебя самого	bin-kaŋ	вы сами, вас самих
bin-du	он сам, его самого		
		bin-aŋ	они сами, их самих
bin-da	она сама, ее саму		

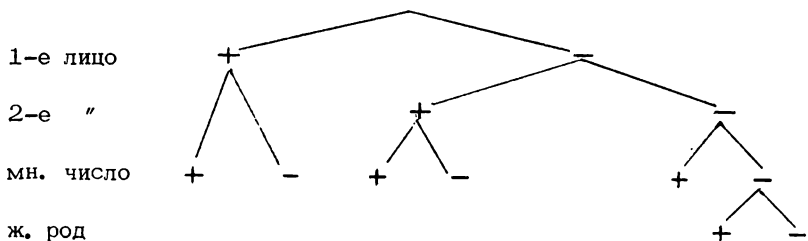
Они свободно сочетаются с собственно личными местоимениями: ad bindi sul dbilebet 'я сам нарту сделал', buŋ bu bindu datbilin 'они его самого спросили'.

При употреблении в сочетаниях с существительными и послелогоми эти формы наращиваются следующим образом:

bindi-ab > bindeb	bindaŋ-na
binku-uk > binguk	binkaŋ-na
bindu-da > bindeda	
	bindaŋ-na
binda-di > bindedi	

Примерами могут служить: bu bindeda don dkajnem 'он свой собственный нож взял', ad bindeb obdaŋa diimbес 'я к своему отцу пришел', ab kansa bindebaŋa nara 'моя трубка мне самому нужна' и т.д.

Легко видеть, что парадигма личных местоимений представляет собой фрагмент глагольной парадигмы:

При глаголе самостоятельно употребляются помимо личных указательные и некоторые вопросительные местоимения. Указательные местоимения различаются по трем степеням удаленности объекта от говорящего и имеют полные и краткие формы, однако из морфологических категорий, судя по фактическому материалу, для них стабильна только категория числа. Примеры на разграничение одушевленности / неодушевленности и рода весьма противоречивы и потому нами в расчет не принимаются.

Ед. число		Мн. число
ki, kid(e)	'этот'	kine
tu, tud(e)	'тот'	tune
qa, qad(e)	'тот (дальний)'	qane

Примеры: kide diimbes, tude oʻon 'этот пришел, тот ушел', qane koletka dupin 'те в городе живут', bu kide dkaj-nem 'он это взял', ad tune daʻiskit 'я тех ищу' и т.д.

Различия по одушевленности и роду реализуются только в формах частицы di/da/na, сопровождающей указательные местоимения так же, как и имена существительные: kide-diqal / kide-da-qal ad barabilda 'от этой / от этого я слышал', bu tude-diqā / tude-daqa bān dbuŋloʻo 'он на ту / на того не взглянул' и др.

Для вопросительных местоимений актуально прежде всего противопоставление по предметности / одушевленности: akus 'что?' / ana или bise 'кто?'. Например: akus hyta tobladaq? 'что там упало?', ana diimbes? 'кто пришел?', uk akus kubbet? 'что ты делаешь?', akus kutuŋ? 'что видишь?', bise katuŋ? 'кого видишь?'. Отмечена способность одушевленного местоимения различать род: an-di dyl / an-da-dyl? 'чей (какой женщины / какого мужчины) ребенок?' [39, с. 119], но степень регулярности таких случаев неизвестна. Обычно послелоги с частицей di/da также разграничивают только одушевленность и неодушевленность: akus-dinte ukuŋte sahar tabut? 'в чем у тебя сахар лежит?', но ana-dante kupinsal? 'ты у кого ночевал?'

На основе вопросительных образуются неопределенные местоимения tam-akus 'что-то' и tam-ana, tam-bise 'кто-то': bu tam-akus (tamaks) dubingak 'он что-то нашел'; tam-ana bada 'кто-то сказал' и т.п.

Местоимения являются шифтерными, дейктическими элементами высказывания, значение которых не может быть определено без ссылки на сообщение [111, с. 97]; они соотносятся с участниками ситуации либо с участниками речевого акта, но не называют их.

'СЛОВА-ОПРЕДЕЛИТЕЛИ'

Прочие знаменательные и служебные слова, по традиции подразделяемые на прилагательные, числительные, наречия и частицы, в кетском почти полностью лишены собственной морфологии и формально плохо отличимы друг от друга, а часто также и от существительных. По своим семантическим функциям в высказывании все они являются "словами-определителями", которые можно объединить в две группы: приглагольные характеристики процесса и приименные характеристики участников ситуации. Между теми и другими нет четкой грани, и многие слова могут выступать в обеих функциях.

Типично приименными определителями являются числительные, образующие особую закрытую подгруппу в силу своей семантики. Из количественных только числительное "один" имеет разные формы для одушевленных и неодушевленных существительных: qoq hyb 'один сын', qoq hun 'одна дочь', но qus id 'один зуб', qus don 'один нож'. Остальные числительные не изменяются, примыкая к существительным, всегда стоящим в форме множественного числа. Числительные первого десятка – одно из свидетельств изолированного положения кетского среди других языков: ун 'два', doŋ 'три', sik 'четыре', qaŋ 'пять', а 'шесть', on 'семь', ynam-bansa-qo 'восемь' (буквально 'без двух десят'), qusam-bansa-qo 'девять' (без одного десят'), qo 'десять'. Числительные с 11 по 17 образуются с помощью слова арам 'еще': qusam-aram-qo, qusemam-qo 'одиннадцать', ynam-aram-qo, ynemam-qo 'двенадцать', doŋam-aram-qo, doŋemam-qo 'тринадцать', siŋam-aram-qo, siŋemam-qo 'четырнадцать', qaram-aram-qo, qar'emam-qo 'пятнадцать', aram-aram-qo, aŋ'emam-qo 'шестнадцать', onam-aram-qo, onemam-qo 'семнадцать'.

Два последующих числительных образуются путем вычитания из двадцати (ek): ynam-bansa-ek, ynam-bansek 'восемнадцать' ('без двух двадцать'), qusam-bansa-ek, qusam-bansek 'девятнадцать' ('без одного двадцать'). Аналогично этому qusemam-ek 'двадцать один', ynemam-ek 'двадцать два', doŋemam-ei 'двадцать три' и т.д., но: ynam-bansa-doŋo 'двадцать восемь' ('без двух тридцать'), qusam-bansa-doŋo 'двадцать девять' ('без одного тридцать') при doŋ-qo, doŋo 'тридцать'. Числительное "сорок" заимствовано из русского в форме sol; "пятьдесят" буквально значит 'половина сотни' (qolab-ki); "шестьдесят" и "семьдесят" образуются по стандартной модели, соответственно a-qo и on-qo; "восемьдесят" и "девяносто" – путем вычитания из ста (ki), соответственно ek-bansa-ki ('без двадцати сто') и qo-bansa-ki ('без десяти сто'). Названия

сотен регулярны: *up—ki* 'двести', *doŋ—ki* 'триста' и т.д. Нужно отметить, что сложные числительные со словом *bansa* малоупотребительны и обычно заменяются русскими заимствованиями [39, с. 133].

Из обозначений неопределенного количества наиболее частотны *on(e)* 'много', *qomat* 'мало', *tamanon* 'несколько', *dyld* 'все', также употребляющиеся в препозиции к существительному: *one tab* 'много собак', *qomat is* 'мало рыбы', *tamanon siŋ* 'несколько лет', *byld* *deŋ* 'все люди'.

Понятия "первый" и "второй" выражаются словами *qotilte* (собственно 'передний') и *kunte* ('еще один'), которые не являются числительными в строгом смысле. Порядковые числительные "третий" и все последующие образуются от соответствующих количественных по общему правилу с помощью суффиксов *-am+as*: *doŋamas*, *siŋamas*, *qaŋamas*, *aŋamas*, *onamas*, *ynam—bansa—qomas*, *qusam—bansa—qomas*, *qoŋamas* > *qomas* и т.д. В применном употреблении порядковые числительные не изменяются и всегда сочетаются с существительными в форме единственного числа: *siŋamas si* 'четвертый год', *aŋamas i* 'шестой день', *onamas ŋel* 'седьмой олень', *doŋamas biseb* 'третий брат' или 'третья сестра'.

За исключением двух рассмотренных специфических групп - местоимений и числительных, неизменяемые, одноморфемные знаменательные слова в кетском одинаково легко обозначают как предметы, так и свойства; ср.: *u* 'сила' и 'сильный', 'сильно', *sil* 'лето' и 'летний', *du* 'дым' и 'дымный', *is* 'рыба' и 'рыбный' и т.д. Исходя из значения таких слов, можно считать, что некоторые из них используются преимущественно как характеристики, в частности как характеристики объектов, например: *aqta* 'хороший', *sel* 'плохой', *kat* 'старый', *ki* 'новый', *qa* 'большой', *hane* 'маленький', *tum* 'черный', *taŋem* 'белый' и др. Однако формально это никак не выражено; подлинные обозначения свойств и качеств являются дериватами. К средствам их образования относится ряд суффиксов, из которых мы рассмотрим лишь наиболее продуктивные - *tu* и *an*. Первый из них образует слова со значением качества или признака, второй - слова, обозначающие его отсутствие: *ta* 'соль' - *tatu* 'соленый', *taŋan* 'несоленый'; *kul* 'борода' - *kultu* 'бородатый', *kulan* 'безбородый'; *hut* 'хвост' - *huttu* 'хвостатый', *hutan* 'бесхвостый'; *anuŋ* 'ум' - *anuŋtu* 'умный', *anuŋan* 'глупый'; *qim* 'жена' - *qimtu* 'женатый', *qiman* 'неженатый'; *ules* 'дождь' - *ulestu* 'дождливый', *ulesan* 'не дождливый', а также *ul* 'вода' - *ultu* 'мокрый', *sin* 'грязь' - *sintu* 'грязный', *qyt* 'сало' - *qyttu* 'сальный', *suk* 'ржавчина' - *suktu* 'ржавый', *u* 'сила' - *uŋan* 'бессильный' и т.п.

Оба суффикса сочетаются не только с корневой морфемой, но и с морфемными группами, состоящими из корня и показателя множественного числа или из двух корней, и даже с более длинными цепочками морфем: *itiŋ* 'зубы' - *itiŋtu* 'зубастый' *itiŋ—an*

'беззубый'; *adiŋ* 'кости' - *adiŋtu* 'костистый', *adiŋan* 'без костей'; *ogden* 'уши' - *ogdentu* 'ушастый', *ogdenan* 'безухий', 'глухой'; *buleŋ* 'ноги' - *buleŋtu* 'с ногами', *buleŋan* 'без ног'; *ugde-qogdetu* 'длиношей' и пр.

Свобода морфемной сочетаемости допускает такие образования, как *tettu* 'с мужем', 'замужняя', *tetan* 'без мужа', 'незамужняя' от *tet* 'муж' (ед. число) и *tattu* 'с мужьями', 'замужние', *tatan* 'без мужей', 'незамужние' от *tat* (мн. число). Отвлекаясь от подобных уникальных случаев, можно констатировать, что производные прилагательные не имеют форм числа, как и форм одушевленности и рода; непроизводные прилагательные в приименном, атрибутивном употреблении способны различать числовые формы с помощью того же суффиксального показателя множественности, что и существительные, но согласование по числу отмечается как факультативное [39, с. 99].

Различия по степени сравнения также не морфологизованы и выражаются словами *has* 'еще' и *qa* 'сильно', 'очень' [Там же]. Особый способ выражения степени используется в неглагольных высказываниях.

Одни и те же слова могут быть как характеристиками участников описываемой ситуации, так и фоновыми, обстоятельственными характеристиками действия или состояния: *dəqte sel* 'быстрый олень', и *dəqte dbutlaq* 'быстро сбегал', *qarān dyl* 'бессловесный (немой) ребенок' и *qarān oron* 'без слов (молча) ушел', *qiman qa b'iseb* 'неженатый старший брат' и *qiman du-ŋedaq* 'без жены живет' и т.п. В кетском вообще нет средств формального ограничения характеристик процесса от всех остальных слов. Речь идет лишь о том, что некоторые слова, как одноморфемные, так и более сложные, в силу своей семантики выступают регулярно, преимущественно или исключительно как приглагольные определители. К ним относятся, например, *haj* 'опять, снова', *qyle*, *kam* 'быстро, скоро', *sen* 'сейчас, уже', *kot* 'уже', *kim* 'тогда', *kuseŋ* 'часто', *qobet* 'внимательно', *kama* 'прочь', *uska* 'назад, домой': *bu kama oron*, *bis uska diimbes* 'он прочь ушел, вечером назад вернулся'.

Особого внимания заслуживают модальные частицы, прежде всего отрицательные *at* и *bən*. Первая из них употребляется исключительно с формой императива: *at qasaq!* 'не входи!', *at qoskutn!* 'не бойся!', *ab bogdom at kajboros* 'мое ружье не бери!'. Частица *bən* используется во всех остальных случаях (не только с глаголами): *bu bən dutoŋot* 'он не спит', *ad bən itbedem* 'я не знаю', *ad tude bən dasanilebet* 'я этого не говорил' и т.д.

Частица *qaj* имеет уступительное значение: *qaj kiluŋut. ket bən qatuŋ* 'ты хоть и шаманил, а человека не узнал'; *ad daŋa qaj nima, a bu bən deaqlaq* 'я ему говорил было, но он не послушался'.

Весьма употребительна побудительная частица *qan*: *qan bu diuksibes* 'пусть он ее приведет!', *qan bu unabda*

'пусть он догадается', qan daniḡbutsibetn 'пусть они о себе подумают'. Она регулярно используется при выражении предшествования в будущем: ad qan dino kəḡa, uk qoq ket kuḡedaq 'когда я умру, одна жить будешь'; sil qan doboron, ad ab silāq qus dhabito 'лето настанет – я летний чум поставлю'; ul hyta qan tobladaq, atn aslenas doḡatn 'когда вода спадет, на лодках поедем' и т.п.

Частица sim охватывает широкий круг значений условности, уступительности, желательности, нереальности, гипотетичности действия или события: uk qonoks sim kiimbəs kəḡa, ad sim diluksunej 'если бы ты утром пришел, я бы тебя встретил'; sim tajam kəḡa, atn sim boḡonan 'если бы было холодно, мы бы костер разожгли'; besana abəḡa sim diimbəs! 'хоть бы кто-нибудь ко мне пришел!'; ab ob sim etdu! 'если бы мой отец был жив!'; ab kəḡa sim bən adatn 'хоть бы голова не болела!'

Итак, среди "слов-определителей", характеризующих процесс либо его участников и фактически лишенных собственной морфологии, по семантическим основаниям выделяются две замкнутые группы – числительные (типично приемленные) и модальные частицы (типично приглагольные определители); кроме них имеется обширный, но слабо дифференцированный промежуточный класс слов, способных выступать в обеих позициях. Отметим, что в кетском любые характеристики участников описываемой ситуации (и шире – любое определение любого имени) отличаются обязательной препозитивностью по отношению к существительному. Напротив, характеристики процесса обладают позиционной свободой и встречаются в высказывании практически в любом месте.

Неглагольное высказывание

Помимо высказываний рассмотренного типа развернутый текст включает в себя другие, более простые и не требующие столь детального анализа. Их общая особенность состоит в том, что их коммуникативная полноценность обеспечивается без участия глагола, который в них вообще не может быть введен.

По формальным основаниям такие высказывания распадаются на два типа. К первому относятся высказывания, оформляемые предикативными показателями, совпадающими с глагольными (см. табл. 7). Показатели выступают как суффиксы "слов-определителей", показатель неодушевленности по фонетическим причинам представлен губным сонорным согласным и обычно сопровождается соединительным гласным: ad kitej-di 'я молод (молода)', uk taḡam-ku 'ты седой (седая)', bu aqta-du 'он добрый', bu aqta da 'она добрая', atn oḡ-daḡ 'мы здоровы', əkḡ dajej-kaḡ 'вы больны', buḡ aliḡ-aḡ 'они сильны', sul kiḡ-am 'нарта новая', don et-am 'нож острый', destiḡen honin-am 'глаза маленькие'.

Другие примеры подобного рода: *tan sintu-ŋ-am* 'котел грязный', *qaŋneŋ hytym-am* 'горы высокие', *ses bil-am* 'речка недалеко', *hyl-am* 'ясно', *enqoŋ utas-am* 'сегодня душно', *yda us-am* 'весной тепло', *olka konij-am* 'на улице темно', *abaŋa soŋ-am* 'мне тяжело', *budiŋa tol-am* 'ей холодно', *buŋnaŋa aqta-m* 'им хорошо' и т.п.

В сочетании с "облативным" послелогом слово-определитель с предикативным суффиксом выражает степень признака: *ej ugde-da us-daŋal* 'сосна выше березы' (буквально 'сосна высока от березы'), *ej bylda aq-naŋal ugde-da* 'сосна - самое высокое из деревьев' (буквально 'сосна от всех деревьев высока'; названия деревьев в кетском относятся к одушевленным существительным), *kaŋen bylda assen-naŋal sil-da* 'лиса - самый хитрый зверь' ('лиса от всех зверей хитра').

Кроме выражения свойств и качеств так же могут оформляться и обозначения места, имеющие, правда, и параллельные варианты (см. ниже): *uk bisaŋ-ku?* 'ты где?' - *ad quska-di* 'я в чуме', *bu bisaŋ-du (bisaŋ-da)?* 'он (она) где?' - *bu aslinka-du (aslinka-da)* 'он (она) в лодке', *bogdom bisaŋ-am?* 'где ружье?' - *bogdom ambaldinŋ-am* 'ружье в амбаре' и пр.

Высказывания второго типа образуются без предикативных показателей: *kide akus* 'это что?' - *kide ab sul* 'это моя нарта', *kide bisse* 'это кто?' - *kide ab biseb* 'это мой брат (моя сестра)', *ukaŋa akus?* 'тебе чего?' - *abaŋa toŋs nara* 'мне денег надо', *eiŋ nara* 'идти надо', *abaŋa ek syqu* 'мне двадцать лет', *enqoŋ utas i* 'сегодня душный день' (ср. выше: *enqoŋ utas-am* 'сегодня душно'), *ad uk biseb* 'я твой брат (твоя сестра)', *ətn buŋna deŋ* 'мы их люди', а также *ad Baqta-dinŋ-ten ket* 'я из Бахты родом', *ab ob quska* 'отец в чуме', *bu aslinka* 'он (она) в лодке', *bogdom ambaldinŋ* 'ружье в амбаре' и т.д.

Особое положение занимают высказывания со словом *usa/usam/usaŋ*, обозначающие наличие чего-либо или кого-либо: *abaŋten, toŋssusam* 'у меня деньги есть', *abaŋten ob usa* 'у меня отец есть', *abaŋten yn bisnemen usaŋ* 'у меня два брата (две сестры)', *əkŋeŋten dylget usam* 'у вас дети есть' и т.п. Во всех этих и им подобных случаях *usa/usam/usaŋ* факультативно: *batanŋt qoq hun (usa)* 'у старика одна дочь', *ətnanŋten nan (usam)* 'у нас хлеб есть'.

В качестве одного из вариантов так может оформляться обозначение места: *əkŋna deŋ bisaŋ usaŋ?* (наряду с *əkŋna deŋ bisaŋ-aŋ?*) 'ваши люди где?', *talyŋ bisaŋ usa?* (наряду с *talyŋ bisaŋ-am?*) 'где мука?', *siŋ assen usaŋ* 'здесь звери есть' и пр.

Отрицательные формы *bansa* либо *bansaŋ* (из *bən+usa*, *bən+usaŋ*) употребляются равноправно: *hamganante sen bansa* ('у тунгусов оленей нет', *ətnanŋten nan bansa(ŋ)* 'у нас хлеба

нет'. Вместо них возможно и простое отрицание *bən* с иным порядком слов: *lapkadın̄ten boɟul bənsa*, *saj bənsa*, *kujbol bənsa* или *lapkadın̄ten bən boɟul*, *bən saj*, *bən kujbol* 'в магазине водки нет, чаю нет, мыла нет'; *budın̄t ob bənsa*, *am bənsa* или *budın̄t bən ob*, *bən am* 'у нее ни отца, ни матери'. С одушевленными именами при этом часто используется слово *inij* (приблизительно 'образ') [39, с. 578-579]: *kisaɟ bu-da-inij bənsa* 'его здесь нет', *am-d-inij qa bənsa* 'матери дома нет', *qojqodın̄t qoj-da-inij bənsa* 'в берлоге медведя нет'.

По нашему мнению, слова *usa(m)*, *usaɟ* не приходится считать глаголами ввиду полного отсутствия у них каких-либо глагольных показателей. По той же причине не является глаголом изолированное неизменяемое слово *obilda*, используемое для обозначения предшествования: *kide bisse obilda?* 'кто это был?', *uda obilda* 'была весна', *bu-da-qa obilda* 'он дома был'. В пределах одного высказывания это слово несовместимо с предикативными показателями и словами *usa(m)*, *usaɟ*:

ad oɟ-di 'я здоров'
bu kitej-da 'она молода'

ad oɟ obilda 'я здоров был'
bu kitej obilda 'она молода была'

dylget honin-aɟ 'дети
маленькие'
us-am 'тепло'
sujat kiɟ-am 'платье новое'

dylget hone obilda 'дети
были маленькими'
us obilda 'было тепло'
sujat ki obilda 'платье новое
было'

bunnaɟte dylget usa 'у
них дети'
abəɟte tib usaɟ 'у меня
есть собака'

bunnaɟte dylget obilda 'у
них дети были'
abəɟte tib obilda 'у меня
была собака'

Напротив, слово *obilda* может сочетаться с отрицанием *bənsa(ɟ)*: *kisaɟ bu-da-inij bənsa obilda* 'его здесь не было', *tik bənsa obilda* 'снега не было', *batdaɟ itaɟ bənsa obilda* 'у старика зубов не было' и т.д.

СВЯЗЬ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Кетская речь отличается заметным преобладанием глагольных высказываний (см. Приложение). Соединение высказываний в связном тексте в большинстве случаев формально никак не выражено; связность текста обеспечивается главным образом целостностью его содержания (ср.: [84, с. 1017]). Вместе с тем наряду с паратаксисом используются и специальные средства подчинения одного высказывания другому. К ним относится ряд служебных слов, квалифицированных выше как послеплоги, которые в отличие от индоевро-

пейских союзов всегда располагаются в постпозиции к глаголу. Их функции сводятся преимущественно к выражению локальных, временных, условных и причинно-следственных отношений. Ограничимся примерами наиболее употребительных из них (заимствовано из /34/):

baŋ: bam daaŋtoluŋ, bolban dajaŋtin baŋ 'старуха видела где грибы растут', ad al qot boŋon baŋ, ad daniŋilbet 'когда я до середины дороги дошел, вспомнил';

kaŋa: ad kitejdi kaŋa, aqta obilda 'когда я молодая была, я была красивая', bu qan hyta dtulodaq kaŋa, buŋas tam akus ana 'bən sitaq 'если он упадет, ничего с ним не случится';

kupka: assano boŋatn kupka, ab bogdom dkitabet 'прежде чем на охоту пойду, я ружье смажу';

qadiŋa: ab biseb duno qadiŋa, aŋn elokdiŋa doq deŋ diimbəsin 'после того, как мой брат умер, мы на Елогуй жить переехали';

(d)ugde: uk ksesta dugde, ad dsaldobet 'пока ты сидишь, я покурю'; ad kisaŋ doldaŋ dugde, ed bən datoluŋ 'сколько тут живу, соболя не видел';

diŋa: daŋaslan diŋa, tud baŋga aŋŋ kubbaŋan tok 'где дрова рубили, там вы топор найдете';

diŋt: bu boŋ ul bən davrob, sen adatan diŋt 'он вино не пьет, потому что печень болит';

diŋal: bu koletdiŋa oŋon diŋal, doŋ syqŋ binnem 'с тех пор, как он в город уехал, три года прошло', ules dat-bidaŋ diŋal, anuks ul kojonsin 'оттого, что дождь прошел, на другой день вода поднялась'.

Эти слова легко сочетаются друг с другом: bu dsetono, bu da don qodes kaŋa deskomdaq baŋ-ga 'он вспомнил, где вчера нож бросил', u abəŋa diksibes baŋ-diŋa, ad kisanas diŋedaŋ 'пока ты ко мне не приедешь, я здесь жить буду'.

* * *

Кетский – последний живой представитель некогда обширной языковой семьи, носящей название енисейской. Наряду с изолированными языками нивхов и юкагиров он остается одним из наиболее интригующих объектов лингвистических исследований среди языков Сибири.

Своеобразный и не во всем до конца понятый строй кетского языка, резко отличающий его от соседних, объясняет неослабевающий интерес к нему и продолжающиеся поиски подтверждений его прямого или более далекого родства с самыми разными языками, разбросанными на огромной территории трех континентов – от Пиренеев и Кавказа, Гиндукуша и Тибета до равнин Северной Америки. Эти поиски по сей день не дали убедительных результатов и породили ряд гипотез, зачастую весьма рискованных.

При отсутствии надежных доказательств генетических связей

енисейских языков с языками других семей особую значимость приобретает структурно-типологический подход. Он допускает отвлечение от любых экстралингвистических факторов и позволяет дать общее описание языковой системы (или ее существенных фрагментов) с целью определения ее сходства с любыми другими языковыми системами, описанными в тех же терминах. Структурная типология в принципе не знает ограничений ни на выбор отдельных языковых подсистем или ярусов в качестве непосредственных объектов сопоставления, ни на выбор единиц их описания. Структурно-типологическое описание неизбежно связано с отказом от рассмотрения многих частных деталей и тем самым с известным огрублением языковой реальности, однако оно дает представление о принципиальных особенностях звукового и грамматического строя того или иного языка.

Важнейшие типологические особенности кетской фонологии обусловлены ее относительной простотой. Явно неслоговой характер кетского языка не позволяет признать релевантными тональные различия, как бы они ни трактовались. Иначе говоря, фонологическая система кетского языка несомненно состоит из двух подсистем – вокалической и консонантной. При отсутствии монофонемных геминат, аффрикат и дифтонгов она насчитывает не более 12 согласных и 7 гласных фонем. В консонантизме обращает на себя внимание доминирование локальных противопоставлений над модальными; среди последних – относительно бóльшая развернутость звуковых оппозиций, различающих сонорные, звонкие и глухие согласные, при единственном преградном противопоставлении проточных смычным; кроме того, нерелевантность спонтанной палатализации губных и переднеязычных согласных. Для вокализма с тремя растворными ступенями и тремя локальными рядами следует отметить отсутствие достаточно убедительных доказательств релевантности различий по лабиализации, фарингализации и долготе.

Широкая вариантность фонемных реализаций в речи, усугубляемая индивидуальными особенностями произношения носителей разных говоров, а также обилие односложных и неслоговых морфем порождают омонимию таких гигантских масштабов, которая может оставаться допустимой без серьезного ущерба для коммуникативной функции языка, по-видимому, только в условиях исключительно бытового общения предельно малых коллективов говорящих.

Определяющая черта кетской грамматики – прямая маркировка семантических ролей (прежде всего агенса и пациенса), а не их переменных синтаксических позиций (подлежащего и прямого дополнения). Принцип прямой маркировки ролей и отсутствие диатезных противопоставлений позволяют отказаться от синтаксических понятий членов предложения и проводить анализ содержания речевых высказываний непосредственно в семантических терминах. При этом вполне достаточно членения содержания высказывания на обобщенные семантические компоненты четырех типов: наименование процесса как основы описания некоторой ситуации; наименование

участников ситуации; их роли и другие характеристики; характеристики процесса. Некоторые из этих значений (но не все) являются грамматическими, т.е. находят обязательное или по меньшей мере регулярное выражение; однако нужно признать, что степень такой регулярности и, следовательно, граница между грамматическими и лексическими значениями в ряде случаев по необходимости определяются произвольно.

Отказ от понятия членов предложения не влечет за собой отказа от понятий слова и частей речи, без которых утратили бы содержание понятия грамматической категории и парадигмы и стало бы невозможным описание грамматики как таковой. Из знаменательных частей речи в кетском выделяются глагол, существительное, местоимение, обладающие собственными парадигмами и категориями, и неизменяемые "слова-определители"; к служебным частям речи относятся послелог и некоторые частицы. Слова, принадлежащие к изменяемым частям речи, отличаются весьма сложным и нерегулярным морфемным составом; напротив, принципы организации их парадигм сравнительно просты.

Самой важной и информативной частью речи является глагол. Его парадигма включает в себя две двучленные процессуальные категории – наклонения (императив – не-императив) и вида (предшествование / не-предшествование) и пять партиципальных категорий – роли, одушевленности / неодушевленности, лица, числа и рода участников ситуации; за исключением категории лица, все они также двучлены. Для выражения частных значений этих категорий используются соответственно один общий процессуальный показатель и четыре альтернативных ряда показателей партиципальных, или ролевых; число последних в составе глагольной словоформы, как правило, не превышает двух. По числу обозначаемых ролей глаголы делятся на одновалентные и двухвалентные. Первые указывают на наличие агенса действия или состояния, вторые – на двух главных участников ситуации – агенса действия и пациенса. Высказывание, состоящее из одной глагольной словоформы, содержит наименование действия (события, состояния), указание на число его главных партиципалов, а также названные грамматизованные характеристики как самого процесса, так и его главных участников. Расширение такого ядерного глагольного высказывания за счет существительных позволяет включить в него наименования всех участников ситуации с их грамматическими характеристиками числа, одушевленности и рода, из которых две последние выражаются аналитически с помощью особой применной частицы. Остальные функции существительного – обозначение разнообразных второстепенных ролей дополнительных партиципалов, выражение других их характеристик и характеристик процесса – не грамматизованы и реализуются в свободных именных сочетаниях с другими знаменательными словами и послелогами.

Из двух прочих знаменательных частей речи местоимения в соответствии со своей природой имеют те же грамматические категории, что и существительные, а также категорию лица; однако они представляют собой лишь дейктические элементы, содержание

которых перемененно и зависит каждый раз от данного сообщения. Напротив, формально практически неизменяемые и потому объединяемые в один общий класс "слова-определители" являются семантически самостоятельными компонентами высказывания, характеризуют процесс и его участников.

Кроме того, отмечены разнообразные типы неглагольных высказываний, описывающих состояния и отношения, но не динамические процессы.

В предлагаемом описании, которое является лишь одним из возможных, невольно упущены или опущены сознательно многие детали и подробности; тем не менее мы полагаем, что это не должно сказаться на общих выводах. Распространенное мнение об исключительности и уникальности отдельных явлений звукового и грамматического строя кетского языка несомненно преувеличено. С точки зрения структурной типологии принципы организации его фонологической системы и грамматической парадигматики не выходят за рамки того, что известно и в других языках, в том числе далеко не столь экзотических. Вместе с тем среди соседних языков Сибири кетский действительно стоит особняком, что безусловно оправдывает уже предпринятые и все последующие усилия его исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В текстах выделены послелогои, показатели ролей, предшествования и множественности.

Т е к с т 1

ad d-nan-ibet

1. nan ad d-hin-l-iget. 2. nan ad d-uli-b-il-ta.
 3. ad d-labsa-on-bet. 4. ad bogdot-diņa d-kəl-u-n-tu.
 5. ad d-oltan-u-γobet, haj d-kəl-u-kstu, nan kəl-u-kstu.
 6. ad d-ola-b-taŋ nan. 7. bogdot-diņa d-taŋta-b-ta nan.
 8. honaŋ ad d-qa-b-etet. 9. nan b-il-daŋn, daŋn b-in-oγot.
 10. al ad d-sesqa-b-ta. 11. en ad d-sajde-bet.
 12. nan aqta b-il-daŋn, nan aqta-m.
- (Записано М.Н. Валл от У.К. Каменских, пос. Суломай, 1967 г.)

Я хлеб делаю

1. Хлеб (тесто) я помяла. 2. Тесто я раскатала. 3. Я лепешки сделала. 4. На костре горячими углями закрыла. 5. Я его вытаскиваю, опять горячими углями закрываю, горячими углями закрыт. 6. Я хлеб вынимаю. 7. На костер ребром хлеб ставлю. 8. Угольки соскабливаю. 9. Хлеб испекся, выпечка кончилась. 10. На бок я (лепешки) ставлю. 11. Теперь я чай пить буду. 12. Хлеб хорошо испекся, хлеб вкусный.

ad - я

d-nan-ibet - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола "делать хлеб"

nan - хлеб

d-hin-l-iget - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола "мять"

d-uli-b-il-taŋ - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола "раскатать что-либо"

d-labsa-on-bet - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола "делать лепешки"
 bogdot - очаг
 d-kāl-u-n-tu - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола "закрыть углями", "в угли зарыть"
 d-oltan̄-u-ʒobet - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола "вытаскивать что-либо"
 haj - опять
 d-kāl-u-kstu - непредшествование, от глагола "закрыть углями"
 d-ola-b-tan̄ - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола "вынимать"
 d-taqtā-b-ta - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола "ставить ребром что-либо"
 honan̄ - угли
 d-qa-b-etet - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола "соскабливать что-либо"
 b-il-daqn̄ - неодоушевленность, предшествование, от глагола "испечься"
 daqn̄ - выпечка
 b-in-oʒot - неодоушевленность, предшествование, от глагола "кончиться"
 al - бок
 d-sesqa-b-ta - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола "ставить на бок"
 en - теперь
 d-sajdebet - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола "чай пить"
 aqta' - хороший, хорошо
 aqta-m - предикативная форма для неодоушевленности; "хороший"

Т е к с т 2

ad (d)donibet

1. ad sas-aq ha-n-du, bok-on-a, atab d-kaj-m-n-em, hul d-kaj-m-n-em, e bog-diņa d-esko-b-in-daq, aʒatle d-ha-b-in-to. 2. atab-as ad d-kaj-m-n-em e bog-diņal. 3. hul-as aʒatl-diņt ad d-kylda-b-in-tet. 4. b-in-tol ad bog-diņa d-esko-b-in-d-aq, at-o-b-ʒon. 5. bogdot-diņal ad d-kaj-m-n-em atav-as e. 6. ad hul-as d-kylda-b-in-tet aʒatle d ə ʒet e, don sit-on-aq. 7. atis-as ad don d-o-m-n-ij, d-tatan̄qo-b-il-da. 8. ad bogdiņa deso-m-daq don. 9. tən-as ul ad d-ti-bin-daq, d-uj-b-in-a siņ. 10. don bog-diņa at-o-b-ʒon. 11. ad d-kaj-m-n-em atav-as don. 12. ad d-ulaņ-ol-bet ul-diņa, don ulaņ-ol-bet aqta. 13. ad d-ko-m-n-a don-ul oks-diņal. 14. don-diņt ad d-onul-il-bet. 15. don-ul ad d-eni-m-to don-diņa. 16. don-ul ad d-qobat-b-il-

ebet, don sit-on-aq. 17. en ad do-m-n-ej toputes-diŋa
don, et-o-b-ron. 18. ad salt-as d-t-ol-ŋat. 19. oks
ad d-kaj-m-n-em, ad oks d-ha-l-a don-as, eta-m-a.
20. don aqta sitanoq, don eta-m.

(Записано М.Н.Валл от У.К. Каменских, пос. Суломай, 1967 г.)

Я нож делаю

1. Я лиственничных дров нарубила, костер разожгла, щипцы
взяла, молоток взяла, железо в огонь бросила, наковальню поставила.
2. Я из костра щипцами железо взяла. 3. Молотком на наковальне
я ковала. 4. Как только остывало, в костер бросала, оно нагрева-
лось. 5. Из костра я щипцами железо брала. 6. Я железо молотком
на наковальне кую, нож готов. Подпилком я нож подточила, выровня-
ла. 8. Я в костер нож бросила. 9. Я готлом воды зачерпнула, ря-
дом поставила. 10. Нож в костре накалился. 11. Я взяла щипцами
нож. 12. Я закалила его в воде, нож хорошо закалился. 13. Я отре-
зала черенок от палки. 14. Для ножа я черенок сделала. 15. Черен-
нок я на нож насадила. 16. Черенок я как надо сделала, нож готов.
17. Теперь я наточила нож на грубом точиле, острый стал. 18. Я
маленьким точилом наточила. 19. Палку я взяла, палку я ножом
отрезала для пробы, нож очень острый. 20. Нож хороший получился,
нож острый.

ad - я

don - нож

sa.s-лиственница

aq- деревья, дрова

ha-n-du - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
"рубить"

bok-on-a - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
"жечь", "разжигать".

atab - щипцы

d-kaj-m-n-em - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от гла-
гола "взять что-либо"

hul - молоток

e - железо

bog- огонь

d-esko-b-in-daŋ - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от
глагола "бросить что-либо"

aŋatle - наковальня

d-ha-b-in-to - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от гла-
гола "ставить что-либо"

d-kylda-b-in-tet - - 1-е лицо, ед. число, предшествование,
от глагола "ковать что-либо"

b-in-tol - неодоушевленность, предшествование, от глагола
"остывать"

at-o-ʒon - неодушевленность, предшествование, от глагола
 "нагреваться"
 bogdot - очаг
 dəʒet - на, сверху
 sit-on-aq - неодушевленность, предшествование, от глагола
 "получиться"
 atis - подпилочек
 d-o-m-n-ij - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
 "подточить что-либо"
 d-tatarʒqo-b-il-da - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от
 глагола "выровнять что-либо"
 tən - котел
 ul - вода
 d-ti-b-in-da-q - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от гла-
 гола "зачерпнуть что-либо"
 d-uj-b-in-a - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
 "поставить что-либо"
 siŋ - рядом
 d-ulaŋ-ol-bet - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от гла-
 гола "закалять"
 ulaŋ-ol-bet - неодушевленность, предшествование, от глагола
 "закалиться"
 d-ko-m-n-a - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от гла-
 гола "резать что-либо"
 donul - черенок для ножа
 oks - палка
 d-onul-il-bet - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
 "сделать черенок"
 d-eni-m-(in)-ta - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от
 глагола "насадить что-либо"
 d-qobat-b-il-ebet - 1-е лицо, ед. число, предшествова-
 ние, от глагола "сделать что-либо как надо, правильно"
 en - теперь
 toʒutes - грубое точило
 et-o-b-ʒon - неодушевленность, предшествование, от глагола
 "стать острым"
 salt - маленькое точило
 d-t-ol-ʒat - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
 "наточить"
 d-ha-l-a - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
 "резать"
 eta-m - предикативная форма для не одушевленности; "острый"
 aqta - хорошо

Т е к с т 3

ab doq

1. ad baqta-diŋten ket. 2. ad uj-diŋten di-toʒot, ab

ob əre di-in-bes qol-diŋa. 3. ad bən itbedam, ad honin-di.
 4. tam anun syq-ŋ ab siŋ d-ol-daŋ. 5. qajŋe tyra o-
 ŋon baqta-diŋa-honina ad d-ento. 6. am ob-as oŋ-gon
 tyra. 7. ad ob-aŋ-as bo-ŋon, tyra doŋ-gon. 8. tyl ətn
 d-ol-di-n ob-aŋ-as. 9. tam anun syq-ŋ ətn d-ol-di-
 n ad bən itbedam. 10. ad ob du-n-o, am də-n-o. 11.
 ab ob-da biseb d-kas-din-os, ad d-il-di-tos. 12. ab
 ob-da biseb tam anun syq-ŋ d-ol-daŋ, qajŋe əre
 d-in-bes qol-diŋa. 13. ab-əŋten obilda enaŋo aŋe-m-am
 qo syq-ŋ. 14. ob-da biseb-daŋten ad d-ol-daŋ. 15. ad
 d-tet-n-am, deŋ-naŋa bo-ŋ-on-den. 16. ab ob-da bi-
 seb haj tyra o-ŋon, baqta-diŋten du-n-o. 17. ab-əŋten
 a deŋ obilda, qaŋ du-n-un, honin-se qoq da-t-on-et.
 18. ab tet armija-diŋten tam biles o-ŋon, tam d-a-ŋ-o-
 jaŋin. 19. ab hun da-qa-oŋon, da-tet-n-ma, deŋ-naŋa
 u-ŋon. 20. ab qoq ket d-igd-o-ŋon. 21. qoq ket ad
 bən in d-ol-daŋ, qajŋe ab hun da-kas-di-n-os. 22. ket
 bada: bam qan da-iksibes. 23. en ad buŋ-as di-ŋadaŋ.

Моя жизнь

1. Я родом из Бахты. 2. Я еще в люльке лежала, когда мой отец приехал на Подкаменную Тунгуску. 3. Я не знаю, не помню, я была маленькая. 4. Несколько лет мой отец жил здесь. 5. Потом вниз по реке ушел в Бахту - я немного помню. 6. Мать с отцом вниз ушли. 7. Я с родителями ушла, мы вниз ушли. 8. Потом мы жили с родителями. 9. Сколько-то лет мы жили, я не знаю. 10. Мой отец умер, мать умерла. 11. Брат моего отца несколько лет там жил, потом сюда, на Подкаменную Тунгуску, приехал. 13. Мне тогда было, пожалуй, 16 лет. 14. Я жила у брата отца. 15. Я вышла замуж, ушла в семью мужа (буквально: к людям). 16. Брат моего отца снова вниз уехал, в Бахте умер. 17. У меня было шестеро детей (буквально: людей), пять умерло, самая младшая одна осталась. 18. Мой муж в армии где-то куда-то пропал, вероятно, его убили. 19. Моя дочь выросла, вышла замуж, в семью мужа ушла (буквально: к людям). 20. Я одна осталась. 21. Одна я недолго жила, потом моя дочь взяла меня. 22. Муж сказал: "Старуха пусть к нам приходит". 23. Теперь я с ними живу.

ab - моя; мой

doq - жизнь

ad - я

baqta - Бахта (название поселка)

ket - человек

uj - люлька

di-toŋot - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
 "лежать"

ob - отец

aŋe - сюда

di-in-bes - 3-е лицо, ед. число, м.род, предшествование, от глагола "приходить"
 qol - Подкаменная Тунгуска
 bən - не, нет
 itbedam - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола "знать"
 honin-di - предикатная форма, 1-е лицо, ед. число; "маленький, маленькая"
 tam anun - несколько
 syq-ŋ - мн. число "годы"
 siŋ - здесь
 d-ol-daŋ - 3-е лицо, ед. число, м. род, предшествование, от глагола "жить"
 qajre - потом, затем
 tuŋa - вниз по реке
 o-ŋon - 3-е лицо, ед. число, м. род, предшествование, от глагола "уходить"
 d-en-to - 1-е лицо, ед. число от глагола "помнить"
 oŋ-gon - 3-е лицо, мн. число, предшествование, от глагола "уходить"
 bo-ŋon - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола "уходить"
 doŋ-gon - 1-е лицо, мн. число, предшествование, от глагола "уходить"
 tyl - потом
 ɛtn - мы
 d-ol-di-n - 1-е лицо, мн. число, предшествование, от глагола "жить"
 ob-aŋ - мн. число "отцы", "родители"
 du-n-o - 3-е лицо, ед. число, м. род, предшествование, от глагола "умирать"
 də-n-o - 3-е лицо, ед. число, ж. род, предшествование, от глагола "умирать"
 biseb - брат, сестра
 d-kas-di-n-os - 3-е лицо, ед. число, м. род, от глагола "взять кого-либо"
 d-il-di-tos - 3-е лицо, ед. число, м. род, от глагола "воспитывать кого-либо"
 enaŋo - приблизительно
 obilda - было
 d-tet-n-am - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола "выходить замуж"
 aŋe, a - шесть
 qo - десять
 d-ol-daŋ - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола "жить"
 da-tet-n-am - 3-е лицо, ед. число, ж. род, предшествование, от глагола "выходить замуж"
 deŋ - люди

bo-ʔ-on-den - см. глагол "bo-ʔ-on"
qaŋ - пять
du-n-un - 3-е лицо, мн. число, предшествование, от глагола "уми-
рать"
da-t-on-et - 3-е лицо, ед. число, ж. род, предшествование, от
глагола "оставаться"
tet - муж
tam biles - куда-то
tam - пожалуй
d-a-ʔ-o-jaŋin - 3-е лицо, ед. число, м. род, предшествование,
от глагола "убивать кого-либо"
hun - дочь
da-qa-o-ʔon - 3-е лицо, ед. число, ж. род, предшествование, от
глагола "расти"
u-ʔon - 3-е лицо, ед. число, ж. род, предшествование, от глагола
"уходить".
qoq - один, одна
d-igd-o-ʔon - 1-е лицо, ед. число, предшествование, от глагола
"оставаться"
bada - 3-е лицо, ед. число, м. род, предшествование, от глагола
"сказать"
bam - старуха
da-iksibes - 3-е лицо, ед. число, ж. род, непредшествование, от
глагола "приходить"
en - теперь
buŋ - они
di-ʔadaq - 1-е лицо, ед. число, непредшествование, от глагола
"жить"

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин В.А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. - 198 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: Наука, 1976. - 383 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. - 606 с.
4. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1975. - 156 с.
5. Белимов Э.И. Определение и способы его выражения в енисейских языках // Исследования по языкам народов Сибири. - Новосибирск: Изд-во Ин-та истории, филологии и философии СО АН СССР, 1977. - С. 17-28.
6. Белимов Э.И. Структура предикатной основы предложения при финитных и инфинитных формах глагола-сказуемого в енисейских языках // Инфинитные формы глагола. - Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1980. - С. 96-104.
7. Белимов Э.И. Сложное и составное сказуемое в енисейских языках // Грамматические исследования по языкам Сибири. - Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1982. - С. 132-141.
8. Блумфилд Л. Язык: Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1968. - 607 с.
9. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М.: Наука, 1963. - Т. 2. - 391 с.
10. Брехт Р.Д. О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы БЫ в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 15: Современная зарубежная русистика. - С. 101-117.
11. Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции // Исследования по общей теории грамматики. - М.: Наука, 1968. - С. 175-131.
12. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. - М.: Наука, 1977. - 286 с.
13. Валл М.Н. О некоторых значениях "ес'анг" в функции падежного аффикса // Учен. зап. Омск. пед. ин-та. - 1969. - Вып. 52. - С. 167-169.
14. Валл М.Н., Канакин И.А. К типологии енисейских консонантных систем // Проблемы типологии и контрастивного описания языков. - Новосибирск: Наука, 1984. - С. 48-59.
15. Валл М.Н., Канакин И.А. Категории имени в кетском языке. - Новосибирск: Наука, 1985. - 56 с.
16. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1982. - Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. - С. 376-410.

17. Вернер Г.К. К фонологической интерпретации ларингального смычного в кетском языке // *Вопр. языкознания.* - 1969. - № 1. - С. 85-92.
18. Вернер Г.К. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // *Вопр. языкознания.* - 1974. - № 1. - С. 34-45.
19. Вернер Г.К. Кетская акцентология: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1974. - 44 с.
20. Вернер Г.К. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам // *Языки и топонимия.* - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. - Вып. 4. - С. 131-197.
21. Вернер Г.К. О термине "тон" в применении к кетскому языку // *Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук.* - 1979. - № 11, вып. 3. - С. 143-146.
22. Вернер И.Г. Категория рода в кетском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1972. - 17 с.
23. Вернер Г.К., Вернер И.Г. О родовой дифференциации в падежных показателях современных енисейских языков // *Склонение в палеоазиатских и самодийских языках.* - Л.: Наука, 1974. - С. 211-219.
24. Вернер Г.К., Живова Г.Т. К характеристике классной системы в енисейских языках // *Вопр. языкознания.* - 1981. - № 5. - С. 31-38.
25. Вишгородова Л.Е. Словообразование имен прилагательных кетского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1981. - 23 с.
26. Володин А.П. Падеж: форма и значение или значение и форма? // *Склонение в палеоазиатских и самодийских языках.* - Л.: Наука, 1974. - С. 261-291.
27. Воронкова Г.В. Проблемы фонологии. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. - 135 с.
28. Воронкова Г.В., Стеблин-Каменский М.И. Фонема - пучок РП? // *Вопр. языкознания.* - 1970. - № 6. - С. 15-26.
29. Гайер Р.С. Формы императива простых глаголов кетского языка (имбатский диалект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1973. - 24 с.
30. Гайер Р.С. Структура и модели простых глаголов кетского языка // *Вопросы енисейского и самодийского языкознания.* - Томск: Томск. пед. ин-т, 1983. - С. 62-71.
31. Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в ирландском языке. // *Морфологическая структура слова в индоевропейских языках.* - Л.: Наука, 1970. - С. 71-103.
32. Гордина М.В. Линейные фонологические единицы слоговых и неслоговых языков // *Теория языка, методы его исследования и преподавания.* - Л.: Наука, 1981. - С. 75-79.
33. Грепц М. О сущности модальности // *Языкознание в Чехословакии.* - М.: Прогресс, 1978. - С. 277-301.
34. Гришина Н.М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1979. - 30 с.
35. Деннинг Р.Ф. Фонетика имбатских говоров кетского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1971. - 20 с.
36. Деннинг Р.Ф. Консонантизм курейского говора кетского языка // *Структура палеоазиатских и самодийских языков.* - Томск: Томск. пед. ин-т, 1984. - С. 121-136.
37. Дешериева Т.И. Субъектно-объектные отношения в разноструктурных языках. - М.: Наука, 1985. - 168 с.
38. Докулил М. К вопросу о морфологических противопоставлениях: Критика теории бинарных корреляций в морфологии чешского языка // *Языкознание в Чехословакии.* - М.: Прогресс, 1978. - С. 83-118.

39. Дульзон А.П. Кетский язык. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1968. – 632 с.
40. Ельмслев Л. О категориях личности – неличности и одушевленности – неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 114–152.
41. Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. – М.: Высшая школа, 1974. – 317 с.
42. Звегинцев В.А. Предисловие // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 5–32.
43. Иванов Вяч. Вс. Заметки по типологии кетского глагола // Проблемы типологии и контрастивного описания языков. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 18–29.
44. Кантино Ж.П. Сягннификативные оппозиции // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 61–94.
45. Каргер Н.К. Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. – М.; Л.: Гос. уч. –пед. изд-во, 1934. – Ч. 3. – С. 223–238.
46. Касевич В.Б. Некоторые логические аспекты понятия фонемы // Вопр. языкознания. – 1971. – № 5. – С. 49–56.
47. Касевич В.Б. О соотношении незнаковых и знаковых единиц в слоговых и неслоговых языках // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 120–126.
48. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. – М.: Наука, 1977. – 182 с.
49. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. – М.: Наука, 1983. – 294 с.
50. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
51. Климов Г.А. Фонема и морфема. – М.: Наука, 1967. – 127 с.
52. Климов Г.А. Типология языков активного строя. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
53. Кодзасов С.В., Кривнова О.В. Современная американская фонология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 192 с.
54. Костяков М.М. Относительное употребление форм времени в кетском языке // Вопросы языка и литературы народов Сибири. – Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1974. – С. 30–37.
55. Крейнович Е.А. О модели глагола в кетском языке с основой в конце слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков – М.; Л.: Наука, 1965. – С. 177–198.
56. Крейнович Е.А. Способы действия в глаголе кетского языка // Кетский сборник: Лингвистика. – М.: Наука, 1968. – С. 75–138.
57. Крейнович Е.А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сборник: Лингвистика. – М.: Наука, 1968. – С. 139–196.
58. Крейнович Е.А. Глагол кетского языка. – Л.: Наука, 1968. – 281 с.
59. Крейнович Е.А. Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. – М.: Наука, 1969. – С. 6–112.
60. Крупа В. Полинезийские языки. – М.: Наука, 1975. – 140 с.
61. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. – М.: Наука, 1974. – 319 с.
62. Кузнецов П.С. Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничения различных типов их // Исследования по фонологии. – М.: Наука, 1966. – С. 199–216.
63. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

64. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1981. - Вып. 10: Лингвистическая семантика. - С. 350-368.
65. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1981. - Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. - С. 193-235.
66. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. - М.: Наука, 1969. - 308 с.
67. Макаев Э.А. Морфологический строй общегерманского языка // Проблемы морфологического строя германских языков. - М.: Наука, 1963. - С. 54-73.
68. Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания // Исследования по структурной типологии. - М.: Наука, 1963. - С. 3-31.
69. Нунэн М. О подлежащих и топиках // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1982. - Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. - С. 356-375.
70. Омельянович Н.В. К вопросу о факультативности в изолирующих языках // Восточное языкознание: Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 63-68.
71. Основные направления структурализма. - М.: Наука, 1964. - 359 с.
72. Плоткин В.Я. О принципе бинарности в строении английской видовременной системы // Филол. науки. - 1965. - № 2. - С. 69-75.
73. Плоткин В.Я. Принцип бинарности в развертывании английской видовременной системы // Филол. науки. - 1969. - № 5. - С. 87-92.
74. Плоткин В.Я. Эволюция систем грамматических оппозиций в истории германских языков // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. - М.: Наука, 1972. - С. 109-118.
75. Плоткин В.Я. Об основных фонологических единицах // Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы докладов секционных заседаний. - М., 1974. - С. 209-211.
76. Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. - Кишинев: Штиинца, 1975. - 128 с.
77. Плоткин В.Я. Очерк диахронической фонологии английского языка. - М.: Высшая школа, 1976. - 150 с.
78. Плоткин В.Я. О первичной фонологической единице // Грамматические и фонетические исследования по германским языкам. - Кишинев: Штиинца, 1977. - С. 138-168.
79. Плоткин В.Я. Кинакема, фонема, слог // Теория языка, методы его исследования и преподавания. - Л.: Наука, 1981. - С. 191-195.
80. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем. - М.: Наука, 1982. - 127 с.
81. Плоткин В.Я. О системе румынских кинакем // Фонетика-83: Материалы к X Международному конгрессу фонетических наук. - М., 1983. - С. 150-156.
82. Поленова Г.Т. Кетский результатив // Исследования по грамматике и лексике енисейских языков. - Новосибирск: Наука, 1986. - С. 31-38.
83. Порогова Т.И. Образование и употребление форм числа существительных кетского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Томск, 1968. - 22 с.
84. Принципы описания языков мира. - М.: Наука, 1976. - 341 с.
85. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика: Проблемы и методы. - М.: Наука, 1977. - 263 с.
86. Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. - М.: Наука, 1978. - 287 с.

87. Реформатский А.А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // Исследования по фонологии. - М.: Наука, 1966. - С. 184-198.
88. Рождественский Ю.В. Типология слова. - М.: Высшая школа, 1969. - 284 с.
89. Сегал Д.М. Фонология кетского языка (пакулихинский говор) // Кетский сборник: Лингвистика. - М.: Наука, 1968. - С. 26-74.
90. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. - М.: Наука, 1986. - 213 с.
91. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. - М.: Наука, 1977. - 331 с.
92. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. - Л.: Наука, 1982. - С. 144-237.
93. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. - 140 с.
94. Степанов Ю.С. Основы языкознания. - М.: Просвещение, 1966. - 271 с.
95. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. - М.: Наука, 1975. - 311 с.
96. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. Семантикограмматика. - М.: Наука, 1981. - 360 с.
97. Терещенко Н.М. Грамматические категории глагола в самодийских языках // Типология грамматических категорий. - М.: Наука, 1975. - С. 140-155.
98. Тронский Н.М. Общеширокоязычное языковое состояние. - Л.: Наука, 1967. - 102 с.
99. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - М.: Высшая школа, 1965. - Ч. 2. - С. 255-281.
100. Феер Б.Б. Дистрибуция согласных в тональном кетском языке (пакулихинский говор) // Фонетика сибирских языков. - Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1979. - С. 98-120.
101. Феер Б.Б. Двухфазовые конечнотолчковые гласные в кетском языке // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. обществ. наук. - 1980. - № 11, вып. 3. - С. 132-140.
102. Феер Б.Б. Акустические характеристики гласных кетского языка по пневмоопциограммам (пакулихинский говор): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1983. - 16 с.
103. Филдмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1981. - Вып. 10: Лингвистическая семантика. - С. 369-495.
104. Филдмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1981. - Вып. 10: Лингвистическая семантика. - С. 496-530.
105. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. - Л.: Наука, 1986. - 272 с.
106. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, толики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1982. - Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. - С. 277-316.
107. Шабаев В.Г. Использование частицы БИИ для выражения видового значения завершенности в кетском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. - Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1982. - С. 153-159.
108. Шабаев В.Г. Функциональный анализ системы субъектно-объектных по-

- казателей кетского глагола (основные принципы дифференциации на базе простых глаголов с основой в конце слова): Дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1984. - 196 с.
109. Шахтер П. Рольевые и референциальные свойства подлежащих // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1982. - Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. - С. 317-355.
 110. Якобсон Р., Фант Г.М., Халле М. Введение в анализ речи. Различные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. - М.: Изд-во иностр. лит., 1962. - Вып. 2. - С. 173-231.
 111. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. - М.: Наука, 1972. - С. 95-113.
 112. Castren M.A. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kot-tischen Sprachlehre. - St. Petersburg: Hrsg. von A. Schiefner, 1858. - 154 S.
 113. Donner K. Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenissei-ostjakischen. - Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1955. - 135 S.
 114. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. - 306 S.
 115. Plotkin V. Systems of Ultimate Phonological Units // Phonetica. - 1976. - Vol. 33, N 2. - P. 81-92.
 116. Plotkin V. The Kinakeme as the Ultimate Unit of Language // Kwartalnik neofilologiczny. - Poznań, 1978. - N 3. - P. 275-288.
 117. Trubetzkoy N.S. Grundzüge der Phonologie. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. - 294 S.
 118. Wolfart H. Ch., Carroll J.F. Meet Cree. A Guide to the Cree Language. - Edmonton: The University of Alberta Press, 1981. - 116 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Фонология	5
Принципы описания	-
Консонантизм	12
Вокализм	18
Синтагматика фонем	21
Грамматика	25
Принципы описания ролевого языка	-
Простое глагольное высказывание	29
Морфемика глагола	-
Партиципантные (ролевые) показатели	-
Процессуальные показатели	44
Парадигматика глагола	52
Расширенное глагольное высказывание	59
Имя существительное в глагольном высказывании	60
Парадигматика имени	70
Местоимение	73
"Слова-определители"	77
Неглагольное высказывание	80
Связь высказываний	82
Приложение	87
Список литературы	94

Научное издание

Валд Маргарита Николаевна
Канакин Игорь Александрович

ОЧЕРК ФОНОЛОГИИ
И ГРАММАТИКИ КЕТСКОГО ЯЗЫКА

Редактор издательства Т.В. Романенко. Художник А.И. Смирнов.
Технический редактор Н.М. Остроумова. Корректоры Г.И. Шведкина,
Л.Л. Михайлова

ИБ № 34994

Сдано в набор 21.12.89. Подписано в печать 29.06.90. Формат 60x90 1/16.
Бумага тип № 2. Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 6,8.
Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 500 экз. Заказ № 970. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука", Сибирское
отделение, 630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.

4-я типография издательства "Наука", 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАУКА"

готовит к выпуску в 1990 г. книги

Вопросы грамматики монгольских языков

Сборник посвящен актуальным малоизученным опорным вопросам грамматики монгольских языков, без разработки которых невозможно приступить к составлению научной грамматики бурятского языка – неотложной задаче бурятских лингвистов.

В сборнике освещаются спорные вопросы, касающиеся выделения частей речи в монгольских языках и особой группы слов, указывающей на все знаменательные части речи. Обсуждаются спорные вопросы статуса, состава и количества видов и видовых классов в бурятском глаголе. Рассматриваются принципы составления научной и учебной грамматики бурятского языка.

Книга рассчитана на филологов, специалистов по монгольским языкам.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм

Монография видного исследователя посвящена изучению важнейшего этапа в развитии литературного якутского языка, связанного с переходом якутской письменности на новый алфавит на основе русского. Анализируются проблемы разработки и внедрения грамматических, фонетических, орфографических и лексических норм, возникающие в процессе развития общественных функций и расширения сферы употребления якутского языка. Создается теоретическая база для углубленного изучения общих вопросов развития младописьменных языков.

Книга рассчитана на филологов, лингвистов.

Семантика древних образов: Первобытное искусство

Одной из волнующих проблем истории человечества и его культуры по-прежнему остается проблема первобытного искусства, зарождения эстетического чувства и художественного творчества.

Сюжеты и образы первобытного искусства многообразны. В литературе не прекращаются жаркие споры о смысле и назначении первобытного искусства, семантике его образов.

Продолжая публикацию материалов по проблемам первобытного искусства, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР посвящает настоящее издание семантике древних образов. В статьях сборника раскрывается смысловое значение наскальных рисунков Урала, Горного Алтая и нижнего Амура. Реконструируются космогонические и эпические представления кочевого населения степей юга Сибири и Центральной Азии. Анализируются образы воинов в изобразительном искусстве племен Минусинской котловины в эпоху древности. Рассматриваются мотивы южно-сибирской и восточно-европейской торевтики в культурах кочевников средневековья.

Семантический анализ образов, будь то наскальные рисунки или орнаментальные сюжеты на глиняных сосудах, раскрывает мировоззрение народов Евразии. Оно не исчерпывалось лишь культом плодородия, как считают некоторые исследователи, включало целый комплекс религиозно-мифологических воззрений.

Книга рассчитана на археологов, этнографов и искусствоведов.

Заказы направлять:

630090 Новосибирск, Морской пр-т 22,
магазин "Наука"